

Жизнь и деятельность Бальтазара Коссы

Александр Парадисис

Оглавление

От автора	4
-----------	---

Введение	9
----------	---

* * *	11
-------	----

* * *	26
-------	----

* * *	36
-------	----

Полайоло. Портрет девушки.	47
------------------------------------	----

(Предполагаемый портрет Яндры Капистраны делла Скала).	47
---	----

* * *	66
-------	----

* * *	71
-------	----

* * *	75
-------	----

* * *	88
-------	----

* * *	93
-------	----

* * *	95
* * *	96
* * *	98
Инквизиция. Пытка	103
* * *	103
* * *	106
* * *	120
* * *	133
Пиратские корабли	151
Д. Кольер. Папа Урбан VI	161
Папа Бенедикт XIII. Гравюра	218
* * *	220
* * *	252
* * *	257
* * *	260
* * *	266
* * *	271
Папа Григорий XII	272
ВЕЛИКИЙ ПАСТЫРЬ ХРИСТИ- АН АЛЕКСАНДР V (КРИ- ТЯНИН ПЕТР ФИЛАРГ) СКОНЧАЛСЯ В 1410 ГО- ДУ [22]	301

* * * 317

203

352

* * * 360

* * * 367

* * * 372

* * * 376

* * * 384

Папа Александр V 385

Папа Иоанн 390

Папа Иоанн XXIII и Сигизмунд на
 соборе в Констанце. 397

* * * 398

П. Учелло. Портрет Имы Давероны 401

* * * 402

* * * 410

* * * 415

* * * 418

* * * 419

Донателло. Голова-профиль папы
 Иоанна XXIII. 436

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ПРАХ БАЛ- ТАЗАРА КОССЫ, БЫВ- ШЕГО ПАПЫ ИОАННА XXIII	461
* * *	461

Послесловие	462
--------------------	------------

Библиография [56]	484
--------------------------	------------

От автора

Когда осенью 1958 года кардинал Ронкалли был избран коллегией кардиналов на папский престол и стал главой западной церкви, он принял имя Иоанна (это имя теперь должны будут произносить миллионы верующих, под этим именем с цифрой XXIII он войдет в историю). Но немногие, вероятно, знают, что задолго до наших дней уже существовал папа с таким же именем— «Иоанн XXIII».

Можно ли считать случившееся результатом неосведомленности? Конечно, нет. Всем компетентным лицам, близким к святому престолу, хорошо известно, что в летописях Ватикана под именем Иоанна фигурируют двадцать три папы, исключая нынешнего.

Почему же тогда последний святейший решил именовать себя «Иоанном XXIII», а не «Иоанном XXIV», почему присвоил имя своего предшественника, папы Иоанна XXIII, который жил почти 550 лет назад, будто его и вовсе не существовало?

Известно, что первый Иоанн XXIII был отстранен от престола, известно, что в конце кон-

цов он и сам вынужден был от него отречься, но до отстранения в течение пяти лет его признавали папой, главой западного христианства. Это он созвал Констанцкий собор и председательствовал на нем. Его признавали папой народы Запада, Севера, Центральной и Восточной Европы (Польша), германский император и правители Италии. Иоанн XXIII воевал с могущественными монархами и предавал их анафеме.

Как же могло случиться, что после пятилетнего пребывания на папском престоле, отстранения от престола и еще четырех лет жизни в сане кардинала Иоанна XXIII пытаются представить «несуществующим»? Ссылаются на то, что он ошибочно причислялся к папам, что он был избран противозаконно. Однако если стать на эту точку зрения, то и его предшественник папа Александр V (Петр Филарг с острова Крит) тоже был незаконным, так как его избирал тот же конклав, те же кардиналы, которые избрали Иоанна XXIII.

Почему же тогда Родриго Борджиа почти через столетие после правления «незаконного»

Александра V назвали Александром VI, почему последующие два папы—Фабио Киджи и Петр Оттобони—называли себя соответственно Александром VII и Александром VIII? Почему раньше избрание Александра V и Иоанна XXIII было признанным и только теперь объявляется незаконным? Не ошибались ли в своих суждениях папы, предшественники нынешнего Иоанна XXIII? А если они не ошибались, то как и когда возникла версия о «незаконности»?

Должно быть, только в 1958 году! Потому что только одна книга—«Перечень пап», изданная в это время, вычеркнула первого Иоанна XXIII. Все остальные книги по истории католической церкви, авторы которых известны как верные приверженцы католицизма—такие, как Флери, Альцог, аббат Мурре, философ пастор Эймар, — повествуя о событиях, происходивших 550 лет назад, упоминают папу Иоанна XXIII. Один из старейших историков католической церкви, Камилло да Виореджо, в предисловии к своей книге «История папства» пишет: «Со дня смерти Иисуса Христа до настоящего года (1740) были избра-

ны законно двести сорок шесть пап». И считает Александра V двести пятым, а Иоанна XXIII—двести шестым.

В истории уже известен один Иоанн XXIII—это первый Иоанн XXIII, и всякая попытка предать его забвению обречена на неудачу. Невозможно абсолютно уничтожить следы бурной жизни и деятельности этой пресловутой, пользующейся скандальной известностью личности, сумевшей пробраться на папский престол и в течение пяти лет занимать его, влиять на ход исторических событий.

Если же подобная попытка окажется успешной, то следует тогда зачеркнуть тысячи других не менее постыдных событий в истории западной церкви.

Введение

История, которая будет нами изложена, настолько поразительна, что у большинства читателей справедливо возникнет вопрос: неужели такие дела могли вершить корифеи церкви? Описываемые события в большинстве покажутся невероятными, даже если предположить, что их совершали люди, являвшиеся подонками общества. Но в том, что история эта достоверна, что факты, изложенные здесь, действительно имели место, самых недоверчивых читателей смогут убедить цитируемые отрывки из трудов историков церкви, современников нашего героя (Иоанна XXIII) и живших после него, а также цитаты из источников настоящего времени.

Даже теперь, когда люди читают немало исторических книг, некоторые события кажутся неправдоподобными, остаются непонятными и неразгаданными. История раскрывает такие таинственные и страшные факты, по сравнению с которыми даже самая богатая фантазия романиста кажется детской забавой.

Для того чтобы помочь читателю разобраться в событиях, излагаемых ниже, мы в этом вве-

дении коротко расскажем о событиях, происшедших до того, как Иоанн XXIII—первый Иоанн XXIII—завладел «престолом апостола Петра». Перед вами, как на киноленте, промелькнут образы многих «преемников апостола Петра» такими, как их представили нам их современники и известные историки католической церкви.

* * *

Так как галерея предшественников нашего героя очень обширна, мы ограничимся показом лишь некоторых из них. Мы извлечем эти образы из той эпохи, когда произошел раскол между западной и восточной церковью.

Эймар, специалист по истории католической церкви, пишет: «Папа Адриан II был женат и имел дочь. Один из высокопоставленных церковников, видная фигура при папском дворе, желая породниться с папой, попросил руку его дочери для своего сына. Папа отказал ему. Оскорбленный священнослужитель решил отомстить, похитил жену и дочь папы и убил их. Адриан II су-

мел разыскать и поймать преступника. Преступник был задушен в папской тюрьме».

Следующий папа, Иоанн VIII, на протяжении всех лет своего правления вел борьбу с умным и хитрым иерархом церкви епископом портоским Формозом, который был известен тем, что посредством интриг и подкупа пытался отколоть от восточной церкви отдельные епархии и страны.

Деятельность его была довольно успешной, ему едва не удалось присоединить к западной церкви Болгарию и объявить себя ее патриархом. Бороться с Формозом было тем более трудно, что на его стороне был народ Рима. Папа был вынужден бежать во Флоренцию. Но ему обманом удалось заманить к себе Формоза, и он возил его за собой из города в город до тех пор, пока не кончилось восстание в Риме.

Но, возвратившись в Рим, папа вскоре был убит своими родственниками, которые проникли во дворец, пытаясь овладеть сокровищами, хранившимися там. Они заставили папу принять сильный яд. Яд не подействовал. Тогда родственники решили расправиться с папой по-иному.

Один из них молотком пробил ему череп.

Так описывает смерть Иоанна VIII историк Карл Иозеф фон Хефеле в своем труде «История соборов».

Кардинал Бароний, перерывший все архивы Ватикана при написании своей многотомной «Церковной летописи от рождества Христова до 1198 года», рассказывая об этой эпохе, убедительно просит читателей не ругать его, если у них волосы встанут дыбом от ужаса при чтении его труда. «Но я обязан, – пишет он, – рассказать несчастным христианам о страшных кощунствах служителей церкви, позорящих святыню». И добавляет из Даниила: «И ныне услыши, Боже наш, молитву раба Твоего и моление его и возри светлым лицом Твоим на опустошенное святилище Твое...» В заключение кардинал говорит: «Неисчислимы бедствия, которые причинили народу чудовищные скоты, сидевшие на святом престоле, покрыли его вечным позором».

Не отстал от своих предшественников и Адриан III. За короткий срок своего пребывания на папском престоле он тоже сумел кое-что сделать.

Так, например, он арестовал одного из приверженцев Формоза и выколол ему глаза [52].¹

Следующий папа, Формоз, человек умный и ловкий, умело и гибко проводил свою политику. Он союзничал то с одним, то с другим правителем или порывал с ними, если того требовали обстоятельства. Но успех его был кратковременным. Его бывшие союзники быстро поняли, что он обманывает их одного за другим, и в конце концов все стали его врагами. Кроме того, им были недовольны и народные массы Рима. Папа увидел, что он остался один. От страха его разбил паралич и он умер.

После его смерти на папский престол был избран Стефан VI, ярый противник Формоза. Первое, что он сделал, заняв престол, – это созвал Высший церковный суд, чтобы судить умершего папу Формоза. Стефан VI приказал вырыть труп своего предшественника из могилы и принести его во дворец. Зловонный труп (он уже око-

¹Здесь и далее в квадратных скобках дается ссылка на библиографию в конце книги. – *Прим. ред.*

ло двадцати дней пролежал к земле) доставили новому папе, прикрыли папским облачением, и начался суд.

– Почему ты согласился оставить епископство в Порто и сесть на римский престол? Разве ты не обещал папе Иоанну VIII не покидать Порто и не соглашаться на это предложение? – спрашивали судьи-епископы. – Не ты ли клятвенно заверял святейшего, что скорее вообще откажешься от служения церкви [104]?

Так как мертвец не защищался и не оправдывался, его осудили на отстранение от престола. Стефан VI приказал снять с него папское облачение. Затем мертвеца подвергли еще одному наказанию: палач ножом отсек ему три пальца на правой руке.

– А теперь бросьте его в Тибр, – приказал папа.

Приказ был выполнен.

Кремонский епископ Лиутпрандт в своих трудах также описывает это событие (о нем писали почти все историки католической церкви) и далее говорит: «Рыбаки, которые тащили труп к

реке, проходя мимо собора святого Петра, увидели чудо: святые на иконах склонили головы в знак уважения к истерзанному трупу бывшего папы».

Жители Рима, возмущенные тиранией папы Стефана VI, восстали, схватили папу, бросили в тюрьму и однажды ночью задушили его там.

Стефана VI похоронил один из претендентов на папский престол—Сергий, также противник Формоза. Сергий сочинил Стефану VI хвалебную эпитафию, не упустив случая обругать при этом Формоза.

Сергий давно уже пытался захватить папский престол, но дважды терпел поражение. И в первый и во второй раз, не добившись успеха, он находил убежище у одного богатого феодала. Внучка этого феодала, дочь знатного римского сенатора Теофилакта Мароция («Маруся»), была любовницей Сергия.

За это время сменилось несколько пап.

Лев V недолго держался на престоле, всего около месяца. Он был убит в тюрьме Христофором, видным церковником, который занял его

место и назвался папой Христофором I.

Но и он правил меньше года, потому что из своего убежища, из Тосканы, опять вернулся Сергей, арестовал папу Христофора, заточил его в тюрьму и занял папский престол под именем Сергия III.

Его любовница, Мароция, не уступала своей матери—блестящей Теодоре—ни в красоте, ни в ловкости. Может быть, даже превосходила ее.

Эти две женщины были в «дружеских» отношениях со многими видными церковниками и оказывали большое влияние на них. За свою долгую жизнь они подняли и низвергли около десяти пап.

Мароция, которая была умнее и смелее матери, продолжая оставаться любовницей Сергия III, вышла замуж за герцога Альберико Камерино. Благодаря последующим своим связям с крупными иерархами церкви она в дальнейшем сильно увеличила богатство своей семьи, присоединив к нему новые замки, крепости, поместья [38, 42, 62].

Деятельность Сергия III, который в тече-

ние семи лет Заставлял стонать западную церковь, оценивается различными историками по-разному.

Так, например, Флодоардо в своих летописях утверждает, что Сергей III был очень добрым и его пребывание на святом престоле было счастьем для всего христианства.

Кардинал Бароний высказывает совершенно обратное: «Не было преступления, которое не совершил бы этот подлый папа, не было позорного поступка, которым бы он себя не замарал. Это был негодяй, палач из палачей, узурпатор на папском престоле». Бароний не признает его папой.

Наш современник, историк католической церкви Эймар, говорит, что папа Сергей III был достойным понтификом, одаренным художником и широкообразованным человеком.

Теодора и Мароция продолжали пользоваться своим влиянием и при Сергии III. Теодора, правда, уже была пожилой женщиной, но еще сохранившей свою былую красоту и молодой темперамент.

В это время к ней в Рим приехал посол—

молодой священник—от архиепископа Равенны, который через нее хотел о чем-то попросить Сергия. И Теодора с первого взгляда влюбилась в этого молодого священника.

Итак, дочь была любовницей старика, папы, а мать стала любовницей молодого священника. Чтобы удержать его, она добилась для него сана епископа в Болонье и, продолжая выдвигать его дальше, помогла ему занять кафедру архиепископа Равенны. Она часто ездила к нему туда.

Когда умер Сергий III, Теодора и Мароция преподносили из своих рук престол еще нескольким папам, продолжая фактически править христианской церковью. Так, они возвели на папский престол двух стариков—Анастасия III, который просидел на престоле всего два года, и за ним Ландона, который скончался через полгода.

После смерти Ландона встал вопрос: кто же займет папский престол?

Теодора то ли потому, что она хотела заставить своего любовника еще сильнее почувствовать зависимость от нее, или просто потому, что хотела иметь его около себя, сейчас же подумала

о нем. Разыскав дочь, она сказала ей:

– Мароция, мой друг должен стать папой.

– Хорошо, – согласилась та, и вопрос был решен.

Таким образом мать Мароции посадила на престол святого Петра своего последнего любовника. Под именем Иоанна X он четырнадцать лет был пастырем западного христианства. На четырнадцатом году правления он поссорился со своей «падчерицей».

Теодора к тому времени уже умерла. Мароция, ее дочь, была еще молода и полна сил и не захотела подчиняться своему «отчиму». Она подняла против него народ Рима. На глазах Иоанна X по ее приказу был казнен его брат. Затем схватили и самого папу Иоанна X, бросили в тюрьму, где через несколько дней его задушили подушками в кровати. Так погиб Иоанн X [52].

После этого Мароция помогла занять престол еще двум папам. Когда умер второй папа, она решила, что теперь престол святого Петра должен принадлежать очень близкому ей человеку. И она сделала главой западного христианства сво-

его младшего сына (родившегося от ее связи с папой Сергием III) Иоанна. Это был папа Иоанн XI.

Внук Мароции, Октавиан, был совсем юным, когда умер его отец, второй сын Мароции Альберих, «властитель и сенатор всех римлян», завещавший ему светскую власть в Риме. Октавиану было шестнадцать лет. Однако через полгода наследник «властителя и сенатора всех римлян» уговорил влиятельных людей избрать его папой и занял престол под именем Иоанна XII. Это был юноша, испорченный до мозга костей. Убеждают в этом слова послов, направленных римлянами к императору Оттону I с жалобой на молодого папу.

– Это дьявол! – рассказывали они. – И, как дьявол, ненавидит создателя. Он оскверняет святую, он невоздержан, для него не существует справедливости. Он окружен женщинами, ради обладания которыми идет на святотатство и убийство. Он насильник и кровосмеситель. Все честные римлянки—девушки, замужние женщины и вдовы—бегут из Рима, чтобы не стать

его жертвами. Латеранский дворец в прошлом неприкосновенная святыня, превращен им в публичный дом. Среди других женщин там содержится и бывшая наложница его отца, ставшая теперь его любовницей.

Выслушав эти обвинения, император распорядился созвать специальный собор, на котором самые видные церковники должны были обсудить поведение молодого папы.

На соборе присутствовало много итальянских, немецких и французских служителей церкви.

Сначала против папы выдвинули «незначительные» обвинения. Его обвинили в том, что он никогда не осеняет себя крестом, что он появляется перед верующими в военных доспехах, что часто с подозрительными компаниями отправляется на охоту, что он всегда сквернословит, играет в карты и просит языческих богов Зевса и Афродиту помочь ему выиграть.

Затем появились обвинения более серьезные. Так, его обвиняли в том, что он пил за здоровье сатаны (и ссылались на свидетелей, присутство-

вавших при этом).

Кардинал Джованни и епископ нантский обвиняли Иоанна в том, что он рукоположил одного из своих любимцев в епископский сан в конюшне. Обвиняли его также в продаже церковных должностей и установлении определенной платы за возведение в сан.

Рассказывали, что папа за деньги посвятил в сан епископа десятилетнего мальчика.

Потом были приведены примеры всевозможных кощунств папы, в частности многочисленные связи его с замужними женщинами. Был зачитан список женщин, с которыми он состоял в связи, среди них были и родственницы папы.

Упоминалось также убийство одного из кардиналов. По приказу Иоанна XII ему отрубили нос, уши, руки, ноги, и он умер в страшных мучениях. Все эти факты приводит Лиутпрандт в своих трудах и добавляет, что летописцы—и епископы, и священники, и люди из народа—клялись, что готовы вечно гореть в геенне огненной, если они хоть что-то преувеличили.

Собор подтвердил все эти обвинения и поста-

новил низложить папу. На его место (по указанию императора) был «избран» светский человек, имперский рыцарь, севший на престол под именем Льва VIII.

Правда, западная церковь до сих пор не признает законным его избрание и считает антипапой, а Иоанна XII—папой законным.

Оттон покинул Италию, и притихший было Иоанн XII снова ворвался в Рим и занял папский престол. Он жестоко отомстил всем своим противникам. Льву VIII отрезали язык, нос, отрубили пальцы. Кардиналу Джованни отрубили руку, а епископа нантского отстегали хлыстами.

Иоанн XII созвал новый собор, на котором предыдущий собор был объявлен «сборищем продажных тварей», а папа Лев VIII— «раскольником», «изменником», «узурпатором святого престола». К имени же Иоанна собор прибавил эпитеты «пресвятейший», «блаженнейший», «почтеннейший», «добрейший». Это не продлило жизнь Иоанну. Вскоре он умер при не совсем обычных обстоятельствах. В последнее время он состоял в связи с одной красивой

римлянкой. Муж ее, узнав об этом, подкараулил папу и так избил, что тот умер через неделю, «не успев принять причастия», как пишет Лиутпрандт.

В «Liber pontificalis» указывается, что следующий папа, Бенедикт VI, как и многие его предшественники, был брошен в тюрьму и убит там; его место занял диакон Франко под именем Бонифация VII. Но беспорядки, вспыхнувшие в Риме, заставили его бежать в Константинополь, причем он не забыл захватить с собой сокровища святого престола [52]. Через десять лет Бонифацию удалось возвратиться в Рим, арестовать сидевшего на престоле Иоанна XIV и заточить его в тюрьму, где тот и умер голодной смертью. Но и гам Бонифаций через год погиб.

Римляне, ненавидевшие Бонифация VII за его ненасытную алчность, в день похорон набросились на его труп, пинали его ногами, кололи ножами, протащили по земле до Капитолия и перед памятником Марку Аврелию растерзали на куски. Священники собрали потом эти куски и торжественно похоронили.

Папу Бонифация VII его современники не признавали законным. Сильвестр II называет его «ужасным и злобным чудовищем», а кардинал Бароний—«известным бандитом, убийцей двух пап». Теперь же католическая церковь неизвестно по каким причинам считает Бонифация VII законным папой [52].

* * *

Прежде чем начать повествование о жизни и деятельности нашего героя, папы Иоанна XXIII, расскажем, что представляло собой остальное духовенство—священники, епископы, настоятели монастырей и монахи, чтобы читатель имел о них некоторое представление.

Мы знаем, что в мрачную эпоху средневековья духовенство на Западе было самым образованным слоем населения. Но пусть читатели сами сделают выводы, какого рода было это «образование».

Почти для всех священников латинский язык, на котором совершались богослужения, был

непонятен. Они механически повторяли заученные молитвы, не понимая их смысла. Иногда это приводило к курьезам. Папам было известно об искажениях, но они мирились с ними, оправдывая себя тем, что священники допускают ошибки по неосведомленности, а не нарочно, что вера остается чистой.

Единственное, что требовалось от священников, это знание молитв «Отче наш» и «Верую», дат церковных праздников, а также молитв, которые должны читаться на богослужениях. Когда папа Евгений II приказал отстранить от службы священников и даже епископов, которые недостаточно хорошо знали порядок ведения службы и плохо понимали содержание молитв, они воспротивились приказу и послали папе письмо, в котором говорилось: «Нас вы отстраните, но где вы найдете более образованных?» [58] Даже религиозные книги, написанные в те времена, были полны грубейших ошибок. Так, например, в одной из книг было сказано, что при отправлении определенных литургий священники обязаны упоминать святых Ориеля, Рангуеля и Дамбиеля. Но еще XI

собор в Риме решил, что люди эти неправильно причисляются к лику святых, что они не святые, а «дьяволы, искушающие род человеческий».

Ошибки встречались в произведениях даже таких крупных авторов, как святой Августин, святой Ефрем и папа Феликс [64].

Английский король Альфред Великий жаловался, что во всем его королевстве нет ни одного мало-мальски грамотного священника. Ни один из них не знает, в чем состоят его обязанности, не понимает своей роли в ведении литургии.

Веронский епископ Ротерий сетует на то, что большинство церковнослужителей убеждены в материальности бога, в том, что он имеет человеческий образ, обвиняет их в непонимании простейших слов, употребляемых при богослужении.

Теперь коротко коснемся моральной стороны жизни духовенства. На эту тему можно написать много объемистых томов, но пусть читатель удовлетворится пока кратким сообщением.

Общеизвестно, что служители западной церкви должны давать обет безбрачия. Было время, когда священнослужителям разрешали женить-

ся, на это требовалось только согласие епископа. Лишь бы будущая жена не была вдовой, разведенной или женщиной легкого поведения.

Когда был установлен закон о безбрачии, священнослужители стали заводить любовниц. Они брали к себе в дом красивых девушек, выдавая их за родственниц, экономок, прислуг. (Женщины охотно шли на это, особенно бедные, так как клерикалы всегда были наиболее зажиточными людьми.) Священники не считали грехом даже проституцию. Содержание любовниц признавалось особым шиком. Не считалось грехам отправиться в храм на богослужение прямо из объятий любовницы. И хотя соборами издавались указы, запрещающие прелюбодеяние, священнослужители ловко обходили их, часто с помощью епископа, которому достаточно было дать соответствующую сумму, и он на все закрывал глаза. Католические епископы со временем так привыкли получать эту «мзду», что стали требовать денег не только от тех, кто содержал любовниц, но и от тех, кто не собирался их заводить.

– Давайте деньги, а имеете или не имеете вы

любовницу—ваше дело.

Народ издевался над этим епископским «налогообложением». Любишь—не любишь, а денежки плати.

Агриппа фон Неттесгайм приводит слова какого-то епископа, который с гордостью заявлял, что этот «налог» обогатил его. Каждый священник, имевший любовницу, платил ему ежегодно один золотой. И это приносило епископу одиннадцать тысяч золотых в год.

Упоминается и еще об одной статье дохода: женщины, у которых временно отсутствовали мужья (были в отъезде или участвовали в сражениях), пожелавшие иметь на это время любовника, могли завести его, и это не считалось грехом, если они вносили незначительную сумму своему епископу.

Неаполитанский король Роберт Анжуйский, чтобы привлечь на свою сторону духовенство, также делал разные поблажки церковнослужителям и сквозь пальцы смотрел на их распутство. Правда, с мнением светских властей не очень считались, так как еще при Бонифации VIII было

установлено, что служители церкви неподсудны светским властям. какие бы недостойные поступки они ни совершили.

Король пошел еще дальше и издал указ о том, что власть светских судов не распространяется и на женщин, с которыми сожительствуют священники, так как «служащая священнику служит церкви». Женщины эти тогда настолько осмелели, что стали требовать еще больших поблажек. Но сожительниц священников было слишком много; и государство и церковь, подсчитав, сколько они потеряют денег, если откажутся от возможных приношений, не пошли на это.

Король Альфонс узаконил взимание обязательного налога с любовниц священнослужителей, а также обязал их уплатить «долги» за те годы, когда налог еще не был введен. Появился циркуляр с бесконечным перечнем имен подруг священнослужителей, обязанных уплатить налог.

Папа Бенедикт XII обвинял священников в том, что они со своими любовницами превратили божьи храмы, место, где должны царить добро и целомудрие, в притоны сладострастия.

«Тот, кто ленив, кого приводит в ужас даже мысль о труде, – пишет Клеманш, видный теолог той эпохи, – тот, кто хочет наслаждаться и веселиться без помехи, становится священником. И тогда он, как и его коллеги, начинает поклоняться не Христу, а Эпикуру, проводить время в тавернах, играя в бильярд и кости. Эти священники обжираются там и, обезумев от вина, затевают драки, ругаются, с их грязных языков слетают кощунственные речи против создателя и святых. А потом они проводят ночь в объятиях своих любовниц, а от них сразу же отправляются в храм, чтобы вести службу».

Клеманжи был современником Иоанна XXIII (они даже были ровесниками). Ученик крупного теолога Жерсона, он долгое время был секретарем папы Бенедикта XIII. Позже он преподавал теологию в Париже.

«Что касается епископов, архиепископов и настоятелей монастырей, – продолжает Клеманжи, – то все они безграмотны, алчны, все они доносчики и честолюбцы, клеветники, очень снисходительные к себе и очень требовательные к

другим. Все они болтуны, верхогляды и глупцы. У всех у них есть любовницы, и они имеют от них детей. Для них нет ничего святого. Они думают только об удовлетворении своих низменных страстей. И некому пожаловаться на них.

«Мы подчиняемся и зависим только от папы», – говорят они.

Но кто же из бедняков может проникнуть к папе и все ему рассказать?...»

Далее Клеманжи говорит о монахах, принадлежавших к орденам святого Доминика и святого Франциска.

«Это хищные волки, рядящиеся в овечьи шкуры. Словно ненасытный Ваал, поглощают они приношения верующих, а нажравшись и опившись вином, пускаются во все виды разврата, чтобы потушить пламень сладострастия, сжигающий их нутро».

«О монахинях же я боюсь даже говорить, так как читатели могут неправильно истолковать мои слова и подумать, что я рассказываю о домах терпимости, где обитают лживые и разнузданные продажные женщины, где имеют место и

насилие и кровосмешение. Обитатели невест Христовых не являются у нас местом служения богу. Это очаги гнусного разврата, где сладострастные распутники стремятся погасить буйное пламя своих страстей. Нет никакой разницы между девушкой в монашеском одеянии и проституткой, которая считает работой продажу своего тела».

Чем выше поднимается человек по церковно-иерархической лестнице, тем больше распутничает.

Данте в «Божественной комедии» сравнивает богатых и развращенных кардиналов своей эпохи—конца XIII столетия—с бедными и скромными первоапостолами, подчеркивая трудолюбие и худобу апостолов и лень разжиревших кардиналов, которые и передвигаться-то могли только верхом. Роскошная мантия прикрывала и всадника и лошадь: «Два скота под одной шкурой!»

Бенвенуто Имоленси, первый комментатор Данте, боясь, что Данте будет не понят, объясняет: «Первая скотина служит для перевозки тяжестей—это лошадь. Вторая облачена в

мантию—это кардинал, скотина вовсе бесполезная».

Далее Имоленси выражает мнение, что если бы Данте жил на сто лет позже, он написал бы «Три скотины под одной шкурой», имея в виду еще и любовницу кардинала. И упоминает имя известного кардинала, который никуда не выезжал, не посадив на свою лошадь и любовницу.

Рассказывая о морали священников, епископов, кардиналов, нельзя не коснуться и поведения «отцов христианства».

Бенедикт XII слыл одним из самых добродетельнейших пан, человеком с высокими нравственными устоями. Так вот Этому «добродетельнейшему» старику приглянулась восемнадцатилетняя сестра Петрарки, поэта, жившего при его дворе, девушка очень красивая. Бенедикт XII предложил Петрарке отдать ему сестру, а в награду обещал сделать поэта кардиналом.

Возмущенный Петрарка ответил, что получение кардинальской шапки на таких условиях он считает позорным и бесчестным поступком, о котором он с ужасом будет вспоминать всю жизнь.

Но отказ Петрарки не спас его сестру.

Кольцо вокруг молодого человека все более сужалось, люди громко и возбужденно спрашивали:

– Кто он такой, о ком ты говоришь? Где он? Когда он приедет?

– Как ему удалось улизнуть? Разве за ним не было погони? Как это его не поймали?

– А какой у него корабль? Хотя я все равно с ним не поеду! Подумаешь, гоже нашелся капитан!

Последние слова произнес грузный, неповоротливый детина, хромой, одноглазый гигант, криворотый и рябой. Он возмущался громче всех, остальные поддерживали его, а молодой человек со шрамом на шее старался их успокоить.

– Он скоро будет здесь. Сядьте и ждите. Он сам все объяснит. . .

* * *

В предвечерний час, в то самое время, когда в таверне происходила эта сцена, чуть севернее Пи-

зы, на дороге, идущей от Лукки, послышалось цоканье копыт. Четверо или пятеро всадников бешено скакали к окраине Пизы. Они подъехали к городу как раз в тот момент, когда стражники уже закрывали городские ворота, ворвались в город, не замедляя бешеного галопа, пронеслись мимо Кампо санто—знаменитого городского кладбища, мимо собора с «Падающей башней», мимо дворца архиепископа и со стороны университета, который стоит в Пизе и сейчас, выскочили на дорогу, вьющуюся по берегу Арно, и осадили лошадей у таверны «Кроткая овечка».

Всадники спешили. Первым соскочил с лошади высокий, смуглый, широкоплечий молодой человек лет двадцати пяти. Пока его спутники слезали с лошадей, он поднял руки, поддерживая и помогая спуститься на землю человеку, который всю дорогу сидел у него за спиной.

Человек этот, в ладно сидящих на нем брюках и камзоле, из-под которого виднелась белоснежная тонкая рубашка, казался очень юным, совсем мальчиком. «Казался» потому, что его красивое лицо с очень белой кожей, шея, уши были почти

целиком скрыты вязаным шлемом, какие носили в ту пору.

Прибывшие вошли в таверну. Толпа оборванцев расступилась, шум голосов постепенно утих. Высокий молодой человек со смуглым лицом, должно быть главарь приехавших, усадил своего юного спутника, сел сам, вынул из кожаной сумки, висевшей у него через плечо, какую-то бумагу и громко начал читать.

– «Все добытое в наших операциях, – читал он, – будет немедленно делиться на четыре части. Две из них, то есть половину, будет получать экипаж и распределять между собой, четверть пойдет моим верным и храбрым друзьям— Ринери, Джованни, Ованто, Берардо и Биордо. Последнюю четверть буду получать я, как капитан корабля и руководитель операций».

Люди вдруг зашумели, заговорили все разом, обсуждая между собой услышанное. Молодой человек жестом призвал их к тишине и продолжал чтение «условий».

– «Если в нашей операции кто-то потеряет глаз, он получит компенсацию в 50 золотых це-

хинов, дукатов или флоринов, или 100 скудо или реалов, или 40 сицилийских унций. Или, если он это предпочтет, – одного раба-мавра.

Потерявший оба глаза получит 300 цехинов или дукатов, или 600 скудо или неаполитанских реалов, или 240 сицилийских унций. Или, если захочет, – шесть рабов.

Раненный в правую руку или совсем потерявший ее получит 100 золотых цехинов, флоринов или дукатов, или 200 скудо или неаполитанских реалом, или 160 сицилийских унций, Или, по желанию, – двух рабов.

Если кто-нибудь потеряет обе руки, он получит компенсацию в 300 дукатов или цехинов, или 600 реалов или скудо, или 240 сицилийских унций. Или шесть рабов».

Молодой человек замолчал и из-под нахмуренных бровей обвел слушателей испытующим взглядом.

– Вот и все, – сказал он. – Устраивает вас это?

Опять поднялся шум и галдеж. Хромой одноглазый гигант двинулся вдруг к молодому чело-

веку, высокомерно поглядывавшему на всех.

– Эй ты, хвастун! Не больно-то важничай. Я, Гуиндаччо Буонакорсо, не терплю таких штук! Где твой корабль? Сперва покажи его!

Он подошел еще ближе к молодому человеку. Остальные тоже повскакали с мест и угрожающе сомкнулись вокруг незнакомца. Тот спокойно продолжал сидеть.

– Корабль мы добудем сами, – наконец сказал он.

Этот ответ привел гиганта в бешенство.

– Вон! – крикнул он, подняв руку и указывая на дверь. – Не зря я говорил, что грош тебе цена!

Молодой человек даже не шевельнулся.

– Эй ты! – еще громче заорал Гуиндаччо Буонакорсо и так вытаращил свой единственный глаз, что казалось, он вот-вот выскочит из орбиты. – Уже приказываешь, капитаном захотел стать, а корабля и в помине нет!... —И своей тяжелой ручищей он ухватил молодого человека за кожаную куртку. – А ну, проваливай отсюда и ты, и твои...

Но что вдруг произошло? Что заставило Гу-

индаччо мгновенно умолкнуть? Его противник вскочил на скамью, сжал кулак и с высоты нанес такой сокрушительный удар в грудь гиганту, что тот не успел даже поднять руку для защиты. Какой это был удар! Огромный Гуиндаччо Буонакорсо Зашатался, попятился назад, споткнулся и с грохотом повалился на пол, увлекая за собой людей, сидевших за столиком у стены.

Сборище загудело, люди стали боязливо поглядывать на молодого человека.

– Две лодки, – невозмутимо глядя на собравшихся, заговорил тот, – две маленькие лодки и одна большая ожидают нас у берега Арно, неподалеку от города. Кто не хочет сидеть сложа руки, голодный, без стакана вина, когда столько кораблей с грузами уплывают в море или причаливают к берегам, пусть завтра приходит к лодкам. Рано утром мы выйдем в море и захватим первый встречный корабль, если он подойдет нам.

Незнакомец поднялся, за ним встал его юный друг и остальные спутники; они вышли из таверны и направились к постоялому двору, где уже стояли их лошади и где все они должны были

провести ночь. . .

Но прежде чем настанет следующее утро, прежде чем большинство людей из таверны придет на назначенную «капитаном» встречу, прежде чем все вместе они выйдут в море, чтобы напасть на какой-нибудь корабль и захватить его— как главное средство для будущих «операций», — необходимо ответить на многочисленные вопросы, возникшие у читателя: кто он такой, этот «капитан»? А его друг? Что собой представляют его спутники? Если даже кто-то и понял, в чем суть их будущих «операций», разгадал, что это пиратство, то надо рассказать, почему они так внезапно решились на него, почему так быстро скакали по дороге, словно за ними гнались. Кто они? Почему их должны были преследовать?

Познакомимся сначала с вожаком пятерых приехавших я будущим главарем «почетных членов» клуба «Кроткая овечка» в Низе, тех, что должны были выйти с ним в море, чтобы грабить корабли и прибрежные города, узнаем, кто такой его молодой спутник с закрытым лицом.

Вожак—это Балтазар Косса, герой настоящей

книги, будущий папа Иоанн XXIII—первый Иоанн XXIII, – а его молодой спутник и друг—Яндра Капистрана делла Скала, юная и прекрасная «прорицательница», умевшая предсказывать грядущее и пользовавшаяся большой популярностью, пока ею не заинтересовалась святая инквизиция.

Косса, которому было около двадцати пяти лет, уже в двадцать лет, когда он приехал учиться в знаменитый Болонский университет на теологический факультет, многое повидал в жизни. Он происходил из знатного рода. Отец его был феодалом в Южной Италии. Остров Искья с четырьмя-пятью деревнями, находившийся неподалеку от Неаполя, на северо-западе Неаполитанского залива, принадлежал ему. По семейному преданию Косса, их род восходил к эпохе Римской империи, и впервые имя Косса, Корнелия Косса, римского полководца, упоминается в 294 году со времени основания Рима. Факт этот подтверждает, что наш герой принадлежал к одному из древнейших семейств Италии.

Гаспар Косса, брат Балтазара, бывший на много лет старше его, давно уже плывал по мо-

рям, но не как мирный моряк на торговом или транспортном судне, перевозящем грузы и людей, у которых возникла необходимость перебраться с одного места на другое, нет, он был старый морской волк, пират, «адмирал» пиратского флота, известный своими многочисленными набегами. Многие государства стремились перетянуть его на свою сторону, чтобы парализовать или уничтожить совсем торговые связи своих соперников. В одной из подобных операций своего брата Балтазар получил первое «боевое крещение». Ему было около тринадцати лет, когда он уговорил Гаспара зачислить его в пиратский флот. Он был очень крепким мальчиком и в драках всегда брал верх. Он любил померяться силами даже со взрослыми. Кроме большой физической силы и выдержки, он обладал еще врожденной хитростью. Позднее он научился у знаменитых мастеров фехтования в Неаполе искусству этой борьбы. На занятиях он всегда выделялся своим бесстрашием и мастерством и в любой схватке с самым смелым врагом постоянно выходил победителем.

Ему нравилось пиратство—это занятие приносило неожиданные и богатые плоды. Флот «адмирала» Коссы забирал уйму денег и товаров. Но молодого Балтазара прельщало не только это. Пираты брали и пленных, среди которых было немало хорошеньких девушек. И Балтазар не у одной добивался любви. Кстати, на любовном поприще он отличался еще подростком и, пожалуй, больше, чем кто-либо, прочел еще не разрезанных страниц из книги любви и одолел глав в любовных произведениях.

С обычной для него смелостью он участвовал во всех крупных операциях на море и побережье. Он был в своей стихии, когда им удавалось грабить, поджигать, угонять людей, брать пленных и, конечно, в первую очередь женщин и девушек. Из них молодой пират выбирал себе все новых и новых любовниц взамен надоевших ему или отпущенных им за выкуп.

Но в один прекрасный день благодаря вмешательству матери Балтазар прервал этот образ жизни.

– Дитя мое, – сказала госпожа Косса, когда

Балтазар приехал однажды на остров Искья и зашел в отцовский дом. – Ты уже юноша, тебе двадцать лет. Пора ступить на путь, который мы с отцом избрали для тебя, на путь, который приведет тебя к могуществу и богатству, на путь служения церкви. Вместо того чтобы убивать время в пиратских набегах, как твои три брата, ты быстро добьешься сана священника, станешь епископом, потом кардиналом и без особого труда получишь все блага мира.

Балтазар, вняв совету матери, оставил пиратство и отправился в Болонью, в знаменитый университет, на теологический факультет, чтобы целиком посвятить себя изучению церковного права, так процветавшего тогда в европейских странах под защитой могущественной западной церкви.

Полайоло. Портрет девушки.

(Предполагаемый портрет Яндры Капистраны делла Скала).

В Болонье Балтазар быстро выделился и в занятиях и в других видах деятельности благодаря своему уму. Студенты восхищались им, старались ему подражать, признали его главарем. И не только студенты-теологи. Балтазар стал гла-

варем студентов всех факультетов университета. Это не так мало—стать признанным властелином, да еще иметь при этом много денег: из дому регулярно приходили неаполитанские реалы. Он жил, как король, тратил ежедневно большие суммы—и на дело, и без дела.

Для эпохи, когда только сила и хитрость имели вес, он, будущий Иоанн XXIII, был необычным явлением: молодой, красивый, ловкий, умный, пылкий, не знавший поражений в единоборстве, постигший в совершенстве искусство побеждать. Разве этих качеств было недостаточно, чтобы стать кумиром студентов, юношей, потерявших голову от ощущения свободы, обеспеченной автономией университета, установленной в средние века. В ту эпоху только студенты университетов, находящиеся под защитой закона, могли позволять себе безумства, подобные тем, что происходили в Болонье. Студенты стеной окружали Балтазара, признавая его превосходство во всем. Наш герой стал во главе десятка самых заядлых скандалистов среди студентов. Это был его «штаб», его «двор». «Десять дьяволов»—

так называли их жители Болоньи [41].

И в любовных похождениях Балтазар был первым. Да и как он мог не быть первым! Молодой, стройный, красивый, богатый! Женщины любовались высоким, смуглым молодым человеком, умным и хитрым, как демон, признанным главарем студентов. Они знали его в лицо и с любопытством и нежностью поглядывали на него—одни пугливо, тайком, другие—смело и открыто. Тут были особы разного возраста—и молодые девушки, и зрелые матроны, и девочки. Косса за пять лет учения на теологическом факультете познакомился со многими из них. Он состоял в связи с множеством женщин строгих и свободных правил, со скромницами и чувственными женщинами, со знатными дамами и простолюдинками, девушками из богатых семей и простыми служанками. Для описания подробностей этих любовных связей потребовалось бы слишком много места. Достаточно лишь сказать, что многие женщины любили Балтазара так пылко, что, оказавшись отвергнутыми, вступали в связь с его друзьями, лишь бы только быть ближе к

нему.

Среди этих женщин были: Рената Фиорованти, Бианка Диэнтаюччи, Джильда Пополески, Лундомия Кавалькампо, Констанца да Фолиано. Друзья Балтазара—Ринери Гуинджи, студент-теолог (юноша с плутоватыми глазами, о котором мы говорили вначале, ожидавший Балтазара в таверне у Пизы), Джованни Фиэски из Генуи, студент-медик, Ованто Умбальтини из Флоренции, изучавший право, Биордо Виттеллески, тоже медик—охотно вступали в связь с бывшими любовницами своего главаря.

Лишь одна из женщин, любившая Балтазара сильнее всех, не пала так низко, ни с кем не вступала в связь, не мешала своему бывшему возлюбленному, глубоко запрятав свое чувство. Это была Има Даверона, богатая и красивая девушка двадцати одного года. Лишь изредка, словно посторонняя, она наблюдала за Балтазаром, когда он в полночь отправлялся к кварталу бедноты в Болонье, чтобы встретиться там с простой девушкой Сандрой Джуни. Но так вела себя только она одна. . .

У другой любовницы Коссы, Монны Оретты, жены знатного богача Ладзаро Бенвенутти, был совсем иной характер. После того как Косса оставил ее, сжигаемая неудовлетворенной страстью (их связь продолжалась всего около месяца), она не хотела быть ни снисходительной, ни терпеливой. Ревность ее была настолько страшной, что она даже подстрекала мужа на убийство своего бывшего любовника.

– Ладзаро, – обратилась она однажды к Бенвенутти, – Знаешь, один студент преследовал меня, посылал мне любовные письма с какими-то старухами. Я не показывала их, чтобы не раздражать тебя. Но, видно, потеряв надежду на успех, он сегодня оскорбил меня на улице... Он ругал меня самыми скверными словами... правда, никого поблизости не было и никто этого не слышал. Но его письма у меня сохранились. Вот они. – И начала плакать. – Ах, он опозорил меня!

Действительно, они виделись в этот день. Монна Оретта умоляла Балтазара о новой встрече, но он посоветовал ей Забыть его.

Ладзаро Бенвенутти той же ночью встретил-

ся с одним из убийц-профессионалов, имевших в Болонье (как и в других городах) свою «корпорацию», и договорился с ним.

А на следующую ночь, когда Балтазар шел один к кварталу, где жила Сандра, убийца, поджидавший его, притаившись за углом, нанес ему удар стилетом в руку, но, к счастью, не сильный. . .

Балтазар был крайне раздосадован, что ему не удалось поймать убийцу, ускокавшего как заяц и не оставившего никаких следов.

«Кто заплатил ему за это?»—спрашивал себя Косса.

Он понимал, что это сделал кто-то из родственников, его последних любовниц—сын или брат, муж или отец, но кто именно, какой любовницы? Он подумал о Монне Оретте. Но это было только предположение, а не уверенность.

Друзья, особенно «десять дьяволов», вызвались сопровождать его по ночам. Но Балтазар отказался, смеясь:

– Если хоть один из вас пойдет со мной, он не осмелится подойти. А я хочу поймать убийцу.

Ночью, вернее ранним утром следующего дня, будущий папа, завернувшись в плащ, возвращался от Сандры Джуни. Ему снова был нанесен удар стилетом, теперь по левой руке, которую он поднял для защиты, услышав шаги за собой.

Из ранки на руке потекла кровь. Балтазар словно молния метнулся за убийцей, настиг его через два-три шага, но тот с перепугу уже успел бросить стилет на землю. Обхватив человека одной рукой, Балтазар другой сдавил ему горло.

– Кто тебя послал? – прошипел он. – Говори, а то задушю.

Дикий взгляд и решительность Коссы, а скорее всего сила его рук, вполне способных выполнить угрозу, заставили убийцу заговорить.

– Я не знаю ее имени, – осипшим от страха голосом произнес он, – но я могу показать дом. . .

Косса, крепко держа убийцу, шел за ним к церкви святого Доминика (вышеназванный испанский святой умер здесь, в Болонье, почти сто пятьдесят лет назад, но церковь его имени была только недавно достроена). Немного восточ-

нее церкви человек остановился. Косса сразу понял, кем был послан убийца. Он задал человеку несколько вопросов и, уверившись в своей догадке, дал ему коленкой под зад, а сам по широкой улице, где теперь построена церковь Санта-Лючия, направился к дворцу Бенвенутти.словно дикий кот, Косса вскарабкался на высокую ограду, спрыгнул с нее и побежал одному ему известными закоулками к месту, откуда раньше каждую ночь поднимался к Монне Оретте. Мгновение—и он очутился наверху.

– Монна Оретта, – громко крикнул Косса, чтобы разбудить женщину. – Покажи-ка, где спит твой счастливый супруг?

В свете ночника наш герой заметил Бенвенутти, лежавшего рядом со своей «верной» женой.

– А-а-а! – произнес он, приближаясь к кровати. – Вот и ты, блаженствующий покровитель убийц... Мой призрак пришел поблагодарить тебя...

И, не замечая криков Монны Оретты, он вонзил стилет в горло Бенвенутти. Потом обхватил женщину, дрожавшую от страха, заломил ей руки

за спину, крепко сжал их левой рукой, а правой раздел ее донага; не обращая внимания на шум приближавшихся шагов, он крепко прижал к себе Монну Оретту и ножом начертил звезду на полной смуглой груди женщины.

– Вот так, – саркастически промолвил он. – Теперь ты будешь помнить меня всю жизнь!

Дверь открылась, и двое слуг, ворвавшихся в комнату, бросились защищать свою хозяйку. Но Косса, прежде чем они смогли опомниться, уже очутился в саду у ограды, молнией перелетел через нее и, пока слуги открывали тяжелые ворота, чтобы пуститься в погоню, побежал по улице, известной под названием Виа Клари, к кварталу, где теперь находится церковь Сан-Джованни ин Монте.

Чувствуя по шуму шагов за собой, что преследователи догоняют его, он решил спрятаться за высокой каменной стеной, которую увидел справа, быстро вскарабкался на какое-то дерево, с него шагнул на стену и спрыгнул вниз по другую сторону.

Только что начало светать.

«Заметили ли они меня?»—раздумывал наш герой.

Он углубился в сад; увидев низенькую дверь, не торопясь, спокойно, без особых затруднений открыл ее и вошел в дом. Бесшумно крадучись, он двигался вперед, крепко (па всякий случай) зажав в руке стилет. Идя по длинному коридору, он заметил в конце его странную дверь, почти скрытую двумя полуколоннами. Балтазар прошел мимо двери слева и остановился. Одна из дверей справа была полуоткрыта. Женщина средних лет, вероятно служанка, держала зажженную лампу, и в свете ее герой наш увидел волнующую сцену: молодая женщина поднималась с постели. Служанка только что откинула покрывало, а женщина, небрежно грациозным движением приподняв рубашку, высоко обнажила ноги... Красивые ноги, только что покинувшие теплоту постели, искали на полу изящные туфельки.

Что это была за красота! Балтазар Косса, Балтазар, пресытившийся разнообразными женскими прелестями, был поражен, не мог оторвать

глаз от этой божественной красавицы с каштановыми волосами, стройной, как колонна, с тоненькой, осиной талией, бело-розовой кожей, мраморной шеей и высокой грудью, видневшейся в низком вырезе рубашки. У нее были черные миндалевидные глаза, тонкие, как шнурок, брови, темные, густые, длинные ресницы, еще больше подчеркивавшие очарование ее глаз, красиво очерченный прямой нос.

– Чудо! – в экстазе промолвил вслух Косса.

Он пытался припомнить, видел ли когда-нибудь эту девушку за пять лет своего пребывания в Болонье. Но так и не вспомнил.

«Может быть, она всегда жила здесь, но скрывалась?»—думал он.

Вдруг Балтазар отскочил от двери и побежал обратно, чтобы укрыться где-нибудь, так как молодая девушка (ей было лет двадцать—двадцать один, по предположению Коссы) встала, накинула на свое красивое тело пеньюар, отороченный мехом, и направилась к двери. Служанка исчезла, а девушка вышла в коридор. Балтазар вынужден был отступить дальше. Он двигался совер-

шенно бесшумно, оглядываясь на девушку, приближавшуюся с лампой в руке. Его поразила ее походка, легкая, как дыхание. Казалось, что она плывет по воздуху, не касаясь пола.

Девушка подошла к странной двери между двумя полуколоннами, о которой мы уже говорили, повернула ключ в замке, открыла дверь и хотела уже войти в комнату, когда неожиданный шорох привлек ее внимание и заставил оглянуться. На лице ее не отразилось никакого испуга, казалось, она просто ищет куда поставить лампу.

«Увидела или нет?»—спрашивал себя Косса.

Девушка тщательно закрыла дверь в комнату и хлопнула в ладоши.

– Лоренца! – позвала она служанку.

Балтазар вздрогнул. Ясный сверкающий взгляд незнакомки был устремлен на него. Девушка словно изучала его, старалась заглянуть глубоко в душу.

– Тебя преследуют...—прозвучал мелодичный голос, и Косса не мог понять, вопрос это или утверждение. – Лоренца, – обратилась девушка к

подошедшей служанке, удивленно разглядывавшей пришельца. – Человек ранен. Промой ему рану.

Она снова отперла таинственную дверь, взяла лампу, пошла в комнату, и дверь за ней захлопнулась.

Пока служанка обмывала над тазом его раненую руку, Косса, несколько растерявшись, думал о том, что ему удалось заметить в удивительной комнате, которую дважды открывала и закрывала девушка. Какие необычные вещи наполняли ее! Небеленые, мрачные темные стены, казалось, были одеты черным покрывалом. На черных стенах ясно выделялись нарисованные чудовищные лица. Под ними и вокруг них были изображены знаки, похожие на иероглифы, нарисованы фантастические птицы с огромными острыми когтями. Два черепа, один против другого, стояли на круглом столике и, казалось, хитро улыбались друг другу, озаряемые красными отблесками пламени, пылавшего в очаге, и светом лампы. В глубине комнаты стояли два скелета, а на полочке у очага—набальзамированные чучела каких то эк-

зотических птиц и летучих мышей. Косса успел еще заметить изображенные на полу необычные геометрические фигуры, слова, буквы, разбросанные карты—тузы и фигуры, стилет, воткнутый в центр начертанного круга. На столике стояла еще ступка с пестиком, чем-то наполненная, а рядом с ней лежали искусно сделанные из металла, дерева или камня три сердца, выкрашенные в красный цвет, словно окровавленные.

«Черт возьми! – размышлял будущий папа. – Кто она, эта девушка? И как она не боится?»

Он не хотел ни о чем расспрашивать служанку. И не задал ни одного вопроса. Но не думать о том, что он увидел в этой загадочной комнате, тоже не мог.

«Как это ее не выследила инквизиция, папские легаты?»

Нужно ли напоминать, что в мрачную эпоху средневековья западная церковь считала любого искателя истины еретиком и жестоко преследовала его. Достаточно было кому-то заняться делом, непонятным невежественной толпе, чтобы это сейчас же было расценено как колдовство

и чародейство. Невежество и страх перед ересью были настолько велики, что даже папу Сильвестра II, человека широко образованного (насколько позволял уровень науки того времени) и прогрессивного, обвиняли в колдовстве и заклеямили как... друга дьявола! ²

²Герберт из Орийака, живший в 1000 году, был крупным ученым. Он действительно был самым образованным человеком своей эпохи в Западной Европе. Он, как никто другой, знал математику. Уильям Малмсберийский в своей «Хронике» пишет: «Герберт построил в городе Ренн (он был феодалом из Шампапи) прекрасные фонтаны, струи которых, переливаясь в чаши, издавали гармоничные звуки, напоминавшие какую-то мелодию». Позднее этот человек был возведен в сан папы и стад известен под именем Сильвестра II.

Но, очевидно, он знал физику лучше, чем полагалось пане. Церковники обвинили его в служении дьяволу. Известный биограф пап, Платина, писал, что папа Сильвестр II ночами регулярно говорил с сатаной.

Рассказывают, будто, исповедуясь перед смертью, — он признался, что регулярно разговаривал с сатаной, и попросил, чтобы после смерти его труп положили на повозку, сделанную из свежесрубленного дерева, впрягли в повозку двух лошадей, одну черную, другую белую, и отпустили их свободно бежать по улицам, а там,

где они останутся, похоронить его. Так и было сделано: лошади провезли повозку по многим улицам Рима и остановились перед Латеранской церковью, где и был похоронен папа, «друг дьявола», а тысячи римлян, присутствовавшие там, орала в неистовстве, словно десять легионов демонов одновременно кололи им иглами внутренности.

А вот другой случай, когда человека заклеямили как чародея. Человеком этим был Карл Мартелл, знаменитый майордом деда Карла Великого. Этот всемогущий феодал, преградивший путь арабам во Францию, заставивший их отступить, видимо, был не очень религиозным. Летописцы, рассказывающие о его жизни—ненавидевшие его монахи и церковники, — обвиняют этого правителя в грубости, рассказывают, что он никогда не молился, отбирал деньги у церквей и монастырей и использовал их на содержание своего войска. Главное—у него было нечестивое обыкновение преподносить своим старым соратникам подарки, запуская руки в церковную казну. Монахи рассказывали еще, что он не проиграл ни одного сражения, что он явно был не в ладу с богом, так как он «до сражения часами стоял перед сетями, которые плетут пауки, считал нити, подготавливая очередное колдовство! Только благодаря этому он и выигрывал сражения». А святой Евхерий, епископ Орлеана, рассказывал, что часто видел во сне Карла горевшим в аду, что к нему явился ангел и ска-

«Как это святая инквизиция не добралась еще до этой красавицы?» — думал Балтазар.

зал, будто святые, покровители церквей, которые обирал Карл Мартелл, запретили ему вход в рай и даже приказали выбросить из могилы его труп. Святой Евхерий писал святому Бонифацию, епископу Могунтии и Фулрадо, жившему при дворе короля Пипина—сына Мартелла, о своем видении. Церковники вскрыли могилу и сказали: «Трупа там не оказалось». В могиле осталось лишь одеяние Мартелла, и оно сильно истлело. Из могилы исходило страшное зловоние, и вдруг громадная змея, шипя, поднялась оттуда. И чего только еще не рассказывали церковники о спасителе Европы!

Обвиняли в чародействе и крупного философа XIII века Альберта Великого, потому что он преуспевал во многих областях науки, обладал знаниями по химии и физике, ботанике и зоологии, редкими для той эпохи. В народном воображении он выглядел сверхчародеем. Одни летописцы утверждают, что он открыл философский камень, другие, что ему удалось создать механического человека, который работал, говорил, отвечал на любые вопросы. Современник Альберта Великого, теоретик церкви Фома Аквинский, взбешенный тем, что ему не удалось понять устройство первого робота, палкой разбил его в куски. — *Здесь и далее примечания автора.*

Святая инквизиция—страшное судилище, созданное средневековой западной церковью для борьбы с еретиками, уже несколько лет преследовала чародейство ³.

³До этого еретиков не преследовали. Чародейство не считалось предосудительным и тем более не наказывалось смертью. И лишь в тех случаях, когда церкви это было выгодно, еретиков казнили. В эпоху, о которой мы повествуем, в XIV веке, началось небывалое преследование еретиков, возникали многочисленные судебные процессы, казни стали обычным явлением.

Необходимость суда над чародеями и предания их казни первым провозгласил папа Иоанн XXII. Историк П. Морель объясняет Это трусостью и суеверием самого папы. Он постоянно жаловался, что его враги своими магическими действиями угрожают его жизни, и в 1317 году приказал начать преследование большого числа служителей святого престола. Люди после чудовищных пыток вынуждены были «признать» свою вину, принять все, что им диктовали их истязатели. Вскоре Иоанн XXII возложил на инквизицию обязанность выявлять всякого рода чародеев и колдунов.

Папской буллой «Супер иллиус спекула» узаконивалась догма о необходимости наказания чародеев и колдунов, причем наказание это должно было быть таким же, как для еретиков, то есть повешение или сжигание на костре и конфискация имущества.

Охваченный мечтой о красавице, наш герой задумчиво шел по коридору к выходу. Тогда он еще не знал, что все случившееся этой ночью—

Приводим отрывок из пресловутой папской буллы, положившей начало жестокому истреблению десятков тысяч людей.

«Есть люди, не имеющие ничего христианского, кроме имени; они отреклись от божественной правды, заключили сделку с темными силами, приносят жертвы дьяволу, поклоняются сатане и его сыновьям. Они рисуют сами или приобретают у кого-то изображения святых, какие-то кольца, склянки, зеркала и другие предметы и с помощью их и своего магического искусства вступают в общение с сатаной, просят у него ответа на разные вопросы и помощи в выполнении своих антихристианских замыслов, становятся рабами сатаны из-за своих подлых дел».

Ли, специалист по вопросам папских преследований ереси, отмечает, что буллы папы Иоанна XXII, призванные изобличать чародеев и обязывающие инквизицию уничтожать несчастных, заподозренных в ереси, дали абсолютно противоположный результат. Папские буллы только еще больше популяризировали чародейство. С тех пор как папские буллы стали для западной церкви догмой, появилось убеждение, что магия действительно является чем-то серьезным и значительным.

покушение на его жизнь, убийство, которое он сам совершил, преследование, то, что он нашел укрытие в этом доме, встреча с девушкой, — что все Эти события были для него роковыми, переломным моментом в его жизни и даже в истории, что они послужили причиной того, что последующие «преемники святого Петра» отреклись от своего предшественника, Иоанна XXIII. Возможно, пират мог стать впоследствии и священником, и кардиналом, и папой, и быть папой признанным. Но сейчас нам трудно понять, как мог стать папой прославленный грабитель на суше и на море, который, как увидят читатели, совершил такое количество убийств только потому, что случай свел его с этой девушкой.

* * *

Балтазар медленно шел по коридору к двери, через которую он проник в дом, спустился в сад и, закутавшись в плащ, осторожно высунул голову из калитки и огляделся. Никого не было видно. Уже рассвело. Косса вышел на улицу и медлен-

но направился на запад, к центру города. Там в одном из кварталов (спустя пять лет здесь был воздвигнут самый большой в Болонье собор святого Петрония) он остановился.

Перед ним возвышался дворец его старой верной подруги Имы Давероны. . .

В это раннее утро впервые после смерти родителей девушка испытала чувство полной свободы и счастья, – проснувшись, она увидела у своей постели Балтазара Коссу.

Раненая рука нашего героя привлекла ее внимание, и Косса рассказал ей о двух попытках убийцы напасть на него, о том, как он поймал этого человека, как тот во всем признался и указал на предателя, как жестоко ее друг отомстил за себя и как он попал в дом прекрасной незнакомки.

– Я понимаю, Балтазар, зачем ты пришел. . . Ты хочешь знать, кто эта девушка? – с горькой улыбкой сказала она. – Ты и Сандру уже готов забыть! . . . Ложись пока вот здесь. . . Когда ты проснешься, я буду знать все. Мне кажется, я кое о чем догадываюсь. Но я хочу быть абсолютно

уверенной в своих предположениях и, когда разбужу тебя через некоторое время, все тебе расскажу.

Наш герой, довольно улыбнувшись, лег в постель, сохранившую еще тепло Имы, и послал прощальный воздушный поцелуй девушке, стоявшей уже у двери.

Има говорила правду. Она знала девушку, которая произвела такое сильное впечатление на Коссу. Если бы Балтазар немного подумал, он вспомнил бы, что, когда Има еще была его любовницей, она рассказывала ему о какой-то молодой девушке, своей сверстнице, приехавшей из Вероны, из города, где они обе родились, Яндре делла Скала.

Яндра была самой богатой девушкой в Вероне. Ее отец Антонио и дедушка Канэ делла Скала были правителями Вероны, так же как и ее прадеды. Но отец ее был убит несколько лет назад своим братом, Бартоломео делла Скала, который теперь правил Вероной. И семнадцатилетняя Яндра в 1381 году, то есть четыре года назад, была вынуждена бежать, чтобы спастись

от преступника дяди.

Има Даверона познакомилась с Яндрой сразу же, как только та приехала в Болонью. Има была поражена исключительной образованностью, широтой познаний, огромными способностями своей новой знакомой. Да и все знавшие Яндрю считали ее исключительным явлением, «феноменом». Говорили, что она чародейка, предсказательница, так как она якобы обладала способностью предсказывать будущее. По крайней мере в это верили жители Вероны и Болоньи. Но магия, чародейство, алхимия, астрология, любой вид исследований, даже просто чтение «еретических» книг (сюда не включались только произведения Аристотеля, признанные церковью) считалось тогда «дьявольским занятием». Христианин не имел права заниматься такими делами. И если на кого-нибудь падало подозрение, он неминуемо попадал в руки «святой службы», представлял перед судом инквизиции, рьяно охранявшей «чистоту христианской веры».

– Вот она какая, – задумчиво произнес Косса, когда он проснулся через несколько часов и Има

рассказала ему все это.

Ей было грустно, она понимала, что мысли ее бывшего любовника, одевавшегося сейчас перед пей, были о другой.

– Балтазар, – обратилась она к Коссе, когда тот прощался с ней, – не ходи к Яндре. – Она побежала к двери и загородила собой выход, пытаюсь задержать его. – Ты рискуешь.

– Из-за Ладзаро Бенвенутти? – спросил Косса.

– Нет... не в нем дело... Он не умер. Он жив. И он не будет, конечно, тебе мстить... Но ты не должен идти к Яндре...

Косса улыбнулся, но она настойчиво продолжала:

– Ты не должен идти к ней... Будет очень плохо, если ты пойдешь к ней сегодня.

И увидев, что он не расположен менять свое решение, Има раздраженно и громко выкрикнула:

– Дом, где ты был, где живет Яндра, не ее дом. Ее поселил там кардинал ди Санта Кьяра, он ее любит...

Косса нахмурил брови.

– Кардинал, – продолжала Има, – спрятал ее там, чтобы спасти от инквизиции, которая начала ее преследовать. Полгода назад, поэтому ты и не знаешь ничего, когда ты был в Неаполе, инквизиция схватила ее, а кардинал заплатил Альберинго Джуссиано, кондотьеру, чтобы тот выкрал ее и привел к нему в тот дом, где ты ее увидел. . .

– Бедная, – только и сказал Косса, выходя.

– Балтазар! – в отчаянии закричала Даверона, увидев, что он уходит. – Подеста сказал мне, что сегодня же святая инквизиция пошлет своих людей в этот дом, чтобы схватить ее. Два дня назад они узнали, где она живет. Вернись!

Все напрасно! Косса, обернувшись, улыбнулся ей на прощание, и она поняла, что он не поверил ей, подозревая в неискренности.

* * *

И вот Косса снова в доме, где он был на рассвете. Он осматривал маленький изящный салон, ожидая его хозяйку. Его внимание привлекли мебель,

убранство комнаты, безделушки. На стене он заметил картину в рамке. На ней были изображены ступени какой-то величественной лестницы. «Это, наверно, вход в ее царственный чертог». Он думал о семье делла Скала из Вероны, о теперешнем правителе, дяде Яндры, который был причиной бегства девушки в Болонью, что дало Коссе возможность познакомиться сней.

Вдруг Балтазар почувствовал нечто вроде удара тока, вызвавшего приятную дрожь во всем теле; что-то как магнит потянуло его к себе. Он обернулся и увидел Яндру. Глаза его встретились с ее спокойным, но пронизательным взглядом. Когда небесное создание успело появиться здесь?

– Королева моя, – тихо произнес Косса, замороженный ее странным взглядом. – Извини меня за мое ночное, или, скорее, утреннее вторжение. Я, Балтазар Косса, граф Беланте, – владелец Искьи и Процинты, пришел поблагодарить тебя. Я благословляю судьбу с той самой минуты, как она свела и познакомила меня с тобой, самой очаровательной и доброй из всех, кого я знал до сих пор.

Длинные, густые черные ресницы девушки, казалось, чуть шевельнулись, и ее черные большие глаза устремились на него с выражением иронии.

– Мессир Косса, – произнесла она несколько надменно, – самые искусные, самые нежные и правдивые излияния идеальнейшего в мире мужчины очень часто не доходят до души женщины... если...

– Если, – подхватил, вздыхая, Косса, – если она полна любви к другому, к другому счастливцу...

Глаза Яндры делла Скала сверкнули.

– Не любви, – поправила его девушка. – Полна благодарности. Благодарности к спасителю, избавившему ее от страшнейшего вида смерти, смерти на костре. Я полна признательности человеку, благодаря которому я жива до сих пор.

Как грустно она произнесла последние слова: «жива до сих пор»! Как особенно подчеркнула их! Казалось, что она еще боится за свою жизнь, не верит в нее.

А Косса печально думал: «Почему меня не

было здесь, чтобы я сам мог спасти ее!»

Вдруг он вздрогнул и вскочил. Три не то четыре головы показались над садовой стеной. Косса подбежал к окну, чтобы рассмотреть этих людей получше, и заметил еще нескольких. У него мелькнула мысль о предупреждении Давероны, которому он тогда не поверил.

– Беги, моя королева! – крикнул он. – Только так ты можешь спастись. Беги. Палачи святой инквизиции окружают дом.

– Увы... — произнесла она безнадежно. – Я была уверена, что этот день недалек. Но я не думала, что это случится сегодня.

– Беги, моя королева!

Он видел в окно, что сад наполняется людьми. А девушка, горько улыбаясь, не двигалась с места.

Косса посмотрел на нее, решительно схватил за руку и потащил к двери.

«Какой путь выбрать? – думал он. – Где они не сторожат и мы сможем выйти?»

Девушка замешкалась, и глаза Коссы свирепо сверкнули.

– Настало мое время спасти тебя. И я спасу тебя! – крикнул он.

Он взял ее на руки, поднял как пушинку и начал спускаться по потайной лестнице, надеясь выйти к соседним домам и затеряться в толпе. Но, оказавшись на улице, он сразу потерял всякую надежду. С десятков палачей «святой службы» уже поджидали их. Напрасно Балтазар, опустив девушку, вынул стилет. Напрасно дважды вонзил его в чьи-то тела. Палачи схватили и Яндру делла Скала и самого Балтазара.

* * *

В центре Болоньи, во дворце правителя города—подеста, запертый в башне, томился наш герой под бдительным надзором стражников ордена капитанов святой Марии. Это был полумонашеский, полувойенный орден, члены которого носили металлические кольчуги под монашеским балахоном с красным крестом на груди [25].

Даже самые близкие друзья Коссы: Гуинджи, Фирски, Умбальтини, Вителлески, ни один из

«десяти дьяволов», не говоря уже о тысяче других студентов Болоньи, желавших увидеться с Коссой, не могли проникнуть к нему. И только Даверона, которая поставила на ноги всех своих знакомых и умело использовала связи с подеста, получила к вечеру десятого дня разрешение поговорить с Балтазаром несколько минут.

– Балтазар, – быстро зашептала она, увидев его. – Будь спокоен. Ваша судьба будет решаться только через три месяца, а за это время с тобой ничего не может случиться.

– А Яндра?

– С ней тоже ничего не будет. Великий инквизитор объявит свой приговор вам обоим и другим арестованным в один день.

Действительно, Доменико Бранталино, великий инквизитор Италии, три дня назад решил поступить именно так. На другой же день после того, как были схвачены Косса и девушка из Вероны, он приказал привести к нему каждого в отдельности и сам допрашивал их в присутствии генерального викария и главного нотариуса, то есть тех, кто руководил сыщиками—сбиррами.

– Ты отреклась от спасителя? . . . —спросил он девушку.

– Нет.

– И все же ты отреклась. Ты клянешь святую троицу?

– Нет.

– А чародейство? Разве это не богохульство? Ты поклоняешься дьяволу?

– Нет.

– И все же ты молишься дьяволу. Не сатане ли ты приносишь в жертву детей, которых не успели еще окрестить?

– Я не приносила в жертву даже насекомое.

– Кому же как не сатане вы посвящаете ваших детей, еще до того, как они увидят свет? Не совращаете ли вы людей на служение сатане? Сколько раз ты впадала в грех кровосмешения?

Девушка покраснела и не ответила.

– Ты не убивала людей? – переспросил инквизитор. – Не варила и не ела сваренных человеческих членов? . . . Не губила людей ядом и колдовскими заклинаниями? Не вызывала падежа животных? Не накликала бесплодия на женщин, не

заставляла деревья раньше времени сбрасывать плоды? . . .

Последние вопросы прозвучали как монолог, так как девушка молчала. Однако это не остановило инквизитора, он задал ей обязательный для «чародеев» вопрос.

– Не имеешь ли ты телесных сношений с сатаной? Если не каждый день, то сколько раз ты спала с ним?

Главный доминиканский монах получил удовлетворение, увидев, как краска заливает бледно-розовые щеки Яндры, и предъявил ей новое «официальное обвинение».

– Какая-то женщина, жертва твоих чародейств, так опухла, что живот у нее почти закрыл лицо. Из ее утробы слышатся разные звуки, похожие на петушиный крик, на куриное кудахтанье, на бляение баранов, на рев быков, на мычание коров, на лай собак, на хрюканье свиней, на ржание лошадей. Тот, кто донес па тебя, сказал, что живот этой женщины похож на ходячий скотный двор.

Яндре было противно слушать все это, и она

не защищалась. Представитель «воинствующей церкви» вызвал стражу и распорядился отвести девушку в камеру, а привести к нему ее «жертву», околдованного ею студента, ее «защитника» и «любовника».

Великий инквизитор знал, что девушка была любовницей кардинала ди Санта Кьяра, но, чтобы не впутывать в эту историю действительного любовника, одного из корифеев церкви, он делал вид, что ему ничего об этом неизвестно, и притворялся верящим, что чародейка свела с ума Коссу, что он ее любовник.

Читатели должны знать, что инквизитор, будь он хотя бы простым монахом, не боялся никого, даже кардинала. Потому что «святая служба» не зависела ни от церковных, ни от политических владык, подчиняясь непосредственно святому престолу. И нельзя недооценивать страшной опасности, которой подвергался наш герой и девушка, как и всякий, кто попадал в руки инквизиции. Может быть, вышеизложенные обвинения, предъявленные им, в настоящее время кажутся смехотворными. Но в те времена такое

обвинение святой инквизиции предвещало верную и ужасную смерть. Святая инквизиция была «мечом западной церкви». ⁴

⁴ Де Поте, крупный историк XIX столетия, в своей книге «История христианства» пишет:

«Католицизм должен был употребить власть, силу, пытки и террор, или он перестал бы существовать. Этим объясняется возникновение жестоких законов святого суда. Одна из статей гласила, что обвинение в ереси должно быть поддержано даже в том случае, если оно исходит из уст хотя бы одного доносчика».

В начале XIII столетия сначала в Италии и Франции, а потом в некоторых государствах Испании и Германии возникла святая инквизиция. Началось невиданное доселе преследование еретиков. Успех этих действий объяснялся тем, что преследование велось под знаменем борьбы с еретиками и чародеями—«сообщниками дьявола», согласно кодексу законов Ватикана, его программе, составленной «мудрейшими мыслителями церкви». Организация преследования принадлежала не местным церковным властям, не епископам каждого района или властям каждой страны. Центр управления преследованиями находился в Ватикане, и руководил им сам папа. Все операции по преследованию проводились преданным святому престолу орденом святого Доминика. Доминиканцы были доверенными лицами папы в разных странах и с большим рвением производили пресе-

дования средствами, обеспечивавшими господство святого престола над народами. «Нищие» монахи ордена святого Доминика были убежденными исполнителями воли святой инквизиции. Они бродили по деревням и городам, собирали милостыню, чтобы жить, но вместе с тем добывали сведения о людях, которые искали истину (это считалось колдовством), или тех, кто осмеливался жаловаться на различные злоупотребления папы и западной церкви, порицать роскошную и распутную жизнь служителей всевышнего. На основании этих сведений люди, требовавшие обновления церкви и возвращения ее к простоте апостольских времен, предавались суду. Усердие доминиканских преследователей, судивших еретиков и чародеев, у которых они захватывали богатства, передававшееся «матери церкви», было неопишимо. Мстительность монахов была безгранична. Они сжигали дома и посеы «вероотступников» и «слуг дьявола», вздымая руки и вознося имя Христа, которого «предали вероотступники»...

Папа Гонорий III приказывал епископам помогать доминиканцам, которые, как он говорил, «с вдохновенным усердием проповедают волю церкви». «Предоставляйте им, — приказывал он, — все средства для наказания вероотступников...»

И вот, следуя папским циркулярам, церковные и светские власти в разных странах оказывали всяческую поддержку этому монашескому ордену. А основатель

ордена святой Доминик (заявлявший, что он стремится восстановить в церкви простоту апостольских времен) организовал из этих приверженцев церкви многочисленные группы доносчиков и сыщиков, которые были обязаны разыскивать и предавать суду святой инквизиции каждого подозреваемого, каждого, кто хоть что-нибудь говорил о разложении церкви, огнем и мечом бороться с ее противниками.

Надо сказать, что светские правители, императоры и короли, считали для себя выгодным помогать церкви, своему союзнику в борьбе, стремились подавить «духовный мятеж» и нанести мощный удар по «новым, еретическим идеям». Все правители брали под свою защиту монахов-проповедников, которые в городах и деревнях разыскивали «бандитов-еретиков и чародеев», приказывали своим подданным выдавать, задерживать и бросать в тюрьмы всех подозрительных [25].

Отец Фома, 2 августа 1483 года принявший пост великого инквизитора, за восемнадцать лет пребывания на этом посту только в одной стране отправил на тот свет десять тысяч человек, поджаривая их на кострах. Дни, когда людей сжигали за их антицерковные идеи, обставлялись как большие празднества. Государство и церковь делали все что могли для придания величия этому зрелищу в назидание всем. Тысячи людей стекались с разных сторон на центральную площадь, где на куче дров уже стояли осужденные еретики. Чтобы при-

Наш герой, запертый теперь в подвале крепости при дворце подеста, внимательно глядел на свою бывшую подругу, которая принесла ему эти вести. Он должен был еще многое сказать Име, прежде чем стража—«друзья церкви»—уведут ее от него.

— Има, — тихо сказал он, нахмутив брови. — Передай «десяти дьяволам», пусть двое-трое из

влекть зрителей на эти «официальные торжества», сюда приглашались крупные должностные лица церкви (инквизиторы, епископы, помощники епископов), представители высших классов и часто сам король.

Служители церкви пользовались случаем и обращались к собравшейся многотысячной толпе с пламенными речами против еретиков и «служителей дьявола». Они использовали этот пример, «чтобы спасти зрителей и слушателей от неверия». Долгожданное «зрелище»—сожжение людей преподносилось в конце. И темная толпа веселилась, созерцая этот живой костер. Глаза разбегались: на кого смотреть, за кем следить?! Люди кричали все вместе, обсуждали увиденное, самым непосредственным, первобытным образом выражали свой энтузиазм при виде того, как человечество избавляется от врагов церковной, а вместе с тем и политической власти.

них, каждый отдельно, поедут в Неаполь, разыщут моего брата Гаспара и расскажут ему, что произошло. Пусть разыщут и кондотьера Альберинго Джуссиано и поговорят с ним тоже. А я надеюсь что-нибудь сделать здесь. Главное, чего я хочу, – это спасти Яндру. Има, передай то, что я сказал тебе, Ринери, Джованни, Ованто, Берардо и Биордо—всем.

Как ни старалась бедная Има скрыть свое горе, когда «друзья церкви» пришли, чтобы увести ее, было видно, как она страдает. Она знала, что нет никаких средств, которые могли бы спасти жизнь тем, кто «согрешил», нарушил законы церкви. Ни один правитель, никакая власть не могли им помочь. Сами они должны были погибнуть на кострах, а их жилища, будь то дворцы или крепости, разрушены до основания или сожжены, часто вместе с соседними домами.

Родственники и друзья казненных лишались всех прав. Их изолировали словно прокаженных. Они обязаны были носить «одежду бесчестия».⁵ Все их имущество переходило в собственность

⁵На груди и на спине этой одежды был изображен

церкви. Церковь же была призвана охранять общество от дурных примеров, подаваемых недовольными родственниками казненных.

Има знала, что обвиняемых не спасала от казни даже смерть. В таких случаях выкапывали и сжигали их трупы. Правда, постыдное «признание» могло сохранить им жизнь ⁶

большой черный крест.

⁶Только в 1482 году в Испании 17 000 человек подписали «признание». Они предпочли это унижение потому, что хотели жить, хотели избавиться от невероятных пыток, предшествовавших суду! Страшных, ежедневных мучений в течение многих месяцев, до тех пор, пока у них не добивались «признания»...

В первый же год появления святой инквизиции в Испании около 1000 человек было сожжено на кострах, обезглавлено на эшафоте мечом или топором. Людям отрубали руки, ноги или пальцы. А еще 7000 человек «признали» свою вину и попросили помилования у церкви. Им сохранили жизнь, но для устрашения других соями их чучела. Самих же «раскаявшихся» бросили в подземелья, где они вскоре умерли. У родственников забрали дома и состояние, надели им «одежду бесчестия» и изгнали из города. В Андалузии, в одной только Севилье, за год опустели 5000 домов.

К «легкому» наказанию, как, например, стегание плетью, отрубание конечностей, привязывание к позорному столбу, когда каждый проходящий имел право плевать в осужденного, было приговорено 97 000 человек.

В течение одного года только в Испании были обречены на гибель и вечный позор тысячи семейств. В Испании по приказу церкви было проведено также крещение евреев и мусульман.

Фердинанд Католик в 1492 году выслал из Испании всех евреев, не пожелавших принять христианское вероисповедание. Было изгнано 170 000 семейств—около миллиона человек. Тысячи людей погибли в пути от отчаяния, голода, жажды, холода, во время штормов в Средиземном море, от дурного обращения с ними моряков-христиан. Часто их нарочно топили в море, чтобы воспользоваться жалкими крохами, которые те имели.

Еще хуже святая инквизиция обошлась с испанскими мусульманами. Они были объявлены «вероотступниками», то есть, другими словами, смертниками, которых ожидали страшные пытки, а затем смерть на костре.

Но государство взяло их под защиту, и церкви пришлось «оказать им снисхождение». Людей погрузили на корабли и отправили в мусульманские страны.

Посмотрим, однако, как им удалось доехать: из первой партии в 140 000 человек более 100 000 погибли от

голода и жажды. Сами мусульмане считали мавров—испанских мусульман—католиками и европейцами. Но католическая церковь обрекла их на смерть, а король изгнал из страны как мусульман. Кроме погибших по упомянутым выше причинам, тысячи были уничтожены экипажами кораблей, на которых перевозили этих людей. Мужчин убивали на глазах женщин. Жен и дочерей брали себе в наложницы, а потом когда они надоедали, топили их в море и выбирали новых.

Около трех миллионов мавров и евреев было уничтожено в Испании [63].

Общеизвестна история французского рыцарского ордена тамплиеров, уничтоженного королем и папой Климентом V для того, чтобы воспользоваться богатствами этого ордена.

На орден были возведены клеветнические и нелепые обвинения: преклонение перед дьяволом, отречение от Христа, разврат, детоубийства! Государственное и церковное «правосудие» пришло в движение. Палачи начали свое дело. Архиепископы Сены, Роны и Руана вместе с провинциальными епископами приняли решение: если обвиняемые будут впоследствии отказываться от признаний, сделанных под пытками, это должно расцениваться как повое впадение в ересь, вероотступничество, отречение от Христа, и они все равно должны быть сожжены на костре.

Рыцарей после страшных пыток поднимали на кост-

* * *

В февральское раннее утро 1385 года в Болонье стоял такой шум и крик, словно началось светопреставление.

Самое большое волнение царило в центре города, у дворца подеста.

Ну и суматоха! Еще не рассвело, а площадь перед дворцом была запружена народом, в темноте, словно в дьявольском танце, метались человеческие тени, галопировали всадники, в многоголосом шуме вдруг выделялись какие-то по-

ры по пятьдесят человек и больше и заживо сжигали. Монахи и «святые отцы» западной церкви так умело обставили все, что народ считал сожжение делом совершенно справедливым и питал такую ненависть к тамплиерам, что даже трупы их осквернялись. Люди раскапывали могилы, доставали останки и снова сжигали их, а пепел разбрасывали по ветру.

Рассказывают, что Яков Моле, великий магистр ордена, прежде чем его охватило пламя костра, обратился к папе, приглашая его через сорок дней встретиться пред очами божьими, а короля—через год. Судьба ли это? Но странно, что через сорок дней после сожжения на костре Якова Моле умер папа, а через год—король.

бедные возгласы. Крик, вой, грохот, треск, бряцание оружия, вопли! Город гудел.

В огромной толпе мелькали искаженные лица вооруженных людей, причем в качестве оружия использовались и стилеты, и сабли, и дубинки, и доски, и ножи всех видов, вплоть до кухонных.

На пути люди эти встретили немало препятствий, преодолели их и, ворвавшись в город, были беспощадны. ЭТО импровизированное, пестро вооруженное «войско», возглавляемое группой людей с обветренными, почерневшими от загара лицами, рвалось в бой, как стая голодных, кровожадных волков.

Один из вожаков, красивый, смуглый молодой человек лет двадцати пяти, был самым неудержимым. Саблей он расчищал себе дорогу, быстро поднимаясь по лестнице. Он первым взбежал на второй этаж крепостной башни дворца и нанес сильный удар саблей одному из «друзей церкви», который с группой своих подчиненных стоял у лестницы, преграждая ему вход.

– Где Яндра делла Скала? – крикнул молодой человек.

Уже целый месяц наш герой был на свободе (правда, ему приходилось скрываться в Болонье). Ему удалось убежать, не воспользовавшись даже маленьким напильником, который вместе со стилетом принесла ему в пироге Има. На следующий день после ее прихода, когда один из «капитанов святой Марии» подошел к камере, Косса пригнулся у дверей, а когда тот заглянул в окошечко, отыскивая глазами арестованного, быстро вскинул руки, одной крепко обхватил шею «капитана», а другой заткнул ему рот. Сильно сдавив горло тюремщику, он подождал, пока тот потерял сознание, и отобрал у него ключи. Открыв дверь, Косса втащил тело в камеру, поспешно стал раздевать его, чтобы завладеть одеждой «капитана святой Марии», но не успел.

Послышались шаги, и чей-то голос окликнул «капитана».

Будущий папа решил, что колебания тут не к месту. Он выскочил из камеры, взмахнул стилетом и вонзил его прямо в сердце новому «счастливцу». Приволок и его в свою камеру. Потом разделся и вместо «формы», в которую его оде-

ли месяц назад, натянул на себя одежду «крестоносца».

Спрятав стилет и напильник в складках платья, он опустил капюшон низко на лоб, с деланным спокойствием поднялся по лестнице, вышел из башни, пересек двор, миновал большой зал дворца, тот самый зал, в котором через двадцать пять лет был созван конклав, провозгласивший его папой [9], вышел на площадь и вскоре затерялся на улицах Болоньи.

Он не остался в доме Имы, потому что здесь в первую очередь стала бы искать его святая инквизиция. Он только сообщил девушке о своем побеге. Не остановился он и ни у одного из своих приближенных. Он не ночевал в одном доме две ночи подряд. У одних он проводил утро, у других—вечер, у третьих—ночь. Он знал множество уединенных убежищ. И у него были тысячи сторонников среди студентов Болонского университета.

В один из дней он встретился с «адмиралом», своим братом Гаспаром Коссой. Они обнялись, и Гаспар, посмеиваясь, рассказал Балтазару, как он

и его пираты (с ним было сто двадцать человек, остальные ожидали его на корабле в порту Виареджо) обманули стражу и проникли в город. По пути в город они нагнали стадо овец, коз и коров. Узнав у пастухов, кому те гонят скот, пираты сошли с лошадей, связали пастухов, бросили их связанными в какую-то хижину и, пряча лошадей среди стада, двинулись к городу. Под вечер, незадолго до закрытия городских ворот, они проникли в город, а скот отправили владельцу. Гаспара встретили представители студентов.

– Можно покончить с этим делом сегодня же ночью? – спросил Балтазара старший Косса.

– Альберинго Джуссиано дает сто человек на десять часов и просит за это две тысячи скудо, – ответил наш герой.

– Он их получит.

Балтазар достал разработанный им план и показал брату.

– Ночью мы должны собраться на площади у дворца подеста. Там, в башне, ее тюрьма. Туда придет около тысячи моих друзей студентов, самых смелых и сильных. Они будут вооружены. А

еще три-четыре тысячи будут разгуливать неподалеку, чтоб помешать городской охране, если ей вздумается помочь людям «святой службы». Но ее все ненавидят. Джуссиано уверен, что ни подеста, ни гонфалоньеры не будут мешать. Они бросят на произвол судьбы «друзей церкви», потому что терпеть их не могут.

– Пусть твои ребята займутся стражей у городских стен, главным образом у северных ворот. Через них мы уйдем, закончив дело.

* * *

– Где девушка?

Косса действовал решительно. Он должен был спасти юную красавицу во что бы то ни стало. Сабля тяжело опустилась на «друга церкви». Раздался сухой, отвратительный треск. Правая рука «друга церкви» безжизненно повисла.

– Где Яндра делла Скала? – снова послышался гневный голос Балтазара.

Он понимал, что защитников тюрьмы, помощников «святой службы» было очень мно-

го. «Друзья церкви», «капитаны святой Марии», члены общества защитников веры (а по существу—шайка доносчиков)—все они старались преградить ему дорогу.

Будущий папа, рассвирепев, обеими руками вцепился в саблю и с силой стал наносить удары по «друзьям церкви». Крики доносились то справа, то слева и свидетельствовали о том, что удары попадали в цель. Вдруг наш герой ощутил сильную боль в плече. Крови он не видел, но чувствовал, что она течет.

Но вот наконец и пираты, его старые друзья, словно дьяволы, скачут по лестнице. Косса, разъяренный, схватил за горло подвернувшегося под руку «капитана святой Марии» и начал душить его.

– Где она? – в исступлении повторял Косса, все сильнее сжимая горло «капитана». – Где Яндра? Ты будешь говорить?

Тот поднял руки... Шум, галдеж, крики заглушил вдруг страшный грохот. Пираты выломали дверь.

– Яндра!...

Девушка протянула ему руки. Божественная улыбка озарила ее лицо. Но, заметив рану на его плече, она в испуге бросилась вытирать кровь.

– Яндра, ты с ума сошла! Не время! – закричал Балтазар.

Он поднял девушку на руки, как тогда в ее доме, и под охраной четырех пиратов, которые шли сзади и по сторонам, спустился по лестнице на улицу.

– Гаспар, Альберинго Джуссиано, Биордо, Берардо, Ованто, Ринери! Друзья мои «дьяволы», друзья студенты! Дело сделано! Все на лошадей—и к северным воротам!

* * *

Группа всадников бешено скакала по дороге, стремительно удаляясь от Болоньи. Перепалив через вершину Апеннин, высотой около двух тысяч метров, к полудню следующего дня они подъехали к Пистое и только здесь придержали лошадей. «Адмирал» давно уже посматривал на брата.

– Раз уж ты не хочешь идти со мной, – сказал он, когда они въехали в город и проезжали мимо знаменитого собора святого Зинона, – раз ты решил действовать самостоятельно, я для начала помогу, дам тебе корабль и три лодки. Лодки стоят в устье Арно, у Пизы. И оставлю тебе человек тридцать своих людей.

Балтазар пожал ему руку.

– Я сам все сделаю.

– Вернешь, когда сможешь.

– Нет, – упорствовал Балтазар. – Я сам всего добьюсь. Но лодки я все же возьму.

Гаспар написал несколько слов на листке бумаги и подал его брату.

– Это насчет лодок. Мы расстаемся. Отсюда я поеду в Виареджо. А вы через Лукку попадете в Пизу.

* * *

Итак, после шумной сцены в таверне «Кроткая овечка», о которой мы рассказывали, наш герой и его спутники отправились спать. Через

несколько часов, еще до рассвета, они покинули постоянный двор, где провели ночь.

Чуть только забрезжил рассвет, Косса и его друзья выехали из города, направляясь на запад, неуклонно придерживаясь берега Арно. Девушка в мужском костюме, дочь бывшего властелина Вероны Яндра делла Скала, ехавшая с Коссой на одной лошади, совершила невероятный побег из тюрьмы благодаря дерзкому вмешательству Балтазара. Вчера еще, подавленная, она размышляла о своей дальнейшей судьбе, а после ночи, проведенной в Пизе, ее нельзя было узнать. Лицо Яндры, освещенное первыми лучами зари, сияло от счастья.

Балтазар, вглядываясь вперед, заметил вдали лодки, оставленные ему братом. Увидел он и еще что-то и взглянул на спутников, ехавших рядом с ним.

– Альберинго, Ривери, – прошептал он, – там ждут. . . друзья. . . Люди, которые не хотели вчера меня слушать, пришли сюда ночью. Боятся, что я уеду без них.

Действительно, пришли все, кто был вчера в

таверне, даже одноглазый рябой громила, который накануне так бушевал.

– Да, и я пришел! – растерянно произнес он, раскачиваясь всем своим грузным телом. – Раз идут друзья, я их не брошу. Я с вами. – И он молодцевато шагнул навстречу Коссе.

Балтазар с трудом удержался от улыбки и громко отдал команду:

– Вперед, друзья! По лодкам!

* * *

Четыре года корабли Балтазара Коссы бороздили воды Средиземного моря. Словно коршуны набрасывались они на проходящие суда, мусульманские или христианские, принадлежавшие различным государствам Европы, уничтожали и захватывали их экипажи и пассажиров. Пираты высаживались также у берегов Африки и Европы, у городов и деревень, на островах, грабили виллы, дома, хижины, сжигали их, предварительно забрав все ценности.

Мы не случайно сказали «корабли». У Коссы

было их несколько. Один из них был захвачен в первый же день. Это был арагонский корабль, который шел из Генуи по направлению к Ферано на острове Эльба. Корабль этот послужил основой для создания целого пиратского флота, совершавшего крупные «операции». Нужно сказать, что Косса предпочитал действовать в районах Берберии. территории, где теперь расположены Тунис, Триполи, Алжир и Марокко. Не потому, что это были мусульманские страны и он ненавидел мусульман. Нет, Коссе были чужды такие предрассудки. Он совершал набеги и на различные области Испании, Балеарские острова, Корсику, Сардинию, Сицилию и даже на районы континентальной Италии, которая была его родиной. Единственным местом, не страдавшим от налетов Балтазара, был Прованс—французская провинция, правителю которой Служил брат Коссы Гаспар со своим пиратским флотом. Балтазар не хотел доставлять неприятности брату, ведь герцог Прованса мог послать Гаспара уничтожить пиратский флот Коссы.

Итак, если нашему герою не попадались тор-

говые суда, которые можно было ограбить, он предпринимал набеги на прибрежные мусульманские страны. Объясняется это тем, что многие жители побережья сами были пиратами, и из каждого своего «похода» привозили домой множество ценных товаров и золотых монет. Города Средиземноморья давали Коссе богатые трофеи.

Наш герой не обходил даже Позитано и Равелло (неподалеку от Амальфи), мест, расположенных рядом с островом, принадлежавшим семье Косса.

Во время своих набегов на города африканского побережья Балтазар не брал в плен кого попало. Он действовал по строго разработанной системе. И никто из тех, у кого было хоть какое-то добро, не ускользал от него.

Во время «экспедиций» в христианские страны самые богатые трофеи приносил грабеж церквей. Золотые и серебряные подносы и чаши, расшитые золотом хоругви, серебряные ризы, золотые урны с останками святых и дары верующих попадали ему в руки. Разумеется, в первую очередь опустошались алтари.

Дома в Берберии были переполнены добром, награбленным мавританскими пиратами в Европе. Кроме золотых и серебряных монет различных стран—дублонов, реалов, скудо, константинатов, торнези, цехинов, — Косса находил там бриллианты и жемчуг, дорогие женские одежды из шелка, драгоценные мужские доспехи (драгоценные потому, что большинство их было украшено бриллиантами. Попадались кольчуги, на которых было до пятисот жемчужин, а также рубины и сапфиры) и мантии правителей, на которых насчитывали до девятисот жемчужин. Из богатых вилл, которые затем предавались огню, люди Коссы корзинами или огромными ящиками выносили золотые и серебряные вещи и дорогие сервизы.

Конечно, все это давалось не без труда. Владельцы, как говорится, зубами вцеплялись в свое добро. И тут уж резня была страшная. Люди Коссы, словно черные демоны, окружали весь район: резали, кололи, убивали сопротивлявшихся людей и на улицах, и в домах, где они запирались. Словно дикие кошки, вскарабкивались они

на крыши домов, выламывали двери и окна, врывались в дома. Много крови лилось тогда. Об этом пишет Д. Джовенелли в своей книге «Пиратство».

А с захваченных торговых кораблей Косса доставлял в отчий дом на Искье весь груз, который они везли из Африки и Азии. Соль, пшеница, ткани, ковры, пряности, напитки—Эти товары особенно охотно покупались богачами. И рабы. Рабы-мусульмане. Потому что в ту эпоху, в XIV веке, не было на Средиземном море ни одного судна, будь то венецианское, арагонское, прованское, генуэзское, неаполитанское или какое-нибудь еще, которое не везло бы рабов из Африки или Азии. Рабов продавали в портах Европы богачам, которые использовали их на разных работах, предварительно окрестив, чтобы спасти их души, а заодно тем самым искупить и свои грехи, совершенные в жизни.

Инквизиция. Пытка

* * *

Мать Балтазара, когда он между двумя «операциями» приехал на Искью, советовала сыну:

– Остановись, Балтазар. Наш дом, хоть он и большой, весь Каstellо, а то и весь наш остров, не смогут вместить всего того, что ты привозишь. Что делать с богатством, которое ты привозил и продолжаешь привозить? Всей Искьи не хватит, если так будет продолжаться. Особенно если ты будешь привозить сюда и пленников, а

не продавать их по дороге в других портах. Достаточно женщин, которых ты сюда привозишь. Их слишком много. До каких пор ты еще будешь привозить их? Что мне с ними делать? Ты не сможешь жениться ни на одной из них, даже на той, что у тебя на корабле, на девушке из Вероны. Ты должен служить церкви, сын мой, для этого я тебя растила. Вот уже пятьсот лет многие поколения нашего рода дают служителей церкви. Ты тоже должен им стать. Подумай об этом хорошенько. Я не хочу, чтобы ты снова ушел в море. Опасная жизнь, которую ты ведешь, тянется слишком долго, а ты обещал мне, что скоро бросишь это занятие... Пусть этот отъезд будет последним. Когда ты вернешься, начинай новую жизнь, новую, мирную жизнь, а то тебя убьют... и тебя, и Гаспара, и Микеле, и Джованни... Вы все обезумели от этой жизни...—говорила она, и на глазах ее блеснули слезы.

Дело в том, что Косса действительно готовился к большой «операции». Вот почему мать так печально смотрела в глаза сыну, озабоченно хмуря брови. Она взяла его за руку и заставила

сесть рядом.

– Как ты похудел, – продолжала она. – Ради бога, довольно любви и женщин—одновременно столько женщин!... Правда, все они красивы, в каждой своя прелесть... Они очень экзотичны и милы, эти девушки из далеких стран, в них много очарования. Но, мой сын, я боюсь за тебя... Да, – задумчиво сказала она, – хватит тебе и одной. Достаточно тебе Яидры, она очень красива и так страдает, бедняжка... » А ты бросаешь ее и бежишь к другим... Девушка все понимает. Она не глупа. Пусть она ничего не говорит тебе. Но она все видит. Я заметила однажды, как она побледнела, когда ты заинтересовался кем-то и ушел, не обращая на нее внимания. Она глубоко переживает все. Я видела, как она посмотрела на тебя.

– Мать, ты ошибаешься. Ей это безразлично. Она никогда не говорила со мной об этом. Кроме того, я открыто ничего не делаю...

– Нет, – настаивала мать. – Я не ошибаюсь. Я все видела, и ты подумай об этом. Ты потеряешь ее. Мы, женщины, не прощаем тем, кого любим.

Косса поцеловал ее на прощанье и ушел.

* * *

Прекрасен солнечный зимний день в просторах моря. Корабли Коссы под широко раскрытыми парусами, с тихим плеском разрезая носами воды, легко несут тяжелый груз, Захваченный снова в блестящей «операции», проведенной в Африке.

В порту Джерит Большого Сирта ими были захвачены все товары, привезенные последними караванами из Сахары. В Кембили (Нефзауа), в Гамбесе, в Эль-Хаме (все эти порты торговали черными рабами) пираты захватили около пяти-сот молодых мужчин и женщин, привезенных туда для продажи.

Яндра, одетая в узкие, ладно сидящие на ней брюки, бросила из-под нахмуренных бровей быстрый взгляд на чернокожую девушку, которую только что разглядывал Косса. Но, гордая и хитрая, тут же улыбнулась, делая вид, что наблюдает за веселой кампанией—Альберинго Джусси-

ано, Ринери Гуинджи и Гуиндаччо Буонакорсо, которые сидели на палубе и играли в карты.

Балтазар стоял поодаль, подняв голову, и всматривался в небо, в облака, которые появились низко над горизонтом.

– Пятьдесят цехинов, – слышалось вдруг со стороны игроков. – Играю на все.

Косса обернулся. Он узнал голос небезызвестного одноглазого гиганта. Косса знал, что этот человек был картежным маньяком. Но ему было интересно, кого это Гуиндаччо подзадоривал. Криворотый колосс обращался к Ринери Гуинджи, пытаясь вовлечь его в крупную игру.

– Ну, а ты? – продолжал Буонакорсо. – Клади и ты пятьдесят. . .

Теперь он обращался к Альберинго.

Видимо, он выигрывал. И теперь хотел или втрое увеличить выигрыш, или. . . проиграть все.

«Настоящий картежник!» — подумал Косса. И снова поднял глаза к небу. Что-то в нем волновало его. Ему очень не нравилось маленькое далекое облачко.

«Скоро, наверное, подует свежий ветерок», –

подумал он. По тут внимание его снова было отвлечено.

– Ладно! – соглашался Гуиндаччо. – Ставьте. Мое дело дрянь. Я всегда проигрываю. – И начал рассказывать, как ему не везет. Как-то в одну ночь он проиграл пятьсот скудо. Это было все, что он скопил за всю свою пиратскую жизнь.

– Заело меня, и я одолжил у ребят еще двести и стал играть дальше. И их я просадил. А так как расплачиваться было нечем, я должен был отслужить у них сколько-то лет, не помню сейчас сколько. Наконец я отработал свой долг, и у меня осталось еще пятьдесят реалов. И как-то ночью в таверне я сел играть на них. И что вы думаете? Выиграл шесть тысяч золотых цехинов, целое богатство! Забрал выигрыш и поклялся больше не играть, вернуться в Пизу и там пожить спокойно. Но по дороге, в Неаполе, зашел в таверну поесть. Там я увидел богатого путешественника, еврея. Он обедал. Уставился этот еврей па меня, и я решил, что ему захотелось сыграть со мной. Я не выдержал и сам предложил ему перекинуться в картишки. Выиграл я у этого еврея шестьсот

пятьдесят золотых цехинов и груз пряностей, — груз стоимостью пятьдесят тысяч золотых дука-тов. И еще я выиграл у него мельницу и шестьдесят рабов.

Наш герой, слушая этот рассказ, забыл о своем беспокойстве.

— Еврей, — продолжал Гуиндаччо, — дал мне долговую расписку и попросил меня не уходить, а подождать его. «Я скоро вернусь, — сказал он. — Если хочешь, мы можем продолжить игру». И действительно, он скоро пришел и принес тысячу пятьсот золотых лир. Мне захотелось и их выиграть. Мы начали играть снова, и я проиграл все выигранное у него, и свои деньги, и даже рубашку. Однако еврей меня пожалел и отдал рубашку обратно. Как я вернулся в Пизу, без денег, голодный—это другая история.

Гуиндаччо кончил рассказ, компания опять принялась за игру, а Косса снова беспокойно нахмурил брови. Он посмотрел на надутые ветром паруса и выругался. Взял рупор, поднялся на капитанский мостик и стал отдавать команду.

Его громкий голос, подхваченный начавшим-

ся ветром, был слышен на всех кораблях флотилии.

– Убрать гроты, бом-брамсели, брамсели, бом-кливера и кливера! Оставить норд-весты!

К своему удивлению, Гуиндаччо Буонакорсо, выиграв у Ринери Гуинджи, теперь выиграл и у Джуссиано. Сто пятьдесят золотых цехинов за два часа!

Ветер усилился и отчаянно свистел в парусах. Черные, тяжелые тучи заволокли небо, на волнах показалась пена. Небо, так недавно улыбавшееся, стало темным и хмурым. Ветер несся навстречу флотилии, корабли трещали и стонали от его порывов. Кривой рот Гуиндаччо еще больше скривился от страха, единственный глаз как-то тревожно блестел, когда неуклюжий, полный суеверия гигант собирал деньги, завертывал их в три платка, прятал в карман и бормотал:

– Нам не надо было брать то, что мы взяли. Не надо было делать того, что мы сделали на Лампедузе. Я знал, что бог нас покарает. . .

Что имел в виду этот жалкий трус? Что произошло на Лампедузе? Что это за место?

Лампедуза—остров, который находится почти в середине Средиземного моря. Он лежит южнее Сицилии, западнее Мальты, между островом Пантеллерия и тунисским портом Махдия, ближе к последнему.

На этом острове, расположенном между Африкой и Европой, который служил как бы «нейтральной территорией» для европейских и арабских пиратских кораблей, для христиан и мусульман, в центре его была глубокая пещера. На одной из стен пещеры висело старинное изображение святой Марии с младенцем Христом на руках. У противоположной стены была могила мусульманской «святой»—марабу. Обе половины пещеры были завалены разными товарами.

У стены с изображением богоматери лежали мешки с галетами, целые головы сыра, кувшины с маслом, мешки кофе, вино, деньги.

На противоположной, мусульманской, стороне было сложено почти то же самое и еще ящики с турецкой, арабской и персидской одеждой. Все это были приношения, оставленные сторонниками обеих религий—экипажами европейских

и мусульманских кораблей. Их оставляли специально для беглых рабов, своих единоверцев, которым удалось бежать с галер. Тот, кому удалось освободиться от цепей, бросался в воду, плыл к Лампедузе, находил пещеру, полную товарами, и был уверен, что проживет до тех пор, пока к острову причалит какой-нибудь корабль с его единоверцами и заберет его.

Испанский пират Алонсо де Контрера, рассказывая в своих воспоминаниях об этом острове, утверждает, что приверженцы обеих религиозных догм уважали установленный обычай и никто не осмеливался даже подумать о том, чтобы прикоснуться хотя бы к какой-нибудь мелочи из этих приношений. Контрера говорит также, что невозможно перечислить «чудеса», которые творило изображение богоматери в пещере. «Не чудо ли, – говорит он, – что светильник перед богоматерью горел всегда: и днем и ночью, даже если на острове не было ни души?» Итак, покидая остров, никто не рисковал унести из пещеры хотя бы булавку.

И вот «кощунство», о котором боялись да-

же думать и христиане и мусульмане, совершил будущий папа Балтазар Косса.

– Что это такое? – спросил он, с удивлением рассматривая товары, лежавшие в этом пустынном безлюдном месте. – Грузите все на корабли!

Гуиндаччо осмелился рассказать ему о существующем обычае, показал Коссе изображение и поведал о его «чудесах».

– Ты болван! – обругал его будущий папа. – Грузите все на корабли, ничего не оставляйте!

... Вот о чем вспоминал сейчас суеверный Буонакорсо.

– Ох, – в страхе вздыхал он, глядя на страшное черное небо и бешено вздымавшиеся волны. – Вот беда! Зачем мы взяли приношения с Лампедузы? Ведь если бы мы продали пятьсот черных рабов и товары, которые добыли в резне с берберийцами, то набили бы все карманы золотом. Зачем было забирать эти приношения? Мы сами накликали на себя беду!

– Чего ты все причитаешь, брызга? – услышался угрожающий, перекрывающий шум штор-ма голос Коссы.

Гигант мгновенно вскочил.

– Что угодно, капитан? Что я должен делать?
Что бы ты ни приказал—все правильно.

– Помогай убирать паруса.

Гуиндаччо, ринувшись исполнять приказание, чуть не свалился в море.

– Выбрать швартовы и шкентеля! – гремел в полумраке голос Коссы.

Как разбушевало море! Какими бешеными стали волны! Как дико ревел ветер! Корабль трещал; казалось, что он стонет от штормовых ударов.

– Убрать норд-весты, – командовал Косса, хватаясь за мачту, чтобы удержаться на ногах при качке.

В тусклом свете зажженных факелов замечались фигуры людей, бросившихся выполнять приказание. Цепляясь за борта, люди ползком пробирались к мачтам. Дикий вой несся с корабля. Это вопили прикованные в трюме рабы, женщины и мужчины. Страх охватил всех. Никто не помнил подобного шторма.

Яндра, вцепившись в какой-то столб, словно

прикованная к нему, лежала на полу большой каюты в носовой части корабля.

Даже мужчины, старые морские волки, которые отдали морю столько лет жизни, растерялись. Каждый стремился ухватиться за что-нибудь: за канат, за борт, за мачту. Многие лежали на палубе, держась за край открытого трюма, из которого неслись страшные, дикие вопли сбившихся в

Раскаты грома раздавались один за другим в темноте ночи, сливаясь с воем гибнущих в трюме рабов и страшным треском, который издавал корабль при каждом ударе огромных волн о борта.

Косса смотрел на волны, окатывающие корабль. «Наверно, все трюмы полны, – думал он. – Сколько людей утонет! И не только груз из ценных, отборных товаров будет смыт, сам корабль может пойти ко дну».

Надо было предпринять что-то для спасения корабля. Но кто сможет сейчас сдвинуться с места? Люди смотрели на небо, с которого продолжал с ужасающей силой низвергаться водопад.

Каждый подумал о рабах в трюме—они все захлебнутся.

Откуда-то послышался нежный голос:

– Балтазар!

Это была Яндра.

– Развяжи людей внизу, – умоляла она любовника. – Они утонут.

Косса угрюмо молчал, но сделал попытку подойти к ней поближе.

«Все кончено! – думал он. – Я потеряю все корабли. Ни одного не видно. . . Надо попытаться спасти хоть этот».

С большой осторожностью он двинулся по палубе, держась за канат. Громовые раскаты не утихали, ветер бушевал с еще большей силой. Беспрерывные вспышки молний превратили ночь в день. Крики и вопли в трюме затихали, это были уже глухие стоны и слабый плач. Те из рабов, что еще были живы, оплакивали умерших и свою судьбу.

– Ради бога, Балтазар! – Снова послышался умоляющий голос Яндры.

Вдруг опять дикие вопли вплелись в страш-

ный громовой раскат. Огромная, как гора, волна налетела на корабль с одного борта и перекатилась через другой, унося с собой около тридцати человек. Корабль трещал. Он то взмывал вверх на пенистом гребне волны, то падал в пропасть и, казалось, разламывался пополам.

Буря бушевала с еще большей силой, ветер порывами налетал на корабль, швырял из стороны в сторону переполненное водой судно.

Коссе удалось наконец добраться до Яндры.

– Балтазар! – взволнованно произнесла девушка. – Все рабы погибли, наверно!

– О чем ты говоришь, Яндра! – закричал Косса. – Корабль тонет! Не знаю, сумеем ли мы сами спастись!

Зловещий сухой треск, донесшийся из глубины корабля, заставил людей замереть.

– О! – испуганно воскликнул Косса. – Проблема!

Бешено kloкоча, с грохотом и свистом вода устремилась в брешь.

– Ах, горе нам! Мы погибли! – слышался жалобный возглас неподалеку от Коссы и Яндры.

Косса нахмурил брови.

– Опять ноешь, Гуиндаччо! Замолчи! Иди за мной!

Косса осторожно подобрался к борту, схватился за железные стойки, к которым была привязана лодка, вскарабкался выше, распутал веревки и спустил лодку на воду. При свете молнии он увидел, что помогает ему Ринери, а Гуиндаччо стоит в стороне на палубе.

– Вас и так двое, – оправдывался он перед Коссой. – Я вам не нужен. Что мне еще сделать?

– Помоги Яндре подойти сюда! – приказал Косса.

Вскоре девушка с помощью трех мужчин спустилась в лодку. Пираты спрыгнули за ней.

– Держитесь крепче! – обратился к спутникам Косса. Потом обернулся к кораблю и закричал:— Эй вы, бродяги, негодяи! Скорее в лодку!

Никто не отвечал.

– Неужели всех смыло?... Эй, босяки! Есть кто-нибудь живой?

Молчание. Только грохот волн. Четыре человека почувствовали, как дрожь пробежала у них

по телу.

Пенистые волны с силой прибивали лодку к кораблю.

– Ринери и ты, Гуиндаччо, возьмите каждый по веслу, – приказал Косса.

Он пересадил Яндру на корму, сам сел у руля. Втроем они старались оттолкнуть лодку от корабля. Лодку то возносило на вершину волны, то кидало вниз, и эти взлеты и падения ощущались гораздо сильнее, чем на корабле.

Гигант греб одной рукой, а другой не переставая крестился при каждой вспышке молнии, со страхом поглядывая на тонущий корабль.

Вдруг послышался страшный гул, перекрывший все остальные звуки. Шум воды, с воем ворвавшейся в разбитый корабль, достиг их ушей.

– Боже мой! – запричитал одноглазый гигант, дрожа всем телом и не переставая креститься. – Настал конец света! Спаси нас, господи, и я навсегда брошу это проклятое ремесло!

Волна подняла лодку на огромную высоту, а затем кинула ее в бездну, людей сбросило с мест, лодка чуть не перевернулась.

– Матерь божья, – взывал Гуиндаччо. – Спаси нас! И я стану священником!

Он повернулся к Коссе.

– Дорогой капитан, хороший мой капитан! Дай ты тоже обещание! И мы спасемся! И ты, Ринери, обещай стать священником. Только тогда бог поможет нам.

Косса вспомнил мать, ее беспокойство перед его уходом в это последнее плавание, ее постоянное желание сделать его священнослужителем. . . Ее мечтой было увидеть сына в сутане.

– Лишь бы мы не утонули, как щенки, а там я готов хоть диаконом стать, – ответил Косса.

* * *

Через сутки после страшной ночи, о которой мы рассказали, в тихое утро, когда солнце озаряло пышную природу, вдали от песчаного берега моря, высоко в горах, четыре человека спали в тени кустарника у какой-то пещеры в скале. Четыре человека: женщина и трое мужчин с измученными лицами, в разорванной, измятой и еще влаж-

ной одежде.

Читатель, верно, догадался уже, что это были наш герой, его любовница и двое его сподвижников—те, кому удалось уцелеть при гибели пиратского флота, когда затонули корабли, их экипажи и «пассажиры»—скованные цепями рабы. А вместе с ними и все награбленное добро.

Лодка с потерпевшими кораблекрушение целые сутки носилась по морю. Они были похожи на трупы, когда на утро второго дня сильный толчок вывел их из глубокого оцепенения—лодка села на мель у берега.

– Мы должны спрятаться где-нибудь, – сказал Косса. – Боюсь, что в этих местах нас знают по нашим старым делам. Вспомните, что мы сделали в Равелло и в Позитано. Надо дожидаться рассвета, узнать, где вы находимся, и соблюдать осторожность.

Как хотелось его спутникам остаться на песчаном берегу, лечь и выспаться! Но Косса был неумолим. И, несмотря на страшную усталость, они двинулись в горы, и только там, среди дубов и кустарника, заснули мертвым сном.

Вдруг Косса проснулся и вскочил на ноги. Рядом крепко спали его спутники. Нет, ему не показалось. Неподалеку слышалось позвякивание колокольчиков козьего стада, а рядом со спящими стоял какой-то человек и смотрел на них.

Наш герой не выдал своего волнения. Хитрец, он незаметно посмотрел направо, налево, чтобы определить местность, кинул взгляд на берег, на позолоченные солнцем крыши деревенских домиков, на городишки, тонувшие в зелени, на небо, на море. Затем с безразличным видом, хотя по телу у него пробежала дрожь, перевел взгляд на стадо и с деланным спокойствием обратился к пастуху:

– Хороший человек, продай мне ослика. Нам надо как можно скорее быть в Меркато, а жена не может идти.

Он вынул из-за пояса кошелек, достал из него цехин и протянул пастуху. Тот не выразил готовности взять его, и Косса достал еще цехин.

– Вот, даю за твоего дохлого осла два золотых цехина. . .

Косса тут же разбудил своих спутников, по-

мог Яндре сесть на осла, и все двинулись козьей тропой по направлению к Меркато.

– Знаете, куда мы попали? – заговорил Косса, когда они остались одни. – Куда выкинуло лодку? Рядом с Равелло и Амальфи. Туда, где полгода назад мы ограбили все деревни.

– О-ох! – простонал гигант. – Все пропало! Несдобровать нам! – И начал причитать и ругать себя.

– И чего ты вечно хнычешь, несчастный? – прикрикнул на него Косса. – Мы пойдем не туда, куда я сказал пастуху. Я нарочно сказал, что мы пойдем в Меркато. Мы пойдем в обратную сторону, в Ночеру. Слышишь ты, плачущая богоматерь?

– Дорогой мой капитан, не сердись на меня понапрасну, – сказал Гуиндаччо. – Я только добра хочу, хочу, чтобы ты был осторожнее.

Три дня пришлось потратить путникам, чтобы добраться до Ночеры. Они выбились из сил, так как на пути к Ночере встретили множество препятствия. Им приходилось лавировать между отрядами неаполитанских королевских войск, ко-

которые тоже двигались к Ночере или расположились на привал у дороги. В последний день пути Косса и его спутники нагнали группу крестьян, человек пятнадцать, которые следовали за войсками в Ночеру.

Видимо, нашему герою и его спутникам не суждено было войти в город свободными. До Ночеры оставалось не более получаса пути, когда вооруженные дубинками крестьяне неожиданно напали на Балтазара и Гуиндаччо. Напрасно Косса угрожающе размахивал стилетом. Их было слишком много. И все же трое крестьян получили удары стилетом, двое из них упали бездыханными. Но их оставалось еще достаточно! Один крестьянин дубинкой вышиб из рук Коссы стилет. Крестьяне схватили путников, связали и повели в Ночеру. Их доставили к крепостной башне и втолкнули всех четверых в камеру, где и одному-то человеку было тесновато.

– Мы прекрасно устроились! – иронически произнес вечный нытик Гуиндаччо. – И надо же было высадиться именно здесь! Другого места не нашлось, что ли?

– Замолчи ты плакса, мерзкий слизняк, архитрус! – Злобно закричал на него Косса, взбешенный постигшей их неудачей. – Тебя хлебом не корми, дай только понуть. Замолчи наконец, не раздражай меня, а то я тебя пристукну! Глупая ты цикада, безмозглый идиот, разве ночью мы видели, куда выбрасывает лодку? А се выбросило как нарочно туда, где всего лишь несколько месяцев назад мы грабили и убивали! Глупец, слюняй, замолчи лучше! Я так зол, что могу ненароком задушить тебя. . .

И вдруг его слова утонули в страшном грохоте. Стелы крепости содрогнулись.

– Боже мой, – произнес Гуиндаччо, молитвенно вздымая руки. – Ах! Не успел я выполнить своего обета!

Тяжелая рука Коссы опустилась на спину гиганта. Тот упал, треснувшись головой о мраморные плиты. Но тут за стенами крепости раздался новый удар, за ним второй, потом третий. . .

«Что происходит? – задумался Косса, забыв о повергнутом “драконе”. – Неужели стреляют по крепости? Но ведь город находится в глубине ко-

ролевства, и, насколько мне известно, войны сейчас нет. Что же это может быть?»

Он вспомнил о королевских войсках, направлявшихся к Ночере, которые они видели по пути, и снова спросил себя: «Что все это значит?»

Воин крепостной стражи, вооруженный копьем, появился в дверях вместе с надзирателем, который запер их в камеру. Надзиратель сделал знак Коссе следовать за ним.

Поднимаясь по лестнице, Косса с удивлением рассматривал богатое убранство крепостных помещений. Ему не приходилось до сих пор видеть такой роскоши. Но вот что-то заставило его вздрогнуть. Проходя мимо какой-то открытой двери, он увидел большую полупустую комнату и страшные предметы в ней: плети с узлами и без узлов, бурдюки с водой, веревки, логи, острые колья, щипцы, клинья, разные пилы, столы, на которые клали истязуемых, и другие предметы пыток.

Коссу привели в огромный зал, занимавший весь верхний этаж крепости. Оттуда открывался

вид на Ночеру.

Грохот не умолкал, удары по крепости не прекращались.

Косса старался разглядеть через окно, что происходит. Он увидел, что город окружен какими-то войсками. Люди стреляли из катапульта—орудий, которые обрушивали на здания огромные камни.

На какой-то миг Косса забыл о положении, в котором он находится, его занимала только одна мысль: что тут происходит? Это не королевские войска! Войско, окружившее город, было местным! Что нее творится? Кого обстреливают?

В глубине зала, в кресле, которое стояло на деревянном помосте высотой около полуметра и напоминало трон, сидел человек лет шестидесяти, с серьезным и строгим лицом. Человек этот устремил на Коссу пронизывающий взгляд, словно изучал его.

– Ты Косса? – коротко спросил он.

Балтазар обратил внимание па то, что все присутствующие опустили на колени. Лишь он один остался стоять, гордый и непреклонный.

– Грабитель Косса? – снова спросил человек.

– Пират, – поправил его Балтазар.

Новый удар по крепости сотряс ее стены. Два огромных камня, разбив окно, влетели в зал. Присутствующие испуганно вздрогнули, и только два человека—Косса и старик—не шелохнулись.

Наш герой сразу оценил обстановку и быстро обдумал план защиты.

– Я причинял зло неверным мусульманам и не раскаиваюсь в этом, – спокойно сказал он.

Один из стоящих па коленях людей тут же опроверг слова Коссы.

– Святейший, – почтительно склонив голову, произнес он, – этот грабитель перерезал множество людей в прибрежных городах и деревнях, в Позитано и Амальфи, в Равелло, а также на Менорке и Мальорке.

«Вот оно что! – подумал Косса. – Все ясно. Это папа! Что-то надо придумать!»

Он лицемерно склонился перед великим понтификом, преемником апостола Петра, заместителем бога на земле.

– Святой отец! – с наигранным страданием в

голосе произнес он. – Я по неведению совершил зло и готов вернуть людям все, что взял у них, все награбленное добро, заплатить им за каждого погибшего родственника. Если правда, что я, христианин, нанес вред другим христианам, смиренно прошу простить меня. И большей радости, большего счастья не желаю в этом суетном мире. Я хотел бы удалиться от всех дьявольских соблазнов. Я хотел бы стать монахом в монастыре... или священником в городе.

Гул пошел от перешептывания присутствующих. Всем было ясно, что раскаяние грабителя—одно лицемерие. Кто-то даже прервал Коссу и осмелился обратиться к папе:

– Святой отец...

Но он не успел договорить, так как новый залп до самого основания потряс крепость. Камни величиной с апельсин влетели в окна, перебив почти все стекла, и покатались к ногам святейшего, который надеялся, что толстые крепостные стены защитят его. Он сделал знак всем покинуть зал. Остались лишь два вооруженных до зубов стражника и Косса.

Странная, загадочная улыбка сверкнула в глазах святейшего, когда он перевел взгляд на Косу.

– Все, что ты сказал, – правда? – спросил он.

– Да, святой отец. Я дал богу этот обет несколько дней назад, когда во время шторма мои грешные корабли раскалывались, как ореховые скорлупки. Я поклялся тогда пойти в монахи или стать диаконом, если спасусь. Бог и Богоматерь смилостивились надо мной и спасли меня. Я ничего не хочу больше, как только выполнить свою клятву. Предоставьте нам эту возможность, святой отец. Не только мне, но и моим спутникам. Моя сестра и двое друзей вместе со мной каялись и давали такое же обещание. Дайте нам возможность спасти наши души, святой отец, помогите стать монахами или священниками, чтобы в чистой, достойной умиления жизни, которую мы будем вести, осознать всю глубину нашего морального падения, всю греховность нашей прежней жизни.

Святейший с трудом удерживал на губах загадочную улыбку.

– Твое желание будет исполнено. И желание твоих спутников—тоже. Но...

Косса насторожился. «Проклятье... Что готовит этот хитрец? Что он задумал?»

– Я хочу попросить тебя кое о чем до того, как надену на тебя сутану. Помоги мне. Все должны поддерживать главу христианства в борьбе с врагами. Христиане обязаны помогать мне в борьбе с изменниками, которые осмеливаются не только предъявлять разные обвинения мне, но и подло выступают против церкви вообще.

На душе у Коссы стало спокойнее.

– Я готов, святой отец, – произнес он.

Спустившись через некоторое время в камеру, он в первую очередь дал пощечину гиганту, которого увидел плачущим.

– Получай в последний раз! А то через несколько дней я буду ниже тебя. Ты будешь священником, а я диаконом... А теперь все выходите из камеры, вы свободны...—И показал друзьям кошелек, полный золотых неаполитанских реалов.

Что же произошло? О чем просил его папа и

на что Косса дал согласие? Кто был этот папа и какие он испытывал затруднения? С чем он вел борьбу?

Чтобы читателям стала ясна обстановка, в которую попал Косса, нам нужно коротко рассказать о тогдашнем главе христианства, великом понтифике, и о том, почему ему понадобилась помощь Коссы.

Речь идет о папе Урбане VI, то есть о первом папе, обосновавшемся в Италии после пресловутого «вавилонского пленения пан», почти столетнего периода, когда папы покинули Рим и обосновались в Авиньоне—провинциальном французском городе, откуда и управляли церковью.⁷

⁷Там, в Авиньоне, городе, купленном папством у Франции, папы, располагавшие огромным богатством, пользовались всеми наслаждениями и удовольствиями жизни. Они жили в великолепном дворце, построенном предшествующими папами-французами, соответственно «панскому величию» (скромные апостолы!). Крупнейшие мыслители того времени осуждали пап, скрывавшихся в Авиньоне. Особенно Петрарка, который долго жил при папском дворе и хорошо был осведомлен обо всем происходившем там. Он говорил, что «лю-

Седьмого апреля 1378 года, впервые после семидесятишестилетнего перерыва, конклав собрался в Ватикане, чтобы избрать нового папу.

бой папа, живущий в Авиньоне, уже не папа» [80]. Петрарка в одном из своих произведений сравнивает этот папский город с Вавилоном, о котором пишет Иоанн в своем «Апокалипсисе». Папы, конечно, и не помышляли о том, чтобы покинуть это прекрасное место, не собирались оставлять спокойную жизнь и возвращаться в Рим, в этот «отсталый» город, где их опять ожидали столкновения со своенравной и непокорной толпой. Но все-таки Екатерине Сиенской, известной своей святостью женщине, удалось заманить Григория XI в Рим. Эта молодая женщина, заставившая папу совершить путешествие из Авиньона в Рим, была популярна потому, что, по мнению народа, на нее «снизошла благодать». Папа Григорий не думал надолго оставаться в Риме, казавшемся деревней в сравнении с Авиньоном. Он ненавидел простонародье, боялся римлян. Григорий собирался вернуться в прекрасный Авиньон, но так и умер, не осуществив своего намерения. Согласно обычаю, кардиналы должны были собраться в том самом месте, где великий понтифик отдал богу душу, чтобы избрать ему преемника.

Кардиналов-итальянцев было только четверо. Все остальные были французы, жаждавшие возвратиться в Авиньон и опять жить там в свое удовольствие. Но перед дворцом, где заседал конклав, собрался почти весь Рим. Предполагается, что там было около 20 000 человек— количество по тем временам огромное. Люди шумели, кричали, стучали в двери и стены (врожденная экспансивность итальянцев), взывая к укrywшимся г.о дворце кардиналам.

– Римлянина, римлянина, хотим римлянина... или хотя бы просто итальянца, если уж вы не можете избрать римлянина [52]!

Хотя в большинстве своем кардиналы были французами, единства между ними не существовало. Кардиналы из Южной Франции хотели избрать своего представителя. Северяне им противодействовали. И чтобы победить южан, они вступили в сговор с четырьмя кардиналами-итальянцами и решили избрать временно на папский престол итальянца, архиепископа Бари, Бартоломея Приньяно.

Это и был папа, с которым встретился наш

герой в Ночере.

Однако обнародовать результаты выборов кардиналы не осмелились, потому что в день 8 апреля требования римлян стали еще более конкретными.

С улицы неслись возгласы:

– Папа должен быть римлянином! Если этого не будет, мы перебьем всех вас [52, 72, 89]!

Как поступить, чтобы успокоить толпу и не пострадать самим?

Папское облачение силой надели на одного из кардиналов, римлянина (он противился этому, так как боялся, что обман раскроется и толпа расправится с ним), и отворили дворцовые двери перед народом Рима, чтобы люди могли увидеть «избранного папу-римлянина».

– Папа не я! Выбрали не меня! – кричал бледный от страха кардинал Теомбалдески.

Но (к счастью его и Других кардиналов) никто в этой суматохе и шуме не слышал его протеста, так как кардиналы приветственными выкриками и рукоплесканиями заглушали голос кардинала Теомбалдески. И два часа, пока толпа нахо-

дилась во дворце, страдал ни в чем не повинный человек [80].

Летопись одной из церквей в Меце (Лотарингия) рассказывает, что кардиналы, до того как выбрать Бартоломея Приньяно, договорились с ним, что через несколько дней вновь избранный папа отречется от престола. В награду ему обещали кардинальский сан (он был архиепископом). Папой же они намеревались сделать француза, кардинала из Женевы [22]. Но чтобы спастись от гнева римлян в случае, если обман обнаружится, кардиналы попрятались в крепостях и замках Рима и показали только тогда, когда страсти улеглись.

Убедившись, что в городе воцарилось спокойствие, кардиналы произвели церемонию возведения на престол архиепископа Бартоломея, который принял имя Урбана VI.

Очень скоро кардиналы увидели, что ошиблись, избрав его папой, хотя бы и на время.

Урбан VI был человеком властным, строгим церковником, твердым в выполнении своих решений.

Так, он решил остаться в Италии, тогда как кардиналы горели желанием вернуться во Францию. Кроме того, они узнали, что папа намеревается запретить симонию (а она приносила кардиналам огромные богатства).

Урбан VI видел, что вся святая коллегия настроена против него, и, чтобы обеспечить себе безопасность, удостоил кардинальского звания многих преданных архиепископов.

Урбан VI был очень невоздержан на язык и однажды публично назвал кардинала Орсини, знатного римлянина, дураком.

Через некоторое время кардиналы собрались в местечке Анани. Избрание папы было там провозглашено незаконным, как совершенное под давлением римлян. К Урбану направили посланцев, которые должны были передать ему следующее: «Мы согласны, чтобы ты продолжал управлять церковью. Но мы решили дать тебе опекуна, он поможет тебе держаться па посту, занимать который твоя грубость и сама твоя природа тебе не позволяют».

Архиепископ Фома Ачеррский говорит об

этом в своем произведении «Об избрании папой Урбана VI» [75].

Кардиналы наняли гасконские, английские и иаваррские войска и послали их против сторонников папы. Началась страшная резня по всей Италии. Восставшие жители Рима убивали всех иностранцев, считая их ставленниками кардиналов.

Папа Урбан VI осуществил свой план: он назначил двадцать девять новых кардиналов. Мятежные кардиналы—испанец, несколько итальянцев и французы—собрали конклав, объявили Урбана самозванцем, предали его анафеме и избрали папой Роберта Женевского, пресловутого бандита и убийцу, который, будучи еще папским легатом, вырезал все население Чезены [76].

Так в Европе стало два папы. Урбана признавали большинство государств Италии и Германии, Англия, Венгрия и Польша. Другой папа признавался Францией, Шотландией, Неаполитанским королевством, Савойей и Испанией.

В последующий год оба папы поочередно проклинали друг друга. Каждый старался рассказать

во всеуслышание о грязных и скандальных делах другого. Повсеместно происходили странные вещи: в каждом епископате было два епископа—один назначенный одним папой, другой—другим; в каждом монастыре—два настоятеля; на каждом доходном церковном посту—два высокопоставленных лица. Особенно удивительным было то, что ни один из них не был порядочным человеком. Низкими и распущенными были люди, назначенные папой Климентом VII (бывшим кардиналом Робертом Женевским, который имел резиденцию в Авиньоне), и трижды ничтожнейшими и мерзкими были ставленники Урбана VI, прибывавшие на места из Рима [66].

«Оба папских двора достигли последней степени разложения, — пишет один церковный историк. — Разложение было настолько очевидным, что даже оба папы это поняли. И решили, что единственным средством для них избежать позора—это не сдаваться. Все самые гнусные и страшные формы тирании, все самые отвратительные и недостойные способы ее проявления использовались обоими папами—ложь, ко-

варство, вероломство. Народ потерял уважение к духовенству, оно перестало оказывать на него влияние» [87].

«В этой страшной борьбе, – пишет биограф Климента VII, – людям угрожала потеря не только тела, но и души». Каждая из сторон, добившись временного превосходства, жестоко расправлялась с противником—людей сжигали, отрубали им головы, уничтожали любыми средствами. Вся Папская область—окрестности Рима и графство Анкона—стала огромным полем сражения и взаимного истребления. Войска враждующих пап грабили церкви и монастыри противной стороны, а затем разрушали или сжигали их. Только в разговоре было, что о грабежах, насилии, убийствах, чинимых сторонниками каждого из пап. Повсюду царили страх и смута.

Вызывает удивление то, что многие достойные уважения лица, люди честные и добропорядочные, поддерживали того или другого папу и фанатично служили ему. Так же поступали и люди, признанные тогда «святыми».

Сторонниками Климента VII, противника Ур-

бана VI, были блаженный Петр Люксембургский и святой Викентий (Ферье). Клименту и его наследнику так же преданно служила и «святая» Кодетта, которую за это после ее смерти почти сто лет не признавали «святой» и канонизировали лишь при папе Пии VI.

Имел сторонником среди «снятых» и Урбан VI. Это были Петр Арагонский и Екатерина Сиенская. Эта «святая», о которой мы уже упоминали (она организовала возвращение папы Григория из Франции в Италию), горячо поддерживала Урбана VI, папу, с которым наш герой встретился в Ночере. Она во всеуслышание заявляла, что кардиналы, которые выбрали Роберта, не люди, а дьяволы во плоти. И будоражила этими словами народ [16].

Екатерина Сиенская встретила с Урбаном VI и посоветовала ему объявить крестовый поход против «псевдопапы», «папы-антихриста».

Урбан VI внял совету «святой» и объявил крестовый поход против Климента VII и его сторонников, против всех тех, кто помогал Клименту спастись от гнева и мести «действитель-

ного папы» и верил в законность его избрания. Каждый восторженный и верный сторонник «действительного папы» мог получить в награду индульгенцию—торжественное отпущение грехов церковью от имени папы, любых грехов или даже преступлений, совершенных человеком в прошлом.

В одной из булл от 1378 года Урбана VI говорится: «Жестокий и губительный недуг переживает церковь, потому что еособственные сыны разрывают ей грудь змеиными зубами».

Война разгоралась. Так как неаполитанская королева Иоанна присоединилась к антипапе, Урбан VI провозгласил ей анафему и низложение. В 1380 году папа усилил проклятия и угрозы. В булле от 21 апреля Урбан назвал королеву «дочерью несправедливости и греха» (а прежде он был ее верным подданным и даже восхвалял ее). Он объявил ее также раскольницей, еретичкой, ответственной за заговор против пего, соучастницей преступного оскорбления его почтенной персоны. Он забрал у нее королевство, все ее состояние и имущество, «так как она, – объявил

папский указ, — покрыла себя позором, пошла на страшные преступления и подлость». Отобрав у Иоанны королевство, он объявил ее подданных свободными от присяги подчиняться ей. «Запрещаю каждому, — говорилось в булле, — подчиняться правительнице, так непристойно себя ведущей. Тот, кто будет платить ей налог, будет проклят, и его постигнет та же участь, что и эту недостойную женщину» [74].

Низвергнуть какого-либо правителя—дело не легкое, для Этого нужно войско. Урбану необходим был правитель, который пошел бы войной на Иоанну. Найти такого папе Урбану помогла «святая» Екатерина Сиенская. Она поехала в Венгрию и убедила венгерского короля оставить на время турков (которые угрожали безопасности его страны) и двинуться с войсками в Италию, чтобы нанести удар по христианской королеве, объявленной папой вне закона. Король Венгрии был стар. Но он отправил во главе войска своего племянника Карла Дураццо. Деньги на этот «крестовый поход» дал папа. Он получил их от распродажи имущества, принадлежавшего церк-

ви, и больших налогов на духовенство.

Он продавал самые ценные вещи: чаши для причастия, подносы, кресты и изображения святых. Все золото, которое было в церквях, он перелил в монеты. Деньги эти были разделены им на две части. Одну часть он взял себе на «жизнь», другую преподнес Карлу Дураццо, выступившему против Иоанны.

Им посчастливилось. Победили папа Урбан и Карл Дураццо. Сначала был захвачен в плен муж королевы, а потом и она сама попала в руки противника.

Урбан VI бросил ее в тюрьму и приказал задушить. Так и сделали. А неаполитанским королем был провозглашен Карл Дураццо.

Взаимопонимание и хорошие отношения между королем и папой продолжались очень недолго. Папа Урбан VI после достигнутого успеха решил, что он как соучастник, который так помог Карлу, имеет право на свою долю трофеев. Он задумал выдвинуть своего племянника Франческо Приньяно. Это выдвижение предполагалось осуществить за счет Карла. Приньяно

должен был стать герцогом Капуи и Амальфи, маркизом Ночеры и так далее. Урбан заставил всех своих кардиналов отправиться вместе с ним в Неаполь. Новоиспеченный король, переодетый в платье диакона, пешком встретил его, взял за повод лошадь папы и повел по городу.

– Я сделал тебя королем, – начал Урбан, когда они прибыли во дворец и остались одни. – А теперь ты сделай моего племянника вельможей в твоём королевстве. Уступи ему Капую, Амальфи, Ночеру и еще два-три города.

Карл побледнел.

– Если я отдам все это, что же мне останется? – спросил он.

– Отдашь или нет?

– Я не могу разобщать королевство.

– В таком случае я совсем отстраню тебя [74]!

Племянник папы Урбана VI, пресловутый Приньяно, по свидетельству летописца-современника, был человеком пустым и ленивым, занятым только развлечениями, кутежами и распутством.

Удобно устроившись во дворце Карла, он вы-

крал монахиню из монастыря святой Клары и привел ее к себе.

– Святой отец! – запротестовал Карл. – Что же это вытворяет ваш племянник?

– А-а! – понимающе произнес папа. – Ну, он еще молод, ему трудно сдерживать свои страсти! – оправдывал он племянника [78].

Итак, смягчающим обстоятельством для человека, который не может сдерживать своих порывов и крадет женщин, служит молодость! Но, как сообщает современник Приньяно Дитрих фон Ним, племяннику папы в то время было сорок лет!

Итак, Урбан VI прочно обосновался в Неаполитанском королевстве, и до Карла дошли возмущившие его слухи, что папа, живя в Ночере, оговаривается не только с его противниками, но и со врагами.

Карл направил папе письмо с предложением поселиться в Неаполе, где жил он сам. Так ему удобнее было бы следить за действиями папы.

«Ты слишком зазнался, – ответил ему папа. – Это ты должен приехать ко мне и пасть мне в

ноги, если хочешь говорить со мной».

Урбан начал поносить короля, убежденный, что этим он завоюет симпатию народа.

«Ты слишком большими налогами облагаешь бедный, несчастный народ, который и так терпит достаточно лишений. Надо уменьшить налоги».

Этим демагогическим письмом Урбан VI хотел убедить народ в том, что он проявляет заботу о его судьбе.

«Не ты будешь устанавливать, увеличивать или не увеличивать налоги в моем королевстве. Советую тебе не вмешиваться в дела, которые касаются только меня. Ты можешь как угодно распоряжаться только своими церковниками», — ответил Карл.

После этого письма Урбан VI порвал всякие отношения с королем. (Как раз в это время Косса и отправился в свое последнее плавание.)

Но папа Урбан VI видел, что большинство его кардиналов продолжают поддерживать дружественные связи с Карлом и сочувствуют ему.

Чтобы быть абсолютно спокойным и уверен-

ным в том, что его окружают только преданные люди, Урбан приказал арестовать шесть самых уважаемых и образованных кардиналов, членов святой коллегии, и Заточить их в подземелье Замка в Ночере. Предварительно же он подговорил одного из своих приближенных выступить с обвинением кардиналов в заговоре против паны.

В обвинительном акте говорилось, что кардиналы эти «собирались предъявить папе фальсифицированные лживые обвинения, на основе этих обвинений арестовать его, судить, объявить еретиком и низложить» [76].

Дитрих фон Ним, современник и очевидец этих событий (он был секретарем папы), пишет, что Урбан VI затеял этот процесс, чтобы избавиться от наиболее влиятельных кардиналов.

В «Летописи Реджо» указывается, что, кроме кардиналов, папа арестовал также и других иерархов церкви, архиепископов и епископов, и подверг их пыткам, чтобы они «признали свою вину». Неаполитанский король Карл, бывший компаньон и помощник Урбана VI в борьбе с королевой Иоанной, также был предан анафеме.

Прокляты были и жена Карла, королева Маргарита, и их дети «до четвертого колена».

Чтобы обновить святую коллегия, на смену кардиналам, подозреваемым в сочувствии Карлу и брошенным в тюрьму, где под пытками они должны были признать себя виновными, Урбан назначил новых. Все они были неаполитанцы, все противники короля Карла, все взяточники и распутники. Секретарь канцелярии папы Урбана Дитрих фон Ним хорошо знал, что происходит в городе, в частности, был осведомлен и о распутстве кардиналов. Ему часто приходилось слышать, как знатные дамы Неаполя, затевая какое-нибудь увеселение, говорили: «Надо обязательно пригласить наших милых кардиналов. . . »

На следующий день, после разговора с папой, наш герой собрал папское войско, подбодрил людей и, неожиданно выступив, захватил у противника одиннадцать катапульта. Он преследовал неприятеля почти до самого побережья. После боя он направился в папский дворец, так как ему передали, что Урбан хочет его видеть.

Папа пристально посмотрел в глаза Коссе.

– Ты говорил, что знаком с теологией. Это правда?

– Я не говорил, что знаком с теологией, я сказал, что я теолог, – твердо заявил Косса, – теолог и даже знаю каноны. Я пять лет учился в Болонье и шел первым. Случай заставил меня прервать учение, я не получил диплома, но Это ничего не значит. В дискуссии я одержу верх над любым теологом.

Глаза Урбана сверкнули.

– Послушай, – обратился он к Коссе, – Карл Дураццо из моих рук получил трон королевы Иоанны, а теперь, неблагодарный, воюет против меня. Он стал открытым врагом церкви. Мало того, что он послал на меня войско, он словно сатана пытается овладеть душами некоторых особенно развращенных кардиналов, подкапывается и под мой престол. У меня на подозрении многие кардиналы и епископы. Теперь, когда войска Карла больше не беспокоят меня, я поручаю тебе следствие над ними.

Пиратские корабли

– Где они находятся? – спросил Косса.

– В крепости есть подземелье. Я приказал бросить их туда. Сразу же после твоего посвящения в сан ты начнешь следствие. При этом будет присутствовать мой племянник. Буду иногда приходить и я сам.

Источники не указывают имени человека, которому Урбан VI поручил следствие над кардиналами. В них говорится только, что «следствие. . .

понтифик поручил бывшему пирату, ставшему священнослужителем».

Все летописцы единодушно говорят о папе Урбане VI только плохое. Его называют «отцеубийцей», пьяницей, кровожадным зверем, способным на любое злодеяние. Современные исследователи католицизма называют этого папу тираном и насильником [74].

Католический архиепископ Бондрияр называет его сумасшедшим, а аббат Мурре утверждает, что папа Урбан VI был маньяком.

Одна из летописей рассказывает, что пытки, которым Урбан подвергал арестованных епископов и кардиналов, были настолько мучительны, что некоторые умерли от них, а те, кто остался в живых, превратились в калек с перебитыми костями.

Дитрих фон Ним, как секретарь паны лучше других знавший обо всем, что происходило в те годы, рассказывает страшные подробности о пытках над епископами и кардиналами, о бесчеловечности папы Урбана VI. Фон Ним подчеркивает, что все описанное им он видел собственными

ми глазами, так как присутствовал на допросах и записывал показания истязуемых.

Фон Ним рассказывает далее, что закованных в цепи священнослужителей из подземелья доставляли в камеру пыток, где сидел следователь (наш герой), который усердно выполнял свои обязанности и ежедневными пытками старался вырвать «признание». Часто при этом присутствовал Урбан и его племянник.

Урбан VI сам давал Коссе указания, как вести следствие.

– Ты не должен предъявлять им прямых обвинений. Ты должен только спрашивать: «Что ты сделал? Почему тебя арестовали?» Они, конечно, не будут отвечать, и тогда ты будешь переводить их в камеру пыток.

Балтазар Косса и его друзья Ринери Гуинджи и Гуиндаччо Буонакорсо, теперь уже священники, начали это черное дело. Станным кажется, что именно этим вновь испеченным священникам, со шрамами па руках, на шеях и на лицах, было поручено вести следствие над представителями высшего духовенства. Они не были

судьями. Они преследовали одну только цель—добиться «признания» от подозреваемых в заговоре. Наибольший эффект производила внешность Гуиндаччо. этого уродливого и грубого великана, рябого, криворотого и хромого, с ярко блестящим одиноким вытаращенным глазом, выступавшего в роли священника и следователя. Подобрал сутану, он величественно восседал за следовательским столом, а потом за столом в камере пыток.

Мы пожалеем наших читателей и не будем описывать все виды мучительных пыток, которым подвергались в большинстве больные и старые священнослужители. Заметим только, что единственным из трех следователей, способным сочувствовать арестованному, оказался гигант.

Пытки были настолько ужасны, что епископ Акуилы не выдержал.

— Остановитесь! — закричал он. — Скажите, чего вы добиваетесь от меня? Я признаю свою вину. Перестаньте мучить меня, пусть лучше я умру [78]!

За епископами начали одного за другим из-

бивать и пытаться кардиналов. Палачи продолжали свое гнусное дело до тех пор, пока люди не потеряли сознание [74].

Косса невозмутимо вытягивал «признания». Он вспомнил, как святая инквизиция допрашивала его в подобной камере, и это воспоминание помогало ему сохранять хладнокровие. Но он видел, что оба его помощника, и особенно колосс в сутане, жалеют истязуемых. Одинокий глаз Буонакорсо блестел от готовых пролиться слез. Племянник папы, «правитель» Капуи, Амальфи и Ночеры, присутствовавший при пытках, заметил однажды такую чувствительность великана и начал издевательски хохотать над ним на глазах пытаемого корифея церкви. Урбан VI, который в саду, под окном камеры пыток, громко распевал псалмы (его голос переплетался с дикими криками пытаемого кардинала), удивился веселому смеху племянника и пришел посмотреть, что происходит. Он увидел, что гигант, недавно произведенный им в священники, которому он доверил такое серьезное дело, сидит согнувшись и почти плачет от жалости.

Урбан VI рассвирепел, кровь ударила ему в голову. Он метнул яростный взгляд на расчувствовавшегося Гуиндаччо и закричал:

. – Посмотрите на этого человека! И ему я поручил вести следствие! Что ты как баба распустил нюни!

«Самое незначительное проявление сочувствия жертвам во время пыток, – писал секретарь папской канцелярии, – вызывало ярость у папы, часто присутствовавшего при этих нечеловеческих сценах; тот, кто не мог скрыть свою слабость, беспощадно наказывался. Лицо папы наливалось кровью, он начинал кричать скрипучим, прерывающимся голосом. Однажды он чуть не прогнал двух “следователей”, когда заметил, что они не могут спокойно выносить зрелища пыток.

– Убирайтесь вон! – орал он. – Вы бабы, плаксивые бабы, мне не нужны такие! Убирайтесь сейчас же! А то я прикажу вас высечь!

Этими словами он хотел дать понять всем, а особенно одному из пиратов, «главному следователю», что порученное ему дело надо выполнять

с еще большей жестокостью» [78].

Косса старался успокоить Урбана VI.

– Вы неправильно поняли их, святой отец, – твердо произнес он, обращаясь к папе. – Эти двое были достаточно жестокими в своем прежнем ремесле. Вас, наверно, обманывает блестящий глаз этого громилы. Он и меня обманул когда-то, святой отец.

Урбан VI ушел, и громкое пение псалмов снова стало аккомпанементом к страшным крикам. Он проделывал это систематически, нарочно, чтобы следователи чувствовали постоянно его присутствие и не приостанавливали пыток.

Но ничто не помогало, Кардиналы и епископы не признавали своей вины. Правда, кардинал сангроский не выдержал истязаний и подал знак, что будет говорить («Наконец-то признание!» — подумал наш герой), но сказал совсем не то, чего от него ожидали.

– Я действительно участник преступления. Я тяжко согрешил. Но согрешил не против папы, а во имя него, я хотел помочь Урбану VI. Будучи папским легатом, я пытал архиепископов, епи-

скопов и других корифеев церкви, своих коллег, не имея на это права, чтобы только поддержать своего теперешнего истязателя [87].

– Оставьте его, – приказал Косса. – Приведите кардинала венецианского.

Кардинал Венеции был самым больным из всех кардиналов, он подвергся наиболее зверским и жестоким пыткам. Его держали в камере около четырех часов, применяя самые разнообразные средства, потому что из сада непрерывно слышались аккомпанирующие молитвы папы.

«Урбан распевал псалмы не переставая, – пишет секретарь папской канцелярии, – а его племянник смеялся и острил, наслаждаясь этим диким зрелищем.

Урбан VI не понижал голоса, чтобы находившиеся в камере пыток «следователи» слышали его и не сбавляли усердия в своем страшном деле, зная, что папа рядом и следит за ними.

Однажды я не выдержал, – добавляет Дитрих фон Ним, – я был не в силах больше выносить этого зрелища, притворился, что неожиданно почувствовал себя плохо, и вышел из камеры пы-

ток» [10, 74, 78].

Весь мир знал о делах, происходивших в папской крепости в Ночере. Весь народ сочувствовал жертвам пыток. Король Карл, которого возмущали интриги и злодеяния Урбана VI в его владениях, всеми силами старался изгнать его. Раньше это ему не удалось сделать из-за малочисленности войска, которое он имел в своем распоряжении. Теперь же он собрал большие силы и направился к Ночере, чтобы вышвырнуть наконец папу из королевства. Многотысячное войско во главе с королем подошло к стенам Ночеры с твердым намерением не церемониться с папой.

– На этот раз дело будет трудным, святой отец, – откровенно заявил Косса Урбану VI.

«Король обстреливал папу из катапульт, словно он не глава христианской церкви, а какой-нибудь турок», – сказано в «Неаполитанской летописи».

А Дитрих фон Ним пишет: «Папа Урбан VI, чтобы хоть как-нибудь отомстить Карлу, три-четыре раза в день появлялся у окна замка со свечой в одной руке и колокольчиком в другой

и громким голосом, торжественно во всеуслышание посылал анафему королю и его войску. Потом направлялся в камеру пыток и приказывал палачам с еще большей жестокостью “делать свое дело” [78].

«Все это хорошо. Но что с нами станет через неделю, когда у нас не будет ни оружия, ни еды? . . . »—думал наш герой.

И снова Косса оказал папе услугу, особенно ценную при создавшихся обстоятельствах. В тяжелый момент, когда папе угрожала опасность попасть в плен к своему самому беспощадному врагу—унижение и позор непоправимые, — Косса ускользнул из Ночеры, чтобы встретиться с Раймондо дель Балчо, графом Нолы, Тамазо Сан-Северино и Пьетро Тартеро, настоятелем монастыря в Монте-Кассино. Все трое претендовали на трон короля Карла. Собрав войско, они направились с Коссой на помощь папе.

В первую очередь папу перевезли из Ночеры в Салерно. Косса и его друзья последовали за ним.

Карл не препятствовал их бегству. Он хотел

только одного: чтобы интриган папа навсегда покинул его королевство.

Д. Кольер. Папа Урбан VI

Но Урбан VI, увидев корабли, которые ожидали их в Салерно и на которых они должны были отправиться дальше, испугался.

– Чьи это корабли?

– Гаспара Коссы.

– О! – ужаснулся Урбан VI. – Знаю я этого «адмирала», он служит Провансу. Он захватит меня в плен и передаст палачу антипапе!

Действительно, «архипират», брат нашего героя, оказывал услуги правителю Прованса. Урбан VI невозможно было уговорить. Как ни старался Балтазар убедить его, что ручается за своего брата, Урбан так и не решился плыть на корабле Гаспара. Пришлось отправиться по суше в Беневенто, а оттуда в местечко, расположенное между Барлеттой и Трани на берегу Адриатического моря [104].

Как же чувствовали себя кардиналы и другие высокопоставленные священнослужители, жертвы папы Урбана VI, которых он, убегая, захватил с собой?

Епископ Акуилы, от пыток ставший похожим на труп с вывернутыми суставами рук и ног, не мог двигаться сам. Его посадили на лошадь, но и на ней он с трудом удерживался.

Урбан VI то и дело оборачивался и смотрел

на отстававшего епископа.

– Этот дьявол еле тащится. Ему хочется, чтобы нас схватили, – сказал он Коссе, ехавшему рядом.'

Папа, взбешенный тем, что епископ становится помехой в пути, зловеще улыбнулся Коссе, ловко сидевшему в седле, несмотря па сутану.

– Сын мой! Надо избавиться от этого дьявола, он стремится погубить меня.

Балтазар вынул саблю, скрытую под сутаной, замахнулся и с силой опустил ее на голову епископа.

«Хорошая смерть, – подумал Косса. – Он и почувствовать ничего не успел!»

Дикий взгляд Урбана VI говорил, что он еще не удовлетворен.

– Оставьте его на дороге! – закричал он на людей, которые окружили труп и пытались поднять его. – Бросьте на дороге, пусть его жрут вороны.

Описывая этот случай, секретарь папы говорит: «Я не слышал, чтобы какой-нибудь другой глава церкви совершал такие противозаконные

убийства—сам или чужими руками» [78].

Генуэзский корабль, на котором Урбан VI (и наш герой) направлялся в Геную, сделал остановку в Пизе. Папу встретил там Пьетро Гамбакорти, правитель города.

Слухи о пытках над кардиналами дошли и сюда, и он обратился к папе с просьбой оказать хоть какое-то снисхождение духовным лицам.

Урбан VI рассвирепел. Он приказал доставить к себе свои жертвы, заставил Коссу снова предъявить им обвинение в том, что они «заговорщики», «отцеубийцы» (они же намеревались отравить «отца»—папу!), нераскаивающиеся интриганы, превосходящие своими кознями самого сатану.

— Что вы можете сказать в свое оправдание? — спросил Косса.

— Мы невиновны! — последовал еле слышный ответ. — Мы ничего не сделали против святейшего.

Тяжелое состояние арестованных не волновало Урбана VI, хотя все они напоминали скелеты, обтянутые кожей, и даже те, кому не вывихнули

рук и ног, не могли шевельнуться, превратились в совершенных инвалидов.

– Уведите их на корабль! – приказал папа.

В Генуе дож передал папе письмо от английского короля.

«Кардинал Истона—мой подданный, – писал король Ричард. – Если он действительно думал отравить тебя, если ты боишься за свою жизнь— удали его. Отправь его ко мне. Я сам буду присматривать за ним. . . »

Урбан VI и слышать не хотел об этом. Но дочитал письмо до конца.

«Если же ты не пришлешь кардинала ко мне, – продолжал Ричард, – значит, ты со мной не считаешься. А это заставит меня задуматься, не является ли законным папой Климент VII (второй папа), а не ты».

Урбан VI возмутился, но приказал освободить английского кардинала, чтоб не потерять из-за него влияние в Англии. Но из-за этого пяти оставшимся под арестом кардиналам досталось еще больше. Урбан VI не отпускал их, несмотря на все просьбы, старания, увещевания и пред-

ложения знатных людей Генуи, где папа был гостем, освободить истерзанных людей.

Косса продолжал ежедневно ходить в тюрьму и по-прежнему, согласно указаниям папы, вел «допросы».

Но вот однажды утром папу взбесило известие о том, что два его «министра»: кардинал Равенны и кардинал Пьетра-Молло—исчезли.

Урбан в ярости кусал губы.

– О волки! – кричал он. – О лисы! Это, наверно, они подстрекали генуэзцев требовать освобождения арестованных!

Вскоре пришли новые вести: оба кардинала, его вчерашние «министры», бежали во Францию к папе Клименту VII в Авиньон. Бежали, чтобы поддержать его противника!

Урбана VI чуть не хватил паралич.

– И этих змей я столько лет пригревал на еврей груди! – кричал он.

Напрасно генуэзцы продолжали упрашивать его отпустить пятерых ставших калеками кардиналов и четырех епископов.

– Балтазар, – ежедневно напоминал он наше-

му герою, – будь начеку! Они из кожи вон лезут, чтобы вырвать их у меня. В любую ночь они могут натворить что угодно!

– Не бойтесь, святой отец.

Как-то ночью была совершена попытка освободить кардиналов, но Косса не спал и предупредил бегство, убив в схватке двух человек.

– Не беспокойтесь, святой отец, – говорил он наутро папе. – Никому не удастся выкрасть их.

И действительно, повторные попытки генуэзцев освободить арестованных не увенчались успехом.

Но и жизнь Урбана VI в этом городе стала невыносимой.

Позвав однажды нашего героя, папа сказал:

– Косса, я уеду. Генуэзцы не дают мне ни минуты покоя своей чувствительностью. Найди два-три корабля с верными капитанами и незаметно ночью переправь па них и заговорщиков.

Де Потте отмечает, что некоторые летописи рассказывают, будто пять кардиналов и четыре епископа—жертвы папы, которых он настойчиво таскал за собой, – оказались зарезанными

или задушенными в генуэзской тюрьме. Но это необоснованное утверждение.

Когда Урбан VI, вынужденный покинуть город дожей, сел на корабль, пять кардиналов и четыре епископа были живы и заботливо доставлены Коссой туда же.

Урбан VI захотел лично убедиться, что их привели. Ему показали арестованных. Тогда он приказал:

– Возьмите девять крепких мешков, посадите в них кардиналов и епископов, а мешки завяжите хорошенько. А когда мы отплывем подальше, где-нибудь в глубоком месте сбросьте их в море.

И когда корабль удалился от Генуи, девять мешков были сброшены за борт. Это кажется невероятным, но таков был конец кардиналов и епископов Урбана VI [74, 78, 89].

Урбан VI в сопровождении нашего героя добрался до Лукки. Здесь ему пришлось задержаться. Дальше двигаться было нельзя. Все Неаполитанское королевство было охвачено волнением. Приверженцы папы, знатные вельможи, те же, которые помогли папе покинуть Ночеру, подняли

восстание против Карла. Королю удалось ненадолго одержать верх, но вскоре он был убит.

Страсти разгорелись с новой силой. Король умер, но осталась королева, молодая вдова, единомышленница покойного. Что делать с ней? Послать ей анафему! Так и сделали. Папа лично направил королеве проклятие, длинное и напыщенное. Этим проклятием Урбан VI разделался не только с королевой. Он нанес удар и по ее сыну, наследнику покойного короля, а также по другим членам семьи своего врага.

Даже мертвому королю Урбан VI не переставал мстить!

Все венценосцы должны были дрожать перед «наследником святого Петра».

– Собака, – говорил Урбан VI о покойном короле, – так ему и подобало сдохнуть, раз он не хотел подчиниться святому престолу. Никто не станет хоронить его. Ни в Венгрии, ни в Италии, во всем мире не найдется священника, который решился бы его похоронить [89]!

Урбан вторично послал проклятие вдовствующей королеве и наследнику. Все ухищрения па-

пы были направлены лишь к одному—уговорить, убедить неаполитанцев сделать королем его племянника.

Папа издал буллу, в которой говорилось, что он, Урбан VI, является теперь единственным законным правителем Неаполитанского королевства. Но это никого не убедило. . .

Кроме племянника, у Урбана VI были еще две племянницы, которые восемь лет назад ушли в монастырь, обрели себя на вечное девичество. Тогда их дядя еще не был богат. А разбогатев, Урбан VI забрал племянниц из монастыря и тут же выдал их замуж. Приданое они получили огромное. Каждой из бывших монахинь досталось по тридцать тысяч золотых дукатов «из имущества церкви». Случай этот не единичен. «Летопись Реджо» указывает, что Урбан VI часто конфисковал имущество церквей, монастырей и даже больниц, продавал его и присваивал деньги, полученные от продажи [74].

Урбан VI вынашивал планы больших завоевательных походов. Присутствие бывшего пирата, а теперь священнослужителя еще силь-

нее разжигало его захватнические устремления. Были объявлены крестовые походы против Неаполитанского королевства, а также против «раскольников»-греков (в Византию), с целью помочь им вновь «обрести свет», утраченный ими много веков назад (из-за константинопольского патриарха Фотия).

Была издана булла, объявлявшая о конфискации Пелопоннеса (Ахейское княжество), формально принадлежавшего молодому королю Владиславу.

– Готовься, сын мой, – предупредил Урбан VI Коссу и начал собирать войско, чтобы ударить по венграм и французам.

Но Урбану VI не удалось осуществить свой план. Исследователь истории западной церкви Виореджо рассказывает: «Урбан VI собирался вновь обосноваться в Риме, но бог не соблаговолил разрешить ему этого. По дороге он упал с мула и по приезде в Рим вскоре умер».

Племянник Урбана VI, который надеялся только на помощь своего дяди, после смерти папы стал опасаться, что в Неаполитанском коро-

левстве его могут схватить и повесить. Он препроводил свою монахиню в тот же монастырь, откуда выкрал ее, взял жену и детей, нанял корабль, погрузил на него все, что ему удалось награть у своих временных подданных (одежду, деньги), и тоже решил вернуться в Рим. Но корабль потерпел крушение, племянник папы и его семья погибли, награбленное добро очутилось на дне моря.

Теперь, когда умер Урбан VI и остался лишь один папа, всем стало казаться, что должен прийти конец и расколу западной церкви. Но надежды эти не оправдались. Четырнадцать кардиналов Урбана VI (столько их осталось после того, как были утоплены пять кардиналов и двое бежали к Клименту VII в Авиньон), опасаясь, что они потеряют свои посты, собрали конклав и избрали нового папу, то есть преемника Урбана VI.

Избрание папы продлило раскол. Новый папа, Петр Томачелли, назвался Бонифацием IX. Он был неаполитанцем, другом семьи Косса, ровесником Балтазара и для «отца христианства» очень молодым. Ему было тридцать лет,

а нашему герою двадцать девять. Но Балтазар был человеком образованным, а Бонифаций IX— безграмотным невеждой.

На другой день после восшествия на престол Бонифаций IX позвал Коссу и объявил ему:

– Я назначаю тебя архидиаконом в соборе святого Евстафия. Мне хочется, чтобы ты был при мне в Ватикане. Боюсь, что грядут большие события, и я хотел бы советоваться с тобой.

Действительно, как только во Франции стало известно, что в Риме после смерти Урбана VI избран новый папа, Климент VII тут же предал его анафеме.

«Пусть все проклятия Ветхого я Нового завета обрушатся на голову римского папы-самозванца, – говорилось в анафеме. – Пусть покарает Божий меч антипапу и его приспешников, пусть угаснет навсегда светильник их жизни, а души сгорят в адском огне. Пусть будут прокляты, – продолжал авиньонский понтифик, – все сторонники папы-антихриста. Да обрушится на них гнев Всевышнего, и будут они отлучены от церкви Христовой и лишены святого Божьего

причастия во веки веков».

Новый папа с выражением беспомощности взглянул на Коссу, ожидая его ответа.

Этот молодой неаполитанский феодал, ставший папой, главой христианства, с помощью кардиналов Урбана VI, свидетельствует секретарь Ватикана Дитрих фон Ним, был до такой степени безграмотен, что не только не понимал содержания документов, которые ему приносили на подпись, но с трудом расписывался на них. Даже самые простые вопросы ставили его в тупик, и он отвечал невпопад.

И вот сейчас этот человек обращался к Коссе за дружеским советом.

– Как мне поступить, Балтазар? Я хотел бы тоже послать проклятие своему врагу. Еще более страшное. Такое, подобного которому еще не бывало. – Бонифаций IX пристально посмотрел на Коссу. – Сочинить его должен ты.

– Я сделаю это, святой отец, – спокойно ответил наш герой другу своей семьи, оказавшемуся на столь высоком посту. – Сделаю. Но хочу попросить тебя сделать и мне одолжение. Я хотел

бы, чтоб в собор, где я служу, ты назначил двух священников, моих старых друзей: Ринери Гуинджи и Гуиндаччо Буонакорсо. Пусть они руководят мной. . .

На следующий день папа Бонифаций IX «*urbis et orbi*»⁸ направил анафему антипапе, своему врагу, «антихристу из Авиньона», – анафему, которая, как увидят читатели, действительно превосходила анафему Климента VII.

«Правителю мрака Сатане, обитающему в глубине преисподней и окруженному легионом дьяволов, удалось сделать своего заместителя на земле, антихриста Климента VII главой христианства, дать ему советников-кардиналов, созданных по образу и подобию этого дьявола, сынов бахвальства, стяжательства и их сестер— алчности и наглости.

Да ниспошлет на него Господь слепоту и безумие, да разверзнутся небеса и поразят его громами и молниями. Да падет на него гнев Всемогущего и святых Петра и Павла. Пусть прокля-

⁸ «Городу и миру» (ко всеобщему сведению) (*лат.*).

нет его всяк входящий и выходящий. Да будет проклята пища его и все его добро, и псы, охраняющие его, и петухи, для него поющие. Пусть постигнет его судьба Датана и Аверроса. Пусть ад поглотит его живым, как Анания и Саифира, оболгавших Господа, пусть будет наказан он, как Пилат и Иуда, предатели Господа. Да падет на него проклятие Девы Марии и всех святых, да постигнут его страшнейшие пытки ада, как губителя церкви. Пусть вся Вселенная встанет на него войной. Пусть разверзнется и поглотит его земля и даже имя его навсегда исчезнет с лица Вселенной. Пусть все и вся объявят ему войну, пусть стихия и люди восстанут против него и уничтожат. Пусть жилище его превратится в пустыню. Пусть святые при жизни помутят ему разум, пусть ангелы после смерти препроводят его черную душу во владения Сатаны, где дьяволы, несмотря на заключенное с ним соглашение, будут истязать его за содеянные им преступления.

Пусть Всемогущий и все святые пошлют вечное проклятие наместнику Сатаны и его советникам-кардиналам, подобное тому, каким

был проклят Иуда Искарот и Юлиан Отступник. Пусть погибнут все сторонники антихриста Климента VII, как погибли Диоклетиан и Нерон. Да будут сочтены их дни и достойны сожаления. Пусть обрушатся на них невзгоды и голод, пусть поразит их проказа и другие болезни. Да будет проклят их род, да не поможет им молитва, не снизойдет на них благословение. Пусть будет проклято любое место, где они живут, и то, куда они переедут. Проклятие всем, кто не признает Бонифация IX. Пусть преследует их проклятие днем и ночью, всечасно, едят они или переваривают пищу, бодрствуют или спят, разговаривают или молчат. Проклятие их плоти от темени до ногтей на ногах, пусть оглохнут они и ослепнут, пусть поразит их немота, пусть отнимутся у них руки и ноги, пусть преследует их проклятие, сидят ли они, стоят или лежат. Проклятие им отныне и во веки веков, до второго пришествия. Пусть дохнут они, как собаки или ослы, и волки пусть разрывают их смрадные трупы. И пусть вечно сопутствует им Сатана и его черные «ангелы». Аминь!» [2]

Анафема читалась во время каждой литургии в церквах, подчиненных римскому папе Бонифацию IX, точно так же, как анафема авиньонского папы читалась соответственно в церквах, находящихся в его ведении.

Однажды папа Бонифаций IX вызвал нашего героя из собора святого Евстафия.

– Балтазар, – обратился Бонифаций к другу. – Я обнищал! Как мне вырваться из нужды?

Многие «наследники святого Петра» любили деньги. Но Бонифаций IX, друг семьи Косса, известен как наиболее ненасытный. Он вошел в историю под кличкой Симонист, хотя симонистами в широком смысле слова были многие священники, сотни и даже тысячи. Не было ни одной церковной должности, ни одного даже незначительного церковного поста, который папа Бонифаций IX не продал бы с аукциона, причем места отдавались любому, предложившему наибольшую цену, независимо от его моральных качеств.

Способ установления цены за ту или иную должность был найден просто. За место взималась тройная сумма годового дохода. То есть,

давая священнику приход, Бонифаций IX сразу получал с него трехкратную сумму предполагаемого годового дохода. И если уж священник соглашался платить такую большую сумму за столь скромное место, можно понять, какие огромные деньги платил какой-нибудь будущий архиепископ или настоятель монастыря, – монастыри были тогда очень богаты и приносили огромные доходы, – или какая-нибудь знатная дама, пожелавшая стать настоятельницей монастыря (что было тогда модно), или архиепископ, готовый отдать все, что у него было, за «шапку кардинала», которая принесла бы ему доход неизмеримо больший, чем плата за сан. Бонифаций IX, бывший кардинал Петр Томачелли, как уже было сказано выше, не обращал внимания на то, кому продается должность, его интересовали только деньги. И часто посты архиепископов, епископов и настоятелей монастырей доставались распутникам и убийцам или, если монастыри были женскими, известным куртизанкам, так как покупатели не подвергались никакому, хотя бы формальному, испытанию или наказанию в виде принуди-

тельных молитв, которыми они «искупили» бы свои старые грехи или даже преступления.

Случалось, что новые священники или архиепископы не имели возможности сразу заплатить папе наличными деньгами. Тогда Бонифаций IX шел им на уступки. Он брал вместо денег лошадей, свиней, пшеницу, коров, яйца и так далее. А кандидатов на низшие должности, тех, которые были бедны и не могли ничего дать, папа заставлял работать на себя в качестве простых рабочих на строительстве двух замков-крепостей—надежного укрытия в случае нападения, сооружаемых неподалеку от холма, на котором стоит Капитолий. Таким образом, неимущие кандидаты в священники таскали кирпичи и балки, а Бонифаций IX по достоинству оценивал их усердие, видя в этом качество, необходимое будущим служителям церкви [87].

Кроме того, Бонифаций IX, чтобы помочь работавшим у него «кандидатам в священники», разрешил расположиться на территории Ватикана ростовщикам и менялам, владельцам ссудных и обменных касс с их прилавками и ящиками, не

упустив случая, конечно, получить с них мзду за оказанное благодеяние.

Часто между ростовщиками и кандидатами на церковные посты происходили споры и даже драки, так как ростовщики требовали слишком большие проценты. Споры между ними разрешал и сам Бонифаций IX и церковный суд.

Но самой большой радостью для папы, друга семьи Косса, было узнать, что тот или иной кардинал, уже заплативший деньги за свой высокий пост, по каким-то причинам не может «исполнять свой долг». Тогда Бонифаций IX считал заключенное соглашение расторгнутым, хотя деньги им были уже присвоены, а купивший должность не получил с епархии никаких доходов.

Объявляется новый аукцион, и должность перепродается кому-нибудь другому.

– Собор ни одного дня не может оставаться без настоятеля, – говорил папа.

Но случалось, что и без всяких причин папа объявлял новый аукцион, хотя эта должность была уже продана и занята, деньги за нее получены. Он просто отнимал должность и перепрода-

вал ее по более высокой цене. Как пишут многие летописцы, современники этого папы Симониста, «случалось, что он не только перепродавал тот или иной церковный пост два-три раза в неделю, но даже перспективу вступления на него». Он обманывал всех.

Однако Бонифаций IX видел, что это приводит к обесцениванию «товара». Ему перестали доверять.

«Я неправильно поступаю, – размышлял он иногда. – Надо быть осторожнее».

Вот тогда-то Бонифаций IX и обратился к доверенному лицу, к нашему герою, чтобы тот помог ему найти другой способ наживы. А пока Балтазар ломал себе голову, что предпринять, Бонифаций размышлял, как бы вернуть утерянное из-за собственной алчности доверие.

И придумал следующее: при заключении новых соглашений с кандидатами он будет давать гарантию, принимать на себя определенные обязательства на случай, если соглашение будет нарушено [78].

– Я даю гарантию, – говорил он теперь лю-

дям, приходившим на аукцион. – Чего же вы раздумываете? Я не смогу забрать у вас должность потому, что должен буду дорого заплатить вам, а это мне не выгодно.

Как мы уже говорили, папа продавал даже «воздух», перспективу обладания церковным постом. Эта «надежда на благодеяние» оценивалась уже от двадцати пяти до пятидесяти дукатов. Но и тут он не был верен слову. И в конце концов простаки вывелись, покупатели перестали ходить на аукцион. Бонифация раздражало это недоверие. Что же он предпринял, чтобы восстановить доверие к себе? Снова стал давать обязательства? Нет. Он просто аннулировал приказом продажу перспектив получения церковных должностей, не возвратив, конечно, денег людям, с которых он получил их. А таких «держателей акций» были тысячи.

– До сих пор мы поступали неправильно, – оправдывал он отмену «акций». – Несправедливо получать задаток за пост, который, может быть, и не будет предоставлен.

Проданные «акции перспектив» были объяв-

лены аннулированными в конце одной недели, но уже в начале другой Бонифаций IX выпустил новые, несколько другого типа.

Цена на них была установлена небольшая, всего один флорин, специально чтобы ускорить оборот.

Дитрих фон Ним, секретарь папской канцелярии, сообщая эти и другие подробности (обо всем невозможно рассказать), пишет:

«Не думаю, чтобы еще когда-нибудь существовал человек, проявивший такую же изобретательность и наглость в поисках средств к личному обогащению, как Бонифаций IX».

Но дела шли совсем не так хорошо, как бы хотелось Бонифацию IX. И папа снова был вынужден пригласить нашего героя.

– Ну, Балтазар, ты что-нибудь придумал? – спросил он.

– Есть кое-что, святой отец. Не знаю только, одобришь ли ты мой план.

Балтазар, действительно, долго думал. Он как-то выкраивал время на это, не оставляя своих любовных походов. Яндра делла Скала бы-

ла помещена в одном из самых богатых и хорошо сохранившихся дворцов, тогда как Вечный город находился в весьма плачевном состоянии. Ее наш герой навещал по ночам. А днем он часто не мог решить, какую из римлянок, своих новых любовниц, предпочесть и осчастливить своим посещением, так как их было слишком много. Никто не пользовался у женщин таким успехом, как священники. Они считались самыми изысканными любовниками, так как были самыми образованными людьми в ту эпоху. Ни воины, ни ремесленники, ни богатые бездельники не выдерживали с ними никакого сравнения.

Если кто-нибудь из читателей сомневается в правдивости этих слов, пусть обратится к произведениям Поджо Фиорентино (Браччолини), Франко Сакетти, Бантелло, известной книге Боккаччо или «Эктаммерону» Маргариты Наваррской. Из всех возможных любовников женщины с наибольшим доверием относились к священникам, как к людям, умеющим хранить тайну. . . Косса же был не только клерикалом, но и богатым феодалом, молодым, красивым, образован-

ным, находился под покровительством папы, сочетал в себе все достоинства, которых могла требовать от любовника самая взыскательная женщина, будь то знатная дама, женщина из народа или гетера.

Однако у нас нет возможности рассказывать о всех любовных похождениях нашего героя в этот период его жизни. . .

– Так что же ты решил? – спросил Бонифаций IX у Коссы.

– Можно кое-что предпринять. . . связать это с юбилеем.

Впервые юбилейный год был объявлен почти столетие назад папой Бонифацием VIII, который хотел внести некоторое оживление в жизнь средневекового Рима, находившегося тогда в страшном упадке и запустении, с тем чтобы оживлением этим воспользовалась и церковь. И в 1300 году нескончаемые толпы паломников начали стекаться в Рим, как это и предвидел Бонифаций VIII.

Волнами прибывали и уходили люди в течение целого года. Люди покидали родные земли и,

пользуясь самыми различными средствами передвижения, спешили в Рим, чтобы посетить собор святого Петра, помолиться там и удостоиться отпущения грехов.

Бонифаций VIII установил, что этот «обор христиан» (тогда он еще не носил названия «юбилея») будет проводиться каждые сто лет.

Но через пятьдесят лет, в 1350 году, папа Климент VI решил, что и ему не стоит упускать случая обогатиться, и объявил о повторении «юбилея» через пятьдесят лет, так как сто лет—слишком большой срок, а христиане-паломники хотят через более короткий промежуток времени иметь возможность освободиться от грехов. А Рим и церковь от этого не пострадают.

После него Урбан VI, заметив, что «юбилеи» имеют большой успех, решил еще больше сократить промежутки между ними.

– Почему юбилеи должны проводиться через сто или пятьдесят лет? Это произвольные сроки. Правильнее будет проводить их через тридцать три года. . .

А чтобы оправдать этот срок, он напомнил,

что тридцать три года—продолжительность жизни Иисуса Христа на земле.

Церкви же, конечно, было выгоднее проводить «юбилеи» чаще.

Еще позднее папа Пий II отменил и этот срок, и «юбилеи» стали проводиться каждые двадцать пять лет.

Количество лет, прожитых Спасителем, было забыто, теперь папа заботился лишь о спасении, душ «человеческого стада». Но ведь могут возникнуть вдруг экстренные случаи, острая необходимость поскорее освободиться от грехов? Значит, «юбилеи» могут проводиться и чаще.

Ссылаясь на «божье веление», стали проводить «чрезвычайные юбилеи» (в промежутках между регулярными двадцатипятилетними). Причины были различные: выборы нового папы [27], крестовые походы и так далее.

Количество денег, вывозимых паломниками из разных стран и попадавших в кассы собора святого Петра, было настолько велико, что правители европейских стран заволновались. Карл VI, например, приказал выставить стражу на всех

важнейших дорогах, которые вели в Рим, чтобы воспрепятствовать выезду паломников, а значит, и вывозу денег из пределов своего королевства.

Известный летописец и церковный историк Фруассар, современник событий, о которых мы повествуем, пишет: «В это время было объявлено о великом отпущении грехов в Риме и многие христиане готовились посетить собор святого Петра. Но так как паломничество было связано с вывозом большого количества денег из государства, французам было запрещено ехать в Рим. На дорогах и у границы Франции была выставлена специальная стража, чтобы воспрепятствовать движению людей».

– Ты думаешь, что я должен объявить юбилей, Балтазар? – удивленно спросил папа. – Но приедет ли кто-нибудь?

– Конечно, найдутся люди, которые приехать не смогут. Я думал об этом. Мне кажется, что тебе нужно было бы связаться с Джованни Галеаццо Висконти в Милане, он не разрешает жителям Ломбардии выезжать в Рим. . .

– Разве среди жителей Ломбардии есть бога-

тые? – с горечью спросил Бонифаций IX. – Так что я должен сделать?

– Ты должен заключить соглашение и с Висконти и с другими правителями, препятствующими выезду паломников. Вот мой совет. – И он подробно изложил свой план.

– Балтазар! – с энтузиазмом воскликнул Бонифаций IX, выслушав Коссу, – Ты поедешь в Милан и в другие места и от моего имени заключишь соглашения с этими бандитами и самозванцами, правителями этих мест, которые не дают людям приехать в Рим и освободиться от грехов.

Что же придумал наш герой, с чем так охотно согласился святейший?

Балтазар Косса приехал в Милан, явился к Висконти, подробно объяснил ему дело, убедил его подписать соглашение, в котором говорилось следующее: «Вместо того, чтобы совершать дорогостоящее путешествие в Рим и вывозить туда золото из своей страны, христиане могут на месте, не выезжая из Ломбардии, купить индульгенции с отпущением грехов, которые привезут спе-

циальные доверенные лица папы. Индульгенции эти ничем не отличаются от тех, которые приобрели бы паломники в Риме, если бы им посчастливилось туда попасть. Но эти привезенные папскими агентами индульгенции будут стоить здесь только две трети суммы, необходимой для поездки в Рим (если бы ее им разрешили). Человек, заплативший деньги (значительно меньше, чем нужно для путешествия), принесший свой дар святому престолу и наместнику Иисуса Христа на земле, должен будет, кроме того, исповедаться у местного священника и сразу же получит отпущение грехов» [31, 89].

Соглашение это было узаконено специальной буллой Бонифация IX. В ней указывалось также, что юбилейные дни будут продолжаться с начала 1391 года до пасхи того же года ⁹.

⁹Один из историков католической церкви, граф Джулини, в «Истории Милана», защищая папу, говорит: «Папа в специальной булле разъяснял, что для получения индульгенции с отпущением грехов христиане обязательно должны были сначала исповедаться у местного священника, “раскрыть душу перед ним”. Продажа индульгенций объясняется заботой о “спасе-

Поездка в Милан в качестве посланника папы была не первой для нашего героя. До этого он ездил во Флоренцию и Павию, чтобы уговорить правителей Тосканы и Ломбардии поддержать папу Бонифация IX. Ему удалось добиться заключения перемирия на тридцать лет, которое, правда, вскоре было нарушено.

Ездил он и в Анкону. Разными дипломатическими ухищрениями он отторгнул этот город Адриатики у авиньонского папы и присоединил его к другим итальянским городам, поддерживавшим папу Бонифация IX.

В это время умер Климент VII, авиньонский папа, противник Бонифация IX. Как только разнеслась эта весть, король Франции, король Ара-

нии душ”. Но тот же историк отмечает, что агенты папы легко продавали индульгенции и тем, кто не желал исповедаться, при соблюдении одного лишь условия: за нее нужно было уплатить больше назначенной цены. И добавляет: “Могло, конечно, создаться впечатление, что папа сам уполномочил своих посланцев не требовать раскаяния от грешников (среди которых были иногда и убийцы), покупавших индульгенции”.

гона, Парижский университет, правители Могунгии и Болоньи, а также Бонифаций IX обратились с письмом к кардиналам Авиньона, в котором просили их не спешить с выборами нового папы на место покойного и предлагали заключить соглашение, чтобы покончить с расколом западной церкви, с двоепапством.

Но авиньонские кардиналы испугались, что, отложив выборы преемника Климента VII и согласившись ждать, они вынуждены будут подчиниться Бонифацию IX и как кающиеся грешники вымаливать у него прощения.

И, не послушавшись никого, они собрали конклав и выбрали папой Петра де Луна, кардинала Арагона, назвавшегося Бенедиктом XIII.

Кардиналы всеми силами старались удержаться на своих постах, а Петр де Луна казался человеком сговорчивым. Хотя он и принимал участие в выборах предыдущего папы, в выборах, которые создали раскол, но говорил при этом, что обе стороны должны искать пути для примирения. Кардиналы поняли, что своей непримиримостью возбуждают против себя общественное

мнение, и, испугавшись за свою судьбу, заявили, что «ради церкви» пойдут на любую жертву.

Новый авиньонский папа Бенедикт XIII, заняв престол, присоединился к этому заявлению иерархов церкви.

– Я немедленно отрекись от престола, – торжественно объявил он, – если христиане решат, что я должен так поступить. – И подтвердил свои слова клятвой.

Но напрасно христиане всей Европы ждали этого благородного жеста, выполнения обещания, данного авиньонским папой. Папа Бенедикт XIII, утвердившись на престоле, не спешил выполнить обещание; он начал колебаться и сомневаться [61, 96].

– Правильно ли будет лишить церковь ее законного главы? А законным, настоящим палой являюсь только я. Я не могу доверить управление церковью проклятому раскольнику.

Напрасно король Франции и Парижский университет предлагали обоим папам отречься от престола, а кардиналам, приверженцам и того и другого, собраться и решить, кто будет новым па-

пой единой западной церкви. Бенедикт XIII, ловко лавируя, оттягивал решение, ожидая, что со временем он будет признан единственным папой.

– Не лучше ли будет мне и моему противнику встретиться где-нибудь и обсудить, кто прав? – говорил он. – В случае, если мой противник окажется прав, я готов преклонить перед ним колена [79].

«Сговорчивость» авиньонского Папы казалась Настолько убедительной, что даже итальянцы были потрясены. Жители Флоренции обратились с письмом к римскому папе Бонифацию IX, другу нашего героя:

«Было бы хорошо, если бы Вы последовали примеру скромности Вашего противника. . . »

Бонифаций IX направил в Авиньон доверенное лицо, чтобы узнать истинные намерения Бенедикта XIII. А Бенедикт в свою очередь направил миссию в Рим с той же целью, но и с тайным заданием посланцам добиться встречи с приближенными римского папы и попытаться убедить их перейти на сторону авиньонского папы.

Посланцы Бенедикта XIII начали действовать.

Но им не посчастливилось. В руки Бонифация IX попали письма, раскрывавшие их подлые намерения. Посланцы были изгнаны. Вслед за этим Бонифаций IX отправил в Авиньон нового посла, который должен был убедить Бенедикта XIII отречься от престола в пользу Бонифация IX.

Бенедикт XIII тоже отправил посланника Фердинанда Пере, епископа Тарасовы, в Рим. Епископ должен был встретиться с римлянами и перетянуть их на сторону Бенедикта XIII. Но Бонифаций IX узнал об этом и запер посланника в папском дворце. Епископ рассердился и назвал Бонифация IX антипапой.

– Посмотрите, что с вами будет через полгода! – пригрозил он другу Коссы. – Наши войска сбросят вас с престола, который вы незаконно занимаете!

Бонифаций IX расхохотался.

– Ах, несчастный! Ты принимаешь нас за дураков? Думаешь, я не вижу плачевного положения Бенедикта, которого даже сама Франция не признает?

Действительно, французы не желали больше

поддерживать Бенедикта XIII по многим причинам, и в частности потому, что папский двор в Авиньоне держался исключительно на продаже церковных должностей, тяжелым бременем ложившейся на налогоплательщиков-прихожан, у которых не оставалось средств для уплаты налогов королю.

Король Франции созвал в феврале 1395 года в Париже собор, где призвал обоих пап отречься от престола, «чтобы спасти церковь». Папы остались глухи к этим обращениям. Был созван еще один собор, на котором было решено «вывести церковь из повиновения и одному и другому папе». Такой покладистый в прошлом, Бенедикт XIII не хотел теперь и слышать о возможности отречения.

Французская армия окружила папский замок-крепость в Авиньоне и заставила папу Бенедикта XIII сдаться. Это было 14 апреля 1399 года.

– Я обещаю немедленно сложить тиару, – заявил Бенедикт XIII, – как только Бонифаций сделает то же самое. Я сделаю это даже и в том случае, если смерть избавит от него христиан и

откроет путь к объединению церкви.

И он тут же отправил письмо королю, в котором официально заверял в этом правителя Франции [61].

Франция, Англия, Кастилия и другие страны решили направить послов в Рим.

Послы встретились с Бонифацием IX и настойчиво рекомендовали ему отречься от престола, чтобы наконец прекратился раскол.

Бонифаций IX (посоветовавшись с Коссой) ответил:

– Я приму решение незамедлительно и письменно сообщу его вашим повелителям.

Но время шло, а правители напрасно ждали ответа Бонифация IX. Он не отрекался от престола. Ни один из пап не желал покинуть свой пост.

Германский император Венцеслав заявил королю Карлу VI, что Германская империя перестанет признавать Бонифация IX, если Франция и другие страны тоже не будут считать его избрание законным. Но Венцеслава вскоре низвергли, и его место занял император Рупрехт, сторонник

римского папы Бонифация IX.

Бонифаций IX довольно потирал руки, но в это время Колонна, крупный феодал, сговорившись с другим папой и правителем Прованса, поднял римлян и вывел их на улицы.

– Свободу Риму! Смерть тирану папе! – кричал народ. Наш герой, бывший пират, ныне священнослужитель, засучил рукава своей сутаны и стал во главе папского войска.

Колонна был разгромлен, народ усмирен, тридцать римлян-зачинщиков схвачены и доставлены к папе.

– Повесить их. – приказал Бонифаций IX.

Оставшись наедине с Коссой, он приказал:

– Приготовь анафему Колонне.

– Святой отец! – обратился к нему Косса. – Люди, которых я арестовал, всего лишь подчиненные сбежавших правителей. Достаточно просто заключить их в тюрьму.

– Нет. Повесить, – приказал папа.

В ту пору в Риме не оказалось палача. Но папа вышел из затруднения. Он объявил, что тот из тридцати арестованных, который согласится

повесить остальных двадцать девять, будет помилован. Среди тридцати обреченных нашелся юноша, которому показалось заманчивым предложение папы, и он, спасая свою шкуру, повесил своих единомышленников, среди которых были его отец и два брата.

Разделавшись с последним, утомленный, он уже было хотел уйти. Но Бонифаций IX, смеясь, остановил его.

– Ты тоже будешь повешен...—Он взглянул на Коссу. – Балтазар, твой старый друг Буонакорсо может его повесить?

– Святой отец, – запротестовал Косса, – он же священник!

– Пусть снимет сутану.

– Он не согласится.

Но тут из толпы римлян, наблюдавших эту картину, послышались возмущенные возгласы:

– Как это?! Его не должны повесить, сам папа обещал ему жизнь!

Они вырвали юношу из рук стражников, вывели за пределы Рима и отпустили [87].

Успех в борьбе с Колонной придал Бонифа-

цию IX уверенность. Он теперь и слушать не хотел об отречении. А папа Бенедикт XIII, будучи более дипломатичным, в четвертый раз торжественно приносил клятву:

– Я отрекись, если церковь потребует этого и Бонифаций, этот папа-самозванец, докажет, что готов последовать моему примеру.

Чтобы подтвердить свою преданность идее объединения церкви и доброе намерение осуществить его, Бенедикт XIII направил к своему недругу двух послов архиепископов.

– Папа Бенедикт, – заявили послы Бонифацию IX, – готов согласиться с решением любого правомочного прекратить раскол собрания— будь то собрание представителей обеих сторон или общий съезд всех кардиналов. Если Бонифаций считает, что вопрос должны решать корифеи, выдающиеся деятели церкви, Бенедикт согласен и на это. Святейший одобрит любую предпочитаемую Бонифацием меру.

Бонифаций IX, прочно обосновавшийся в Риме и чувствовавший, что он крепко сидит на святом престоле, накинулся на послов.

– Ни о каких соглашениях не может быть и речи. Законный папа—я! Бенедикт же антипапа. Он еретик и раскольник, более того—он безбожник, он. . .

«И он присоединил еще множество “украшающих” эпитетов к характеристике своего врага, – пишет секретарь папской канцелярии Дитрих фон Ним, – без которых можно было бы обойтись, так как они не имели никакой отношения к существу обсуждаемого вопроса».

Послы Бенедикта XIII, возмущенные славой Бонифация IX, в запальчивости ответили:

– Что бы вы ни говорили о Бенедикте, он не симонист. Он не перепродает, как вы, церковные посты.

Бонифаций IX рассвирепел, но сделать ничего не мог и только приказал послам немедленно убираться вон.

Он задыхался от злобы, не в силах смириться с тем, что ему сказали послы-французы [74, 89], и через три дня умер от чрезмерного волнения.

Но еще задолго до своей смерти он позаботился осудьбе своего друга Балтазара Коссы. 27

февраля 1402 года Косса, архидиакон собора святого Евстафия, был возведен в сан кардинала, в качестве личного посла папы выполнял всевозможные его поручения и, как увидят читатели, достиг больших успехов в самых разнообразных сферах деятельности.

Надо сказать, что во время своего пребывания в Риме Косса, как и раньше, активно действовал и на эротическом поприще. Его современник и биограф секретарь Ватикана Дитрих фон Ним пишет:

«Неслыханные, ни с чем не сравнимые “дела” творил Балтазар Косса во время своего пребывания в Риме. Здесь было все: разврат, кровосмешение, измены, насилия и другие гнусные виды греха, против которых обращен был когда-то гнев Божий».

Мы не будем подробно говорить о похождениях Коссы в это время, коснемся их лишь вскользь, потому что последующая его «деятельность» на этом поприще (когда он стал папой Иоанном XXIII и обрел церковную и политическую власть) оставляет далеко в тени все преды-

дущее. Упомянем только о том, что много ночей он провел с женой... своего брата Микеля. Он совратил ее давно, когда его будущая невестка была еще девочкой. Она была сестрой одного из кардиналов, и Балтазар решил, что, если он женит брата на этой девушке, сестре иерарха церкви, это поможет его брату, пирату, в будущем сделать карьеру. Ему удалось устроить этот брак. Микель, как и четвертый их брат, Джованни, продолжал по-прежнему всюду следовать за своим старшим братом «адмиралом» Гаспаром Коссой ¹⁰.

Микель почти не бывал в Риме, и его жена, скучавшая без мужа, вспомнила про своего старого любовника и опять сошлась с ним, конечно тайно от ревливой Яндры делла Скала, дворец которой был в другом квартале города. Правда,

¹⁰Папа Бонифаций IX по просьбе Балтазара назначил Микеля «генеральным капитаном» морских сил, служивших римской церкви. Капитаны всех кораблей, находившихся на службе у церкви, должны были теперь подчиняться приказам «генерального капитана» [79].

бедная Яндра сама не знала, за какую измену Коссы сердиться и к какой из его многочисленных любовниц ревновать.

Биограф Коссы, секретарь папской канцелярии Дитрих фон Ним, пишет: «Только в Болонье Коссе удалось совратить более 200 женщин. Он поехал туда по поручению папы для разрешения различных вопросов, касающихся церкви и политики, но не забыл при этом и своих любовных дел. Любовницами его были замужние женщины, вдовы, девушки и монахини, жившие в монастырях. Некоторые из них любили его и добровольно становились его любовницами, но некоторые были грубо изнасилованы прямо в монастырях другом Бонифация IX, бывшим пиратом.

Замужние женщины сознательно жертвовали собой, потому что, хотя Косса для видимости похищал их (с их согласия), судьба их была предрешена. По возвращении в дом, который они опозорили, многие были убиты обезумевшими от злобы и ревности супругами».

Но надо сказать, что секретарь папской канцелярии несколько искажает факты. Из многих

других источников известно, что Косса щедро награждал своих любовниц и они, получив деньги, могли и не возвращаться домой.

В те времена убийство за измену считалось делом обычным, и любая женщина знала, что ее ожидает, если она вернется в дом обманутого мужа.

В Болонье Косса старался разыскать Иму, свою старую приятельницу. Он не искал с ней встречи как с любовницей, он просто хотел еще раз поблагодарить ее. Косса не забыл, что лишь вмешательство Имы спасло его от рук инквизиции, иначе едва ли бы он остался в живых, – его много лет назад сожгли бы вместе с Яндрой. Но Имы в Болонье не оказалось.

– В прошлом году она вышла замуж, – сказала ему служанка в доме Давероны. – У нее богатый муж—Аньоло Джаноби, она живет теперь в Милане.

В Болонью Косса отправился по поручению Бонифация IX, чтобы выяснить обстановку. Оттуда в начале 1403 года Косса поехал в Феррару, чтобы вместе с кондотьерами Малатестой и мар-

кизом д'Эсте организовать и возглавить войско и попытаться снова присоединить к Папской области города и земли, вырвавшиеся из-под гнета церкви и подпавшие под не менее тяжкий гнет местных правителей. ¹¹

¹¹ Например, Болонья, которая веками стремилась завоевать самостоятельность и вела длительную борьбу за свободу. Даже герб города состоял из короны на голубом фоне и начертанного под ней золотыми буквами слова СВОБОДА. Два года назад народ восстал против местного феодала Джованни Бентиволио, ставшего правителем города. «Да здравствует народ! – кричала толпа. – Смерть тирану Джованни!» Еще недавно всемогущий властелин, он вынужден был бежать, чтобы спасти себе жизнь. Переодетый в чужое платье, он скитался, не зная, где укрыться, и был пойман в лагуче какой-то бедной женщины и отправлен во дворец подеста (уже известный нашим читателям) в центре Болоньи, откуда после народного суда его вывели на площадь и зверски убили. Люди, которые много натерпелись от него, в ненависти не оставили в покое даже его труп. Они резали его ножами и стилетами и лишь через несколько дней, собрав куски трупа, завернули их в плащ и без всяких почестей похоронили у ограды какой-то церкви [97]. Но принесло ли это какую-нибудь пользу? Народ ниспроверг феодала, что-

Папское войско заняло Болонью, а также Модену, Реджо и Парму, и Косса разрешил солдатам грабить население. Противники папы Бонифация IX были вынуждены сдаться. В этой операции Балтазар Косса проявил себя не только как способный военачальник («капитан», как они тогда назывались), прекрасно разбиравшийся во всех тонкостях стратегии, но и как отличный политик и превосходный дипломат, ловко использовавший интригу, обман и предательство, приемы, считавшиеся вполне нормальными для Италии той эпохи (еще до Макиавелли).

Итак, 25 августа 1403 года Болонья, Перуджа и Ассизи—самые богатые приходы Папской области, «наследия святого Петра», оказались в подчинении папского легата, ныне кардинала Балтазара Коссы [41].

Наш герой, обретя власть и богатство, с го-

бы снова оказаться под игом церкви. Убийство властелина произошло в 1401 году, поход Коссы против своей «alma mater» (матери-кормилицы) в 1403 году, всего через два года, так что люди не успели еще как следует вдохнуть воздух свободы.

ловой окунулся в любовные похождения. Коссу не интересовали больше его прежние знакомые девушки, которых он покорял, будучи студентом университета в Болонье (они постарели теперь, наверно!), за исключением Имы, которую Косса никогда не забывал. Для того чтобы завести новую любовную интригу, богатому молодому кардиналу не надо было даже прилагать особых усилий: многие девушки, юные и свежие, сами дарили ему свою любовь.

Однако и теперь бывали случаи, когда, невзирая на высокий церковный сан, богатство и красивую внешность, ему не удавалось одержать победу. Тогда в неистовстве он прибегал к уже испытанному средству—насилию. Это случалось и с красивыми монахинями прямо в монастырях, и с девушками-горожанками у них же в домах.

Рассказывают, в частности, о случае с тремя сестрами.

Балтазару стало известно, что они живут одни, и однажды утром он явился к ним в дом и всех трех лишил невинности. А затем выдал их замуж.

Этот факт насилия над тремя сестрами был включен в официальное обвинение, предъявленное Коссе десять лет спустя в Констанце объединившимися против него сильнейшими правительствами Европы.

Но сколько бы ни увлекался Косса женщинами, бдительность его как папского легата не ослабевала. Болонья была покорена в августе, а уже через месяц, в сентябре, бывший пират и будущий папа обнаружил заговор. Ему удалось схватить руководителей заговора и он, как в былое время, когда был пиратом, сам отрубил им головы.

Кондотьер Аль да Барбьяно в свое время захватил несколько городов, расположенных у границ Папской области. Косса хитростью и коварством (нет возможности подробно рассказывать, как именно) отобрал у него эти города.

Он обезглавил Чекко да Сан-Северино, кондотьера, служившего у него, за то, что тот неточно выполнил его приказание. Коссой был схвачен также бывший правитель Фаэнцы Астор Манфредди и убит за то, что он вновь пытался занять

отобранный у него город.

Люди с ужасом произносили имя кардинала Коссы.

Продвигаясь к цели, Косса оставлял за собой море крови, но эта беспримерная жестокость только поднимала его в глазах Бонифация IX и кардиналов. Страх перед ним усиливал уважение к нему [41]. Используя старые коварные приемы, Косса попытался внезапно напасть на Форли. Но как только его войска приблизились к городу, там была объявлена тревога. Все население Форли поднялось на городские стены, чтобы дать отпор войскам Коссы. Внезапного нападения не получилось.

Во всех военных походах нашего героя сопровождали двое его верных друзей, два старых пирата—Ринери Гуинджи и Гуиндаччо Буонакорсо, которые волей судьбы стали теперь священнослужителями.

Ринери Гуиндяш, знакомый с теологией, благодаря поддержке Коссы выдвинулся и стал епископом Фано.

Гуиндаччо Буонакорсо, рябой одноглазый ги-

гант, остался простым священником, так как Косса не решался (даже он не решался!) дать ему более высокий сан. Да и сан священника был для него велик.

Тем, кто удивляется, что такое высокое духовное лицо, каким был теперь Косса, руководил военными силами папского государства, мы говорим: не удивляйтесь. И в описываемое нами время, и раньше, и позже церковнослужители—священники, епископы, архиепископы и даже папы—не раз принимали участие в военных операциях и даже руководили ими. На них были надеты тяжелые железные доспехи, но никакого металлического оружия—ни сабли, ни копья—они не имели, так как религия запрещала им проливать кровь. Но они с успехом заменяли эти виды оружия другим, вполне «христианским», которое не проливало крови, но было достаточно страшным, — огромными дубинками.

«Служители бога» поднимали их обеими руками и с силой опускали на головы «врагов церкви». ¹²

¹²Правило это соблюдалось не всегда. Встречалось

Буонакорсо сопровождал нашего героя не только в поенных походах.

достаточно священнослужителей, которым чужды были эти «тонкости», и они успешно пользовались ножами. Буркгардт, например, рассказывает, что среди священнослужителей были такие, которые своей жестокостью превосходили самых страшных бандитов, например дон Николо деи Пелегарди. Этот священник из Фигароло в день своего возведения в сан, 12 августа 1495 года, совершил убийство и был вынужден скрываться на колокольне церкви Сан-Джулиано в Ферраре. Из Феррары он отправился в Рим, исповедался там и получил отпущение грехов. Но вскоре после этого он убил еще четырех человек, женился на двух женщинах одновременно и разъезжал с ними по городам Италии. Будучи священником, он в то же время руководил шайкой бандитов. Бандиты и их главарь, переодетые в военную форму, действовали в районе Феррары, грабили, убивали, похищали и насиловали женщин. Дон Николо устанавливал налоги для населения, а тех, кто не хотел платить, убивал.

Буркгардт говорит также, что в ту эпоху в Италии убийц и бандитов вербовали предпочтительно из духовенства, чаще всего монахов и священников. Им легче было обмануть бдительность тех, у кого были основания опасаться нападения, так как люди доверяли им.

Одноглазый гигант помогал ему и в «мирных» делах. Так было и в тот день, когда папский легат, кардинал и правитель Болоньи намеревался пойти на свидание, назначенное им двум своим любовницам—матери и дочери, жившим в одном доме. Пусть это не удивляет читателя.

Такая же история была у Коссы в Перудже. Там тоже мать и дочь были его любовницами и мирно жили под одной крышей. Мать он узнал еще тогда, когда был пиратом, в Неаполе, с дочерью она познакомила его шесть лет назад. И уверяла Коссу, что это—его дочь. Он недоверчиво посмеивался. Но как бы там ни было, с тех пор он проявлял заботу о судьбе своей молоденькой любовницы и выдал «е Замуж за состоятельного буржуа, ученого лекаря в Перудже, владельца аптеки.

И вот теперь в Болонье произошло нечто похожее. Месяц назад на балконе одного дома он увидел двух девушек. «Девушки»—это название условное, так как одной было года тридцать два, а другой—лет четырнадцать. Это были мать и дочь. . .

Через десять дней Косса овладел матерью, а еще через пять (сделавшись «другом дома») соблазнил и дочь¹³... Он посещал их почти каждое утро, дождавшись, пока уйдет хозяин дома.

В этом «деле» ему и помогал Гуиндаччо. Напротив дома, - в котором жили женщины, была таверна. Косса посылал в нее Гуиндаччо, и бывший пират, потягивая вино, внимательно следил, когда из дома напротив выйдет глава семьи, а когда тот уходил, бежал известить об этом Коссу, и они вместе отправлялись к дому.

Но в этот день гиганта в таверне не было.

– Куда запропастился этот верзила? – рассердился Косса.

Было еще рано, и Косса не знал, дома ли глава семьи. А возможного скандала ему в этот день особенно хотелось избежать, так как о нем могла узнать ревнивая Яндра, приехавшая два дня назад из Рима в Болонью. Ей надоело ожидать его. Терпению ее пришел конец!

¹³Противники Коссы и этот случай упомянули в официальном обвинении, предъявленном ему в Констанце.

Косса, раздосадованный несвоевременным отсутствием своего сообщника, отправился к нему домой. Буонакорсо жил неподалеку от таверны, на той же улице. Косса увидел впервые двух «девушек» на балконе из окна его жилища.

Поднимаясь по лестнице к Гуиндаччо, Косса услышал какой-то странный шум, возню, тихий разговор двух голосов—нежного, мелодичного и хриплого, грубого, затем приглушенный стон.

– О! – удивленно воскликнул Косса. – Ах ты старый развратник! Бросил меня из-за бабы!

Косса налег на дверь и выломал ее.

– Собачья морда, крыса, бездельник! – заорал он на своего старого друга, который стал бледно-зеленым от страха и не знал, что делать... — Бросил меня из-за своих грязных страстишек! Заставил ждать!

Но тут наш герой умолк, пораженный красотой обнаженного тела женщины, лежавшей перед ним. Какая белая и чистая кожа! И как знакомы ему эти бедра, грудь, плечи. Лица женщины видно не было. Услышав голос Коссы, она уткнулась лицом в подушку и набросила на голову просты-

ню.

– Святой отец. . . —заикаясь, произнес Буонакорсо, увидев, что Косса шагнул к кровати и намеревается открыть лицо женщины. – Ради бога. . . не подходи. . .

Женщина шевельнулась, отчаянно и безуспешно стараясь зарыться в постель.

– Не надо. . . —повторил Буонакорсо. – Лучше убей меня!

Женщина в страхе еще крепче зажала простыню у шеи. Казалось, что кровь остановилась в ее жилах, таким белым было ее тело.

Косса забавлялся ее испугом, а также страхом Гуиндаччо и думал: «Должно быть, какая-то знатная дама Болоньи. . . Поэтому и боится. Дьявольская бездна—душа этих женщин. Приходить к такому уроду!»

Он сделал еще шаг к кровати. Женщина судорожно вцепилась в простыню.

– Гуиндаччо, – неожиданно спросил Косса, – что ты предпочитаешь: чтобы я сдернул простыню и увидел лицо твоей прелестной любовницы. . . или лег с ней, не открывая ее лица?

Он смеялся и легонько, чуть притрагиваясь, ласкал прекрасное тело женщины. Его веселил испуганный вид Гуиндаччо.

– Все, что хочешь, святой отец... — бормотал, заикаясь, Гуиндаччо. – Все, что хочешь... Только не открывай ей лицо.

Папа Бенедикт XIII. Гравюра

Косса заметил, что до того, как произнести эти слова. Буонакорсо взглянул на женщину, будто ожидая какого-то знака от нее.

– Ах, госпожа, – обратился наш герой к женщине. – Плохой же рыцарь ваш любовник, если он так легко уступает вас. . .

Буонакорсо, совсем ошалев, смотрел на них не в силах оторвать взгляда.

Но вдруг с улицы донесся какой-то шум. Понеслись шаги быстро поднимавшихся по лестнице людей. Косса вскочил с постели, а Буонакорсо быстро прикрыл женщину простыней.

– Ваше преосвященство! – крикнул один из вошедших. – Уже три часа, как мы разыскиваем вас. Вам надо сейчас же ехать в Рим.

– О! – пробормотал Косса, и взгляд его потемнел. – Так скоро!

Он быстро оделся, привел себя в порядок и обернулся к женщине.

– Жаль, что мне так быстро приходится покинуть столь пленительную женщину! – Он посмотрел на старого пирата. – Ну, негодяй, твое счастье. . . —И вышел.

Кто же была эта таинственная женщина, выбравшая в любовники такого страшного уroda, как Гуиндаччо? Почему так настойчиво прятала

она свое лицо? Читатели узнают Это позже.

А сейчас наш герой должен был забрать Яндру и спешно возвратиться в Рим.

* * *

Что же, однако, случилось, почему Балтазар Косса, этот всемогущий кардинал и папский легат, должен был ехать в Рим?

Умер папа Иннокентий VII, преемник Бонифация IX.

Иннокентий VII правил христианским миром всего два года (с 1404 по 1406 г.), и правление его ничем особым не отличалось, если не считать коварного убийства видных римских граждан в Ватикане. Трупы убитых были выброшены через окно папского дворца на улицу. Возмущенные этим убийством, римляне подняли восстание.¹⁴

¹⁴Убийство это явилось ответом на требования римских граждан дать свободу Риму, а папы, естественно, не могли согласиться с этим (хотя на словах и готовы были не раз это сделать). В годы правления Иннокентия VII римляне восстали, освободили Рим от папских

сторонников, ограничив их местопребывание Ватиканом. Скрепя сердце папа Иннокентий VII вынужден был принять условия римлян. С этого времени городом должны были управлять десять человек, из которых семь выбирались народом, а три назначались папой. Иннокентий VII, чтобы обеспечить себе поддержку, назначил нескольких новых кардиналов. Среди них были Петр Филарг с Крита, венецианец Анджело Коррарио и римлянин Оттон Колонна. Запомни хорошенько их имена, читатель, ибо эти три человека будут играть важную роль в нашей истории. Кроме того, папа, нарушив соглашение, не распустил войско и отказался покинуть Капитолий, захваченный им. Римляне продолжали борьбу. Ей не видно было конца, и 6 августа 1405 года наиболее уважаемые граждане Рима решили от имени народа пойти в папский дворец для переговоров с папой. Иннокентий VII принял требования римлян, и делегаты хотели уйти, чтобы рассказать об этом народу. Но их не выпустили из дворца. Все они были убиты по приказу племянника Иннокентия VII, присутствовавшего при переговорах. Когда посланцы римлян вышли из зала, племянник папы Людовик Мелиоратти бросился за ними и, раньше чем они успели выйти на улицу, приказал страже убить их. Некоторых он прикончил собственноручно. А трупы распорядился выбросить через окно на улицу. Он сделал это для того, чтобы убедить всех в Ватикане, что покончить с

беспорядками можно только путем террора. Все убитые были известными гражданами, занимавшими высокие посты в недавно созданной Римской республике. Всего было убито девять человек. Но убийство это дало результаты совершенно противоположные тем, которых ожидали в папском дворце. Гнев и чувство мести загорелись в сердцах людей, когда они увидели выброшенные трупы и поняли, сколь жестоки и коварны алчные приспешники папы. Мгновенно нашлось оружие, в руках появились факелы (над городом спускалась ночь). Были преданы огню все дома кардиналов, убито много приближенных папы и заняты дворцы в западной части Рима, которые удалось до сих пор сохранить за собой сторонникам папы. Об убийстве в Ватикане и последовавшей за этим резне в эту страшную ночь рассказывают летописцы, очевидцы событий. Леонардо Аретино описывает, каких трудов ему стоило прорваться сквозь разъяренные толпы народа к папскому дворцу. «Неузнаваемый в плаще моего слуги, который он накинул на меня, я пересекал одну улицу за другой, с трудом проталкиваясь через толпы вооруженных людей. Первое, что бросилось мне в глаза у папского дворца, были трупы убитых. Они лежали на площади перед Ватиканским дворцом, и кровь лилась из ран, нанесенных безвинным людям убийцами по приказу племянника папы. Несмотря на ужас, охвативший меня, я все же остановился и взглянул на их лица. Среди них

Смерть Иннокентия VII, как сообщили Коссе, наступила от апоплексического удара.

Почему же, однако, нахмурился Косса (как помнят читатели), испытывающий почти садистское удовольствие от близости с таинственной любовницей Буонакорсо, когда ему сказали, что папа умер и он должен покинуть Болонью?

Только через десять лет после смерти Иннокентия VII народ узнал, что папа был отравлен,

я узнал нескольких своих друзей и не смог сдержать слез. . . Мне удалось проникнуть во дворец, и я нашел там папу Иннокентия VII, очень огорченного происшедшим. Он не давал приказа убивать этих людей и не принимал участия в преступлении своего племянника. Но восставшие не знают об этом, и, значит, он не может оставаться в Риме. Он должен бежать, чтобы спасти свою жизнь, а он так стар! Он оплакивал свою судьбу, поднимая глаза к небу, будто призывая бога в свидетели своей невиновности. В ту же ночь Иннокентий VII, дрожа от страха перед народной мстью, бежал из Рима и укрылся в Витербо. В Рим он вернулся лишь тогда, когда о преступлении его племянника немного забыли». Из современных историков о восстании и бегстве папы из Рима пишет П. Паскини.

что яд ему дал Балтазар Косса.

Эм. Фанчелли пишет: «Все знали, что папа Иннокентий VII постоянно завидовал политическим успехам своего легата и помышлял о том, чтобы лишить его управления Болоньей. И когда он умер, поползли слухи, что он отравлен Коссой и его единомышленниками. Со временем слухи Эти подтвердились».

Но это произошло через десять лет. Иннокентий VII умер в ноябре 1406 года. А только в мае 1415 года было предъявлено официальное обвинение Коссе в убийстве папы Иннокентия VII.¹⁵

¹⁵ Читатели должны знать, что в те годы, в начале XV века, не было в Италии ничего более обычного, чем оплаченные убийства, совершаемые через третье лицо [21]. Д. Понтано замечает: «Ничто не ценилось дешевле жизни человека». «Число оплаченных преступлений колебалось в зависимости лишь от количества людей, способных заплатить, и людей, готовых за деньги на все, — пишет Буркгардт. — И надо сказать, что, если даже небольшая часть общего количества насильственных смертей была убийством оплаченным, она составляла огромное число. Пример в этом показывали “власть имущие”, не пренебрегавшие убийством ради сохранения своего могущества. Семья Сфорца, коро-

Каждый раз, когда одна из двух враждующих сторон (поделивших Европу) теряла своего папу, при опустевшем пре столе собирался конклав кардиналов и выбирал преемника покойного, руководствуясь только одним соображением—сохранить в неприкосновенности свою клику. Выбирался не глава всего западного христианства, а главарь той или иной клики. Кардиналы не были заинтересованы в объединении церкви, они не считались ни с гнетом народа, ни с требованиями правителей государств. Их заботили только

левский двор Арагона, правители Венецианской республики, король Карл V не стеснялись убивать. Население Италии и мысли не допускало, что кто-то из “сильных мира сего” может умереть естественной смертью, а не быть убитым. Властелинам Милана, Неаполя и других городов частенько приходилось прибегать к помощи наемных убийц, чтобы спасти себя от врагов. А в их войсках всегда можно было найти людей, жаждущих денег. Количество преступлений значительно бы сократилось, если бы властелины не были так уверены, что достаточно лишь знака с их стороны и найдется много желающих “послужить своему господину”, — заключает Буркгардт.

собственные интересы.

Однако, когда в ноябре 1406 года в Риме собрался конклав, кардиналам пришлось принять во внимание требование возмущенного народа и правителей государств покончить с расколом.

Но «принять во внимание» не значит еще решить окончательно.

И, не ожидая выборов общего, единственного папы, которого признали бы оба враждующих лагеря, они снова выбрали своего.

По совету Коссы был избран наиболее «достойный», но не совсем обычный кандидат, человек, имевший высокий титул и занимавший видный пост в восточной церкви, патриарх константинопольский ¹⁶. Его звали Анджело Коррарио,

¹⁶Папы давно уже давали своим высокопоставленным церковнослужителям звание «патриархов», чтобы принизить значение Этого титула в восточной церкви. Так, например, главы церквей в Градо, Венеции и многих других городах назывались «патриархами» с одобрения (и даже по указанию) папы. Это повелось с покорения франками Константинополя в 1204 году. Напомним, что грабители-крестоносцы, участники IV крестового похода, франкские военачальники, с одной сторо-

он был еще и кардиналом западной церкви.

На коллегии кардиналов он проявил большую сообразительность.

— Святые отцы, — сказал он. — Мы живем в трудные времена. Весь народ начал обсуждать вопросы, которыми ему не положено интересоваться. Управление церковью—дело корифеев церкви, только они могут решить проблему объединения церкви. Прекращение раскола осуществится не политической властью. Мы должны сделать все возможное для прекращения раскола сами. Поклянемся же торжественно всеми силами содействовать этому.

Кардиналы поклялись на евангелии бороться за объединение церкви.

ны, и венецианские флотоводцы—с другой, заключили между собой соглашение при выборах императора Византии. Если императором будет выбран венецианец, то вселенским патриархом должен стать француз, и наоборот. Императором был избран француз, и поэтому патриархом назначили венецианца. И пока продолжалось господство франков в Константинополе, до их изгнания, патриархом всегда назначался венецианец.

– Я клянусь, – воскликнул патриарх, кандидат в папы, – если вы выберете меня, я использую все средства для объединения. И если будет нужно, готов даже отречься от престола. . .

– Пусть будет так! – согласились кардиналы. – Но имей в виду, что выбранный нами папа будет условным, он будет скорее символом папства, он не будет единовластен и назначать новых кардиналов сможет только с нашего согласия в чрезвычайных случаях, например, если коварный Бенедикт XIII увеличит число своих кардиналов, чтобы обмануть нас и получить большинство голосов [7, 87].

Все сказанное выше было внесено в официальный протокол, который первым подписал Балтазар Косса, как наиболее выдающаяся личность, затем все остальные, и наконец скрепил своей подписью вновь избранный папа, назвавшийся Григорием XII.

Бывший патриарх в первые дни после его избрания папой с энтузиазмом обсуждал с нашим героем взятое им на себя обязательство по объединению церкви.

– Чтобы добиться успеха в этом великом деле, – говорил он Коссе, – я готов, несмотря на свой преклонный возраст, отправиться к Бенедикту, даже если мне пришлось бы пройти весь путь пешком с одним лишь посохом в руках или пересечь море на лодке [80].

Григорий XII направил письмо своему противнику.

«Не стоит нам спорить о наших правах. Мы должны уподобиться женщине, о которой рассказывается в Ветхом завете: она предпочла совсем отказаться от сына, нежели позволить разрубить его на две части».

Бенедикт XIII не замедлил ответить:

«Согласен с твоими предложениями. Готов отречься на равных с тобой условиях» [89].

Но, как пишет крупнейший католический историк Людвиг фон Пастор, «оба эти письма были насквозь лживыми, а оба папы—и Григорий XII, и его противник—обманщиками».

В течение двух лет после избрания Григория XII (1407—1408) оба папы использовали все хитрости политики, интриги и коварство, чтобы за-

ключать все новые лживые соглашения. Они не скупилась на щедрые обещания, из которых ни одно не выполнялось.

Завязалась переписка. . .

«Григорий, слуга и раб Божий, к Петру де Луна, которого обманутые христиане-раскольники зовут Бенедикт XIII».

«Бенедикт, слуга и раб Божий, к Анджело Коррарио, которого обманутые христиане-раскольники зовут Григорий XII».

Король Карл VI предложил очень простой способ (ранее рекомендованный Парижским университетом), как ликвидировать раскол, прекратить обман христианского мира: оба папы должны отречься от престола одновременно, каждый перед своим конклавом. А затем оба конклава должны собраться вместе и выбрать нового папу.

Казалось, оба папы и их «дворы» смогли бы договориться.

Они договорились и. . . единодушно отвергли совершенно логичное предложение.

«Нет, – писали королю оба папы почти в оди-

наковых выражениях. — Лучше созвать общий конклав той и другой стороны. Там я отрекусь от престола в тот же день и час, что и мой противник».

Папы предложили эту меру, твердо зная, что она неосуществима.

Но была создана видимость, что они стремятся к созыву объединенного конклава, и, следовательно, их не в чем обвинить.

И словно в насмешку над ожиданиями христиан Западной Европы, начались бесконечные переговоры о наиболее подходящем месте сбора представителей двух папских престолов— римского и авиньонского, где должен был разрешиться вопрос об отречении от престола обоих пап. Папы старались затянуть эти переговоры, создавая искусственные препятствия, выдвигая все новые требования и обвиняя друг друга препятствовании объединению церкви [5].

Внешне сходные мнения оказывались по существу противоположными. Спорам и торгам о месте долгожданной встречи пап, казалось, не будет конца.

Косса, конечно, возглавлял сторону, поддерживающую «его» папу.

Григорий XII был ставленником Коссы, так как хотя Балтазар и был моложе, кардиналом он стал раньше Григория. Новый папа во всем советовался с ним, оставив его своим легатом в Болонье. Это был наиболее видный и значительный пост в папском государстве. Косса стал первым из кардиналов.

Долгие переговоры и споры между папами, казалось, пришли к концу, так как было наконец установлено место встречи.

Она должна была произойти в одном из городков к востоку от Генуи, в Савоне. Сюда должны были приехать оба папы со своими кардиналами, чтобы решить, как поступать дальше. Было также заключено соглашение между представителями обеих католических церквей, с одной стороны, и французским королем, под властью которого тогда находилась Генуя и прилегающие к ней районы, с другой.

Король согласился поделить Савону и ее окрестности на две равные части, с тем чтобы

каждый папа и сопровождавшие его кардиналы могли расположиться отдельно.

Каждый из пап будет иметь в своей зоне несколько жилых кварталов и крепость, чтобы в случае, если разгорится ссора, ни один из пап не оказался беззащитным.

В соглашении указывалось также, что охрана каждого из пап должна состоять не более чем из двухсот воинов. Каждый папа, кроме того, мог иметь в своем распоряжении восемь кораблей, которые перевезут его самого и кардиналов в Савону.

Соглашение подписали оба папы. Григорий XII постарался даже довести его до сведения всех правителей христианских государств (хотя намерен был нарушить его) [96].

Чтобы читатель понял, насколько «искренне» действовал каждый из пап, надо рассказать, что во время переговоров, закончившихся упомянутым соглашением, святейшие усердно копали яму друг другу, каждый старался любым способом провести противника и стать единственным правителем западного христианства.

Мы ограничимся лишь двумя фактами. Папа Бенедикт XIII, готовясь подписать соглашение, в то же время вел тайные переговоры с генуэзским флотом о захвате Рима, надеясь вырвать Вечный город у своего противника и обосноваться там. А Григорий XII, не зная, что готовит ему соперник, предательски договорился с неаполитанским королем, разрешил ему войти в Рим, чтобы в случае необходимости иметь поддержку сильного монарха [5].

Приближался исторический день встречи двух повелителей западного христианства, и тут Григорий XII заявил, что «не может выполнить соглашения, так как не имеет в своем распоряжении флота, а противник его имеет».

– Венецианцы не дают мне кораблей. А я еще не сошел с ума, чтобы ехать в Савону или другой приморский город беззащитным и попасть там в сети, расставленные моим коварным врагом, – говорил он.

Действительно ли венецианцы не давали Григорию XII кораблей? Нет, они были готовы дать ему флот, так как это сулило им большие выго-

ды и, кроме того, они были убеждены, что это поможет их земляку остаться папой, о чем они молили бога. Но они ответили «нет», потому что родственники и приближенные Григория XII подговорили их так поступить, чтобы облегчить возможность «единственно законному правителю западного христианства» нарушить соглашение [61, 96].

Когда во Франции поняли, что папы ведут нечестную игру, король, которого поддерживали Парижский университет и все французское духовенство, распорядился: в случае, если встреча пан не состоится, не повиноваться ни тому, ни другому. Как только Бенедикт XIII узнал о том, что его тоже задела, он проклял всех, кто требовал его отречения, то есть, по существу, короля.

«Тот, кто стремится отнять у меня право, данное мне апостолом Петром, ведать делами христиан на земле, тот дьявол, не страшщийся Божественной кары, не задумывающийся о вечном аде, который ждет его. Пусть будет он проклят. . . Гнев Божий и церкви пусть обрушится на его голову».

Было время, когда правители трепетали перед папским проклятием. Теперь же король не испугался. Он созвал собор, на котором присутствовали шестьдесят четыре архиепископа и епископа, сто сорок настоятелей монастырей и докторов теологии и церковного права, а также наиболее знатные феодалы королевства. Они охарактеризовали папу «упрямым раскольником, еретиком, скандалистом, нарушителем мира и спокойствия церкви».

Архиепископ Тура, выступая против папы Бенедикта XIII, употреблял выражения, которые не делали чести ни папе, ни самому оратору. В частности, он сказал:

«Он родом из той местности, которая поставляет самых сильных и упрямых мулов. Если мул направляется по какому-то пути, никакие человеческие усилия не смогут повернуть его на правильную дорогу. Человек напрасно будет трудиться, мул не послушается, даже если с него станут сдирать шкуру!»

Анафема папы Бенедикта XIII, в которой он проклинал короля Франции, была передана одно-

му из воинов, чтобы тот публично перед толпой разорвал ее, а людей, которые привезли анафему, сторонников папы, облачили в длинные черные хитоны, прикололи к одежде копии папского проклятия, портреты Бенедикта XIII вверх ногами, надели им на головы бумажные митры и посадили на ручные тачки, которые использовались парижской общиной при уборке грязи с улиц. Так их позорили перед скопищем людей, «дабы заставить понять, что они предатели, посланные архипредателем папой», – пишет настоятель монастыря в Сен-Дени. Уполномоченный короля, кавалер ордена святой Троицы, ректор теологического факультета, которому поручили прочитать решение собора перед прихожанами в соборе Парижской богородицы, выразительно добавил от себя: «Я предпочел бы поцеловать заднюю часть самой грязной свиньи, чем лицо папы Бенедикта XIII» [87].

Заметим, что уважаемый уполномоченный не постеснялся, стоя у царских врат, произнести перед народом более крепкое словцо, которое мы не можем привести в книге. Все усиливающийся

народный гнев вынудил пап что-то предпринять. Оба они покинули свои резиденции и отправились в путь, чтобы создать видимость стремления к

встрече. Григорий XII выехал из Рима и отправился в Сиену. Но дальше не двинулся и снова начал вести переговоры.

«Нужно назначить другой город для будущей встречи. Кроме того, Бенедикт должен отослать обратно генуэзский флот, так как в моем распоряжении нет ни одного корабля. Вообще мой противник должен прибыть к месту встречи безоружным, как и я».

Бенедикт XIII поступил с такой же «искренностью», как и Григорий XII. Когда Григорий остановился в Сиене, Бенедикт продолжал свой путь, притворяясь, что стремится встретиться со своим врагом, и в назначенное время прибыл в Савону. Григорий понял, что если он немедленно не предпримет что-нибудь, он пропал. Поэтому он продолжал свой путь до Лукки. Бенедикт XIII, чтобы показать свою смелость, покинул Савону и поехал дальше, навстречу Григорию. Он при-

был в Порто-Венере, а оттуда вскоре двинулся дальше, в Специю [96]. Григорий XII обливался холодным потом.

«Что мне делать? Что делать? – спрашивал он себя. – Косса, наверно, посоветовал бы что-нибудь, но я опять отправил его в Болонью».

Теперь пап разделяло всего лишь пятнадцать миль.

Леонардо Аретино в своих воспоминаниях о событиях Этой эпохи пишет: «Один из пап, словно морское животное, боялся покинуть побережье, а другой, как животное сухопутное, не хотел приближаться к берегу».

Можно было подумать, что папы нарочно ломают комедию перед христианами Европы. Оба они были очень старыми, и было бы вполне естественным, если бы люди такого преклонного возраста без сожаления оставили свои высокие посты и ушли на покой. Каждому из них было более восьмидесяти лет. Оба уже стояли на пороге смерти. И оба в день избрания заявляли, что готовы покинуть свой пост «ради примирения церкви».

В день выборов Бенедикт XIII заявлял:

– Если вы выберете меня, я отрекись, как только вы этого потребуете. Я сделаю это с такой же легкостью, как сейчас снимаю с головы кардинальскую шапку [54].

Но так как он не покидал своего поста, многие кардиналы под давлением всеобщего народного гнева отстранились от папы, собрали войско, надели под кардинальские мантии доспехи, избрали своим полководцем кардинала Неокастро, отправились в Авиньон, куда вернулся папа, и окружили папский дворец.

Один из штурмов дворца был особенно успешным. Папа был ранен и взят в плен кардиналами. Но через некоторое время ему удалось бежать переодетым. Кардиналы испугались, покаялись и снова стали ему служить. Папа простил их. Но у него остался страх перед ними. Он никому не доверял и часто угрожал им.

– Вы похожи на женихов Пенелопы. Все вы метите на папский престол и поэтому хотите от меня избавиться. Но не забывайте, как Одиссей поступил с женихами. То же самое, а то и хуже

может случиться и с вами [28, 61].

Не лучше было положение и Григория XII. Разве он мог доверять своим кардиналам? Григорий тоже боялся, что, если объединятся оба конклава, он потеряет престол из-за своих «не достойных доверия» кардиналов. Ему необходимо было иметь хотя бы небольшую группу слепо преданных кардиналов. И он возвел в кардинальский сан некоторых близких ему людей.

Григорий XII, торжественно заявлявший в день своего избрания о готовности ради примирения сторон и объединения церкви пересечь море на рыбачьей лодке или идти пешком с одним лишь посохом хоть на край света, чтобы только встретиться с противником и убедить его в необходимости им обоим отречься от престола, начал осуществлять коварный план, который должен был затянуть кризис до бесконечности. Сначала из преданных ему людей он назначил четырех новых кардиналов. Двое из них были его племянниками [104]. Затем вступил в переговоры с неаполитанским королем Владиславом, самым коварным и страшным врагом святого пре-

стола, постоянно строившим козни против Ватикана. Он давно стремился уничтожить Папскую область, захватить Среднюю Италию и распространить таким образом свое влияние вплоть до границ Северной Италии [106].¹⁷

Скандалные условия, на которых папа капитулировал перед явным врагом Ватикана, взбудоражили всех христиан Европы. За 25 000 флоринов, которые он получил от Владислава через своего представителя, папа продал ему свою столицу и неограниченную власть в ней.

Это кажется невероятным, но факт этот приводится такими видными историками, как Джино Каппони, Фердинанд Грегоровиус, Марк Ренери.

Рассказывают, что Григорий XII получил величайшее удовлетворение, когда Владислав вторгся в Рим.

«Как ни старался Григорий скрыть свои тайные планы, — пишет Сисмонди, — он не смог удержать радостного возгласа при этом известии, так

¹⁷Его девизом было: «Am Caesar, aut nihil!»—«Или Цезарь, или ничто!» (*лат.*)

как больше всего боялся, что его противник Бенедикт (пользуясь поддержкой французского маршала Бусико и генуэзского флота, стоявшего в Остии) захватит Рим, пока он находится в Тоскане».

Теперь у него отлегло от сердца. Бенедикт не мог уже захватить Рим, ему пришлось бы иметь дело с могущественным королем. - Кроме того, Григорий обладал теперь достаточными средствами и мог смелее отражать любые нападки и требования созыва собора представителей обеих западных церквей для решения основного вопроса—объединения церкви.

— Я сам созову собор, если мне это будет нужно, — заявил он. — Когда захочу и где захочу. Я сам буду руководить им, там будут мои люди. Собор будет в Удине.

Он долго размышлял и намеренно выбрал этот город. Город, который он считал подходящим местом для созыва собора, расположен в Северной Италии, неподалеку от родины Григория—Венеции и соседствует с Тиродем и Германией, где в это время господствовал Ру-

прехт, один из немногих правителей, признававших его папой.

Он был уверен, что это место—самое спокойное и безопасное в беспокойной Италии, где его признавали лишь отдельные государства. Григорий направил послания всем монархам, предлагая им прислать представителей церкви для участия в соборе.

Не отставал от Григория XII и Бенедикт XIII. Он тоже разослал приглашения на «вселенский собор».

Местом сбора был объявлен Перпиньян, в то время принадлежавший Арагону, король которого поддерживал папу Бенедикта XIII. Итак, оба папы, до тонкости изучив обстановку и взвесив все, пришли к одинаковому выводу: нельзя показывать, что они не считаются с требованием христиан всех западноевропейских стран созвать собор. Надо убедить людей, что они признают необходимость внимательного изучения сложившейся обстановки и ищут пути к ее оздоровлению. Тогда никто не сможет их обвинить, как это было до сих пор, в том, что они хотят избежать

объединения церкви.

Так обстояло дело. Каждый из пап надеялся, что собор, созванный им, будет поддерживать только «своего» папу, только его действия считать правильными и расколу, таким образом, не будет конца.

Комедия продолжалась, иерархи западной церкви открыто издевались над христианством.

Оба они цеплялись за папский престол. Оба боялись друг друга. Но ни тот, ни другой не хотели признаться в Этом. Каждый из них старался доказать сторонникам свою абсолютную правоту, каждый старался уверить противника в своей силе. Оба они напоминали хищников, готовых сожрать друг друга.

А что же делал в это время Косса?

Как рассказывают, бывший пират стал одной из виднейших личностей своего времени, наиболее могущественным из всех «принцев западной церкви». Достигнуть этого ему помогли не только его способности, ум и знания, ловкость и сила, но и богатство, награбленное им во времена пиратства и особенно увеличившееся за последние

шесть лет, когда он стал кардиналом и папским легатом. Крупнейший и наиболее богатый район Италии—Романья являлся как бы его «государством». Железной рукой он правил там и постоянно стремился расширить границы своего господства. Он не забыл предпринятого им два года назад неудачного нападения на Форли и теперь, обстоятельно изучив обстановку, снова двинулся туда с войском. На этот раз ему удалось захватить город, добавить новую жемчужину в корону папского государства.

Он был единственным из старых кардиналов, которого Григорий XII считал своим другом.

Пользуясь этим, Косса, уединившись с Григорием и одним из его спутников, когда те проезжали через Романью в Тоскану, стал говорить папе, сколько неверных поступков совершил тот за последнее время, и советовать, как поступать в дальнейшем.

Папа Григорий сделал вид, что огорчен: друг неправильно его понял.

— Имеет ли значение то, что собор будет не в Савоне! Я созову его в Удине, это многим больше

по душе.

Косса окинул Григория презрительным взглядом.

– Кому ты говоришь это, святой отец? – промолвил он. – Ты думаешь, что можешь обмануть и меня? И старых кардиналов? Зачем понадобилось выдвигать новых кардиналов?

Григорий нахмурил брови.

– Я папа! – крикнул он. – И как папа выдвигаю столько кардиналов, сколько хочу. И буду выдвигать еще.

Глаза Коссы потемнели.

– Будь осторожен, святой отец, – сухо сказал он. – Не поступай наперекор всем, это не в твоих интересах. Ты лишь эмблема папства. Мы выбрали тебя условно. Ты пошел на это и подписал соглашение. Ты нарушаешь решение, принятое нами до твоего избрания. Так кто же может обязать меня следовать твоей глупой и нелепой политике?

Папа злобно посмотрел на Коссу, затем обернулся к своему спутнику.

– Карл. . .

Это был правитель Римини, верный сторонник Григория XII, кондотьер святого престола Карл Малатеста.

– Карл, – повторил папа, – арестуй этого недостойного человека. Надо будет также арестовать в Лукке и других мятежных кардиналов и священников.

Правитель Римини не успел произнести и слова, как Балтазар, засмеявшись, неожиданным резким движением сбросил с плеч красную кардинальскую мантию, и перед присутствующими предстал пират в доспехах со стилетом в руке.

– Карл, – обратился он к Малатесте. – Ты умный человек. Не то, что твой хозяин. Против пятисот твоих воинов я выдвину полторы тысячи своих. Я давно понял, что нельзя доверять этому коварному венецианцу.

Он даже не произнес имени папы.

– Гуиндаччо! – позвал он. – Бей в набат, пусть эти двое увидят наших людей.

Уродливый гигант в сутане, с мечом и стилетом в руках вышел из-за занавеса.

Удар колокола вызвал на улицу сотни воору-

женных до зубов людей [2].

Этот эпизод дал повод историкам церкви заявлять, что Косса устроил засаду папе, когда тот проезжал через Романью, и что папа спасся только благодаря помощи Малатесты [89].

Через пять дней, покинув владения своего легата, Григорий XII предал его анафеме, обрекая вечно мучиться на том свете. Кроме того, Григорий XII лишил Коссу звания и прав легата. Жители Болоньи и всей Романии освобождались от обязательства подчиняться легату, которое они клятвенно принимали раньше. Все приказы Коссы выполнять запрещалось.

«Бывший легат был тираном, мечом его управлял Сатана», – говорилось в папской булле.

Косса лишь рассмеялся.

– Я ему покажу, этому старикашке! – воскликнул он. – Сорвите фамильный герб этого старого глупца со всех Эмблем на государственных зданиях! С этого дня я становлюсь абсолютным и независимым властелином самой богатой и прекрасной епархии [89].

Затем Косса покинул Болонью и отправился

в Лукку, чтобы встретиться с «братьями кардиналами». Они очень обрадовались, увидев Коссу. Кардиналы видели в нем человека, который может возглавить движение против папы. Они словно пробудились от сна.

– Вы глупцы, что остаетесь в Лукке! – сказал им Косса. – Кто может поручиться, что вас не выдадут папе? И можно ли верить кому-нибудь?

С ужасом вспоминали все о шести кардиналах, попавших в руки Урбана VI и претерпевших страшные мучения до того, как их завязали в мешки и сбросили в Лигурийское море. Кардиналы увидели, насколько лучше их «брат», бывший пират, понимает дух времени, эпоху господства лжи, измены, коварства, жестокости, когда почти каждый человек, скрываясь под маской добродетели, совершал преступления.

– Приезжайте ко мне в Пизу, там вы будете в безопасности.

И бывший пират (а теперь признанный руководитель священнослужителей) объяснил: Пиза несколько лет назад была присоединена к владениям Флоренции, а он, Косса, связан с Флорен-

цией. Общие интересы главного города Тосканы и управляемых Коссой областей не позволяют им заключать побочные договоры и союзы.

«Кардинал Косса, – пишет М. Ренери, – крепко державший в руках Болонью и всю Романью, располагавший материальными ценностями папского государства в Италии, а также собственными огромными богатствами, собранными им за время его правления, стал главным рычагом движения кардиналов и рьяно выступал за собор в Пизе».

«Ему удалось хитростью и подкупами привлечь на свою сторону многих своих коллег, в частности Петра Филарга», – жалуется в своих письмах Григорий XII [89].

Кардинал Петр Филарг был видным деятелем западной католической церкви, человеком широкообразованным, с высокими моральными качествами, непохожим на большинство церковных мужей той эпохи. Он был (пусть читателей не удивляет это) грек с острова Крит. Еще совсем юным, он остался сиротой. Венецианцы, владевшие этим большим греческим островом, замети-

ли выдающиеся способности юноши. Его отвезли в Венецию, сделали католиком, отдали в школу, а затем для получения высшего образования послали сначала в Париж, а затем в Англию, в Оксфорд. По возвращении он получил сан епископа, а позже стал архиепископом Милана. Правители Милана и святой престол часто отправляли его со всевозможными миссиями в разные города Италии, а также в Германию, Богемию, Польшу. Он славился своими теологическими познаниями и красноречием (он был профессором Парижского университета). И то, что Коссе удалось вовлечь Этуго виднейшего деятеля церкви, консерватора, в борьбу против Григория XII, считалось большой заслугой Коссы [90].

* * *

Никогда еще западная церковь не была в таком жалком положении. Люди сначала смеялись над двумя корифеями Западной церкви. Но вскоре их поведение стало вызывать лишь отвращение. Все западное христианство с нетерпением ждало

окончания безнравственной комедии, в которой главные роли играли папы.

Король Карл VI направил письма святым коллегиям обеих западных церквей (Рима и Авиньона). Он призывал высших священнослужителей отречься от своих «вожаков».

«Довольно! – писал он. – Почему эти бездарные отцы христианства продолжают издеваться над вами и над всем христианством Западной Европы? Разве недостаточно было года, чтобы договориться, в каком месте на земле они могут встретиться, чтобы исполнить данное ими торжественное обещание? Вместо того чтобы стремиться к объединению, они хотят увековечить раскол, созывая два враждебных друг другу собора. Кардиналы! Отрекитесь от них, объединитесь и созовите общий собор в любом городе [61, 89]!»

Обратился с письмом к своим бывшим кардиналам и Григорий XII:

«Немедленно уезжайте из Пизы и забудьте, о чем вы помышляли. Пока еще есть время, переходите ко мне. Если же вы будете продолжать

слушать советы антихриста, не надейтесь, что потом сможете вернуться ко мне. Я не приму вас ни на каких условиях. Я папа и останусь папой. Я выдвину новых верных мне кардиналов, которые будут преданно следовать за мною» [104].

Письмо не помогло. Кардиналы Григория XII остались в Пизе и, вдохновленные нашим героем, разоблачили перед всем христианством своего папу.

«Григорий XII совершил и продолжает совершать много незаконных поступков, противных установленным священным канонам. Мы протестуем и обвиняем папу в противозаконных действиях. (Это писали кардиналы, которые сами же избрали его!) Чтобы обсудить этот вопрос, мы решили прибегнуть к созыву собора, который должен будет избрать нового папу» [74].

Григорий XII в ответ на письмо предал мятежных кардиналов анафеме.

Стараясь опозорить их, он употреблял такие слова, которыми неудобно было бы обругать даже самого отъявленного негодяя или странствующего монаха, а не то что кардиналов.

Кардиналов это не расстроило. Они расклеили на стенах домов Пизы листовки с протестом, в которых Бенедикт XIII и Григорий XII назывались виновниками раскола и последователями антихриста.

Григорий XII тут же назначил новых кардиналов. Хоть он и делал вид, что безразличен к осуждению, все же не смог удержаться, чтобы не послать еще одну анафему своим старым кардиналам с еще более грубыми ругательствами.

Одновременно он обратился к германскому императору Рупрехту с просьбой приехать в Италию, чтобы разогнать и взять в плен кардиналов и других деятелей церкви, подготавливающих собор в Пизе. Кроме того, он послал к Рупрехту одного из кардиналов, своего племянника, который должен был поторопить императора выполнить его просьбу [104].

В это время республика Флоренция устами своих ста двадцати виднейших теологов объявила, что «папа Григорий XII—еретик, раскольник и враг христианской церкви».

Флоренция запрещала своим подданным под-

чиняться папе. Анджело Коррарио (имя, которое носил Григорий до того, как стал папой) было направлено письмо с требованием явиться на собор в Пизе и высказаться по поводу предъявленных ему обвинений.

В таком же положении находился и Бенедикт XIII. Он также был покинут своими кардиналами. Они тоже выступили с обвинением против своего папы, называя его «недостойным интриганом».

Бенедикт XIII предал их анафеме в специальной булле. Одновременно он развил активную деятельность в Кастилии, Арагоне, Шотландии и Франции, стараясь собрать как можно больше духовных лиц на свой собор.

Итак, в 1409 году должны были собраться три «вселенских собора» из представителей различных стран, исповедующих одну и ту же религию! Один в Перпиньяне, другой в Удине, третий в Пизе! Конечно, наиболее торжественным и действительно Вселенским был только последний.

На соборах в Удине и Перпиньяне должны были присутствовать люди, заинтересованные в продолжении церковного раскола. Собор же в

Пизе поддерживали правители и иерархи церкви стран Западной Европы, желавших объединения церкви. Даже многие кардиналы Бенедикта XIII прибыли в Пизу для участия в соборе.

* * *

Март 1409 года. «Не было до сих пор прекраснее и величественнее зрелища, чем открытие собора в Пизе», – пишет известный историк католической церкви И. Альцог. В соборе участвовало 23 кардинала от обеих сторон западной церкви, 90 епископов, несколько представителей от 102 архиепископов, 87 представителей от 200 настоятелей монастырей, генералы четырех нищенствующих монашеских орденов, 120 преподавателей теологии, 300 профессоров и лиценциатов римского канонического права, послы Англии, Франции, Португалии, Польши, Богемии (Чехии), Неаполитанского и Кипрского королевств [4, 67].

И. Альцог продолжает:

«25 марта 1409 года участники собора,

выслушав двух выдающихся теологов—Пьера Д'Эгю и Жерсона, — провозгласили собор Вселенским. Протесты Бенедикта XIII и Григория XII были отвергнуты, а сами они названы злобными клятвоотступниками, неисправимыми раскольниками, еретиками, оторвавшимися от христианства. Ни тот ни другой не мог быть главой христианства».

М. Ренери пишет:

«Среди кардиналов, бывших в прошлом сторонниками Григория XII, первое место занимал кардинал собора святого Евстафия Балтазар Косса. Теперь он стал главной опорой собора в Пизе, так как мог предоставить в его распоряжение войска, деньги, земли. В то время как папа Григорий XII был вынужден искать убежища у Карла Малатесты, правителя Римини, Косса вел себя как полновластный хозяин в Болонье, Форли и Фаэнце, не обращая внимания на угрозы и проклятия папы. Это он помешал войскам неаполитанского короля Владислава вторгнуться в Пизу и разогнать собор.

Человек, взлетевший так высоко и стремив-

шийся подняться еще выше, имел, естественно, много друзей и смертельных врагов. По всей Европе ходили о нем самые противоречивые слухи.

Одни говорили, что он происходил из старинной и знатной семьи Неаполя, занимался изучением искусства и философии, потом увлеклся военным делом, отличился во многих сражениях и, наконец, предпочел всему служение церкви, быстро продвинулся и на этом поприще, и папа Бонифаций IX назначил его правителем Болоньи и прилегающих к ней районов, которые он сумел уберечь от опасности отторжения и сохранить под властью папского государства.

Другие утверждали, что Косса, будучи еще совсем молодым, занимался пиратством у берегов Сицилии и с того времени приобрел привычку днем спать, а ночью бодрствовать, что, будучи студентом Болонского университета, он легкомысленно относился к занятиям и вел весьма беспутную жизнь. А когда Косса стал священнослужителем, папа Бонифаций IX, его земляк, зная его способность ловко улаживать любые дела, стал выдвигать его постепенно на все более

и более высокие посты и наконец сделал правителем Болоньи. Здесь особенно проявились военный и административный таланты Коссы. Он стал полновластным тираном, который ни с кем не считался, никого не уважал, по собственному усмотрению распоряжаясь имуществом и жизнью граждан.

Но как бы там ни было, голоса его друзей звучали громче, чем голоса врагов, и только под его руководством люди надеялись добиться выполнения будущих решений собора и открыть ворота Рима (который находился во власти друга Григория XII, короля Неаполитанского королевства) вновь избранному папе» [49, 50, 53, 88].

* * *

В весенний вечер три священнослужителя вышли из здания собора Пизы (где проходил собор кардиналов и ученых богословов) и, сопровождаемые любопытными взглядами людей, окружавших собор и известную «Падающую башню», направились к югу, миновали дворец архиеписко-

па, спустились вниз по дороге к месту, где теперь расположен ботанический сад, и проследовали дальше по направлению к Арно.

– Сколько народу! – воскликнул шедший справа человек, обращаясь к тому, кто шел посредине. – Наверно, больше десяти тысяч людей стеклось в Пизу, чтобы похвалиться потом, что они были здесь во время собора.

– Конечно, мой благочестивый Ринери! – насмешливо произнес высокий смуглый красавец, шедший посредине, красная мантия которого была скрыта черным плащом. – Все будут гордиться тем, что были здесь, когда происходил Этот исторический собор!

Вдали показалась река Арно. Человек в красной мантии кардинала, Балтазар Косса, как, наверно, уже догадался читатель, обернулся к своему спутнику слева, высокому и плотному человеку.

– Смотри, Гуиндаччо! Чтоб ноги твоей не было в таверне! Плохо тебе будет, если я еще раз застаю тебя там.

Когда-то мускулистый, а теперь обросший

мясом и жиром и отрастивший живот одноглазый пират, ставший священником, приспешник Коссы, захныкал, состроив страдальческую мину:

– Святейший, кто тебе предан больше меня? Почему ты всегда ко мне несправедлив? Кто служит тебе вернее, чем я?

Косса резко повернулся к нему.

– Замолчи, изменник, негодяй, тебе ли говорить о верности! – раздраженно крикнул он. – Вспомни день, когда умер Иннокентий и я должен был ехать в Рим... Вспомни женщину, с которой ты был, мерзавец...

Буонакорсо побледнел, вспыхнул, снова побледнел.

– Нет... нет... – бормотал он сквозь зубы, не смея поднять глаз на Коссу.

У богатого особняка—своей резиденции в Пизе—Косса остановился. Здесь тоже толпился народ.

Гуинджи, епископ Фано, товарищ Коссы по университету и пиратству, обратился к нему:

– Все знают, что ты сейчас самая выдающа-

ся личность среди церковников, Балтазар, вот они и пришли посмотреть на тебя.

Косса покачал головой, выражая сомнение.

Он уже собирался войти в дом, как вдруг увидел кого-то в толпе, и глаза его сверкнули.

Он бросился в толпу, расталкивая людей, удивленно смотревших на него, и догнал убегающую женщину, знатную госпожу по виду, старательно прятавшую лицо. Он грубо схватил ее за руку и заставил обернуться.

— Има... — взволнованно произнес он.

С грустной болезненной улыбкой она смотрела на Коссу.

Прокладывая дорогу через толпу, Косса повел женщину к дому.

Наш герой с удивлением отметил, что прошедшие годы не оставили следа на лице болонской красавицы. Он внимательно вглядывался в большие, выразительные, устремленные на него глаза с трепетавшими от волнения ресницами. Взгляд ее был нежным и мечтательным. Он видел, что она рада этой встрече. Несомненно, любовь, ровная и неизменная, продолжала жить в

сердце Имы—после стольких лет.

– Ты давно здесь? – тихо спрашивал Косса, продолжая крепко держать ее за руку.

– Уже десять дней... Но я избегала встречи...—Она робко улыбнулась. – Мы давно решили приехать сюда...—и покраснела, произнеся слово «мы».

Косса исподлобья взглянул на нее:

– Ты предложила приехать? Или... он?

– Я, – быстро ответила Има, с волнением и обожанием глядя на своего бывшего любовника.

Косса, не успев обрадоваться ее признанию, почувствовал на себе чей-то взгляд. Он вздрогнул и обернулся. На верхней площадке лестницы стояла Яндра и пристально смотрела на него.

Косса невозмутимо повернулся к своей старой подруге.

– Има, – прошептал он, – приходи завтра на Кампосанто, в левый северный угол. (Кампосанто—одно из чудес Пизы. Это кладбище известно собранными там произведениями искусства. Оно расположено по соседству с соборной площадью.)—И Косса спокойно повел Иму

наверх.

– Яндра, – обратился он к своей любовнице, – это госпожа Джаноби из Милана, мой старый друг. Благодаря ей мы остались в живых.

Яндра холодным взглядом окинула женщину, а Косса подошел к епископу Фано, следовавшему за ними вместе с Буонакорсо.

– Ринери, – тихо приказал он, – сейчас же мчись в палаццо Гамбакорти. – оно на левом берегу Арно, – и скажи, что я занимаю его.

Палаццо Гамбакорти—большой дворец на южном берегу Арно, сохранившийся до сих пор и известный туристам под названием «Палаццо коммунале». Этот дворец и хотел использовать Косса для свиданий со своей прежней возлюбленной, а теперь женой миланского феодала Аньоло Джаноби, который приехал в Пизу по случаю собора и, не зная ничего о прошлом жены, взял ее с собой, буквально бросив в пасть волка. . . .

* * *

Это было в Пизе 15 июня 1409 года. Вечерело. Двадцать четыре кардинала, из которых десять были сторонниками папы Бенедикта XIII и четырнадцать—папы Григория XII, с трудом пробираясь через толпу, пересекли площадь, направились к дворцу архиепископа и вошли в него.

Поднявшись по лестнице в зал, они уселись в заранее приготовленные двадцать четыре кресла. Двери закрылись. Началось заседание конклава, который должен был избрать одного, общего для всего западного христианства папу вместо двух, отстраненных от престола.

Читатель уже, наверное, понял, что из двадцати четырех только двое могли претендовать на этот высокий пост. Один из них—кардинал собора святых апостолов, архиепископ Милана Петр Филарг, по происхождению грек с острова Крит, известный своей образованностью и высокой моралью, другой—кардинал собора святого Евстафия, знатный неаполитанец, папский легат, правитель Романии, ловкий и влиятельный политик, наш герой Балтазар Косса.

Большинство кардиналов высказалось за то, чтобы папой стал Косса.

Но бывший пират, спокойно поднявшись с кресла, сдержанно и скромно обратился к кардиналам:

– Братья! Я не могу принять ваше предложение, так как среди нас есть человек более достойный. – И он указал на критянина. – Раз между нами есть такой высоконравственный и мудрый церковный муж, как Петр Филарг, никто другой не может возглавить западную церковь, особенно теперь, когда взоры всех христиан обращены к нашему конклаву и весь народ ждет исцеления духовных ран, нанесенных предшествующими папами. Только он достоин быть папой [96]!

И голоса всех двадцати четырех кардиналов, искусно сагитированных Балтазаром Коссой, были отданы кандидату, указанному этим всемогущим человеком. Итак, 7 июля папой был избран кардинал—грек Петр Филарг, принявший имя Александра V [79].

Когда они вышли из дворца архиепископа, где происходили выборы, епископ Фано недоуменно

посмотрел на своего старого друга и с горечью, тихо спросил:

– Что ты сделал, Балтазар? Что с тобой случилось?

Косса удовлетворенно рассмеялся.

– Бедняга Ринери, ты хотел, чтобы я согласился сейчас стать папой? Сейчас, когда внимание всех обращено сюда? Ты хочешь, чтоб я вам дал в руки оружие своим открытым врагам и так называемым «друзьям», дал повод копаться в моем прошлом и порочить меня? Нет. Сейчас не время. В этой ситуации Филарг—фигура самая подходящая. К нему все относятся хорошо—и те, кто поддерживал Бенедикта, и те, кто поддерживал Григория. Теперь Франция и Англия будут за него. Польша, Богемия, Венгрия—страны, где он бывал как папский легат, — признают его законно избранным папой. Да и в Италии многие его признают [87].

Читатель понимает, конечно, что наш герой очень мудро поступил, отложив свое избрание на святой престол.

Эм. Фанчелли пишет:

«Косса давно уже мог быть избран папой, но он решил отказаться от престола и предпочел поставить под удар Петра Филарга, зная, что он, заняв папский престол (под именем Александра V), станет послушным орудием в руках могущественного кардинала и легата в Болонье. Действуя так, Косса заботился главным образом о себе и своих родственниках. Три его брата, известные пираты, заняли высшие военные должности в папском государстве. Сам же Косса, как советник и наставник папы Александра V, приобрел еще большее могущество. Он руководил внешней политикой святого престола. И в случае смерти престарелого Александра V он наверняка должен был унаследовать святой престол».

... Это было в начале августа 1409 года. Однажды утром наш герой отправился к своей бывшей любовнице, ставшей теперь женой миланского феодала Джаноби, с которой он возобновил связь. Но настроение у него было подавленное. Его беспокоило, что накануне, когда он направлялся на южный берег Арно, на мосту Панте ди Меджо ему встретилась Яндра делла Скала.

«Черт возьми, почему она оказалась так близко от Имы?»—подумал Косса.

Яндра сделала вид, что не заметила его. Но Косса встревожился, – в последнее время она как-то странно вела себя.

«Может быть, она узнала что-нибудь? От кого? Кроме Ринери и Гуиндаччо, никто ничего не знает. . . Но что там произошло? Почему столько народу?»

Действительно, у палаццо Гамбакорти собралась большая толпа.

Бывший пират, растолкав людей, ворвался во дворец.

В кровати, обливаясь кровью, лежала женщина. Поодаль четверо мужчин держали убийцу. В руках одного из мужчин был окровавленный стилет.

– Убийца нанес ей четыре удара, – рассказывал он. – Два в грудь, очень сильных, и два в шею.

Косса вытолкал из комнаты людей и схватил за горло убийцу.

– Кто? – свирепо глядя на него, спросил пи-

рат. — Кто заставил тебя сделать это?

Убийца молчал. Косса, размахнувшись, ударил его кулаком в лицо и выбил ему три зуба. Из рта преступника по лилась кровь.

— Говори, кто тебе заплатил? — прохрипел Косса.

Убийца, пошатнувшись от страшного удара, растерянно смотрел на разъяренного священнослужителя и бормотал что-то разбитыми губами... Глаза Коссы потемнели от гнева. Буонакорсо вызвался привести лучшего в городе лекаря. Кто-то уже позвал женщин, чтобы обрядить покойницу Неподвижную Иму переодели в другое платье подняли и повезли в дом, где жил Аньоло Джаноби... ,

* * *

До собора в Пизе в Европе было два папы. Теперь их стало три! Но новый папа Александр V тоже был признан не повсюду. Правда, самые большие страны—Франция, Англия, Польша, Богемия (Чехия) и многие государства Германии и

Италии признавали Александра V. Но и прежние папы имели своих приверженцев. Григорий XII господствовал в Римини, Неаполитанском королевстве, некоторых государствах Германии и в Венгрии. Бенедикт XIII властвовал в Испании и Шотландии [4].

Папа Григорий XII

Папы не сидели в бездействии. Каждый делал все, что было в его силах, чтобы навредить своим противникам.

Усилий для этого требовалось теперь больше, так как каждому из них приходилось бороться с двумя соперниками.

Григорий XII незамедлительно предал анафеме и Бенедикта XIII и Александра V. Епископы и священники, оставшиеся верными ему, должны были читать полученный текст анафемы на литургиях по воскресным и праздничным дням, когда собиралось особенно много народа.

Священники с зажженными свечами в руках становились полукругом и читали текст анафемы. Если же на литургии присутствовал епископ, он, облачась в самое пышное одеяние и став у алтаря—в самом священном месте церкви, сам торжественно оглашал анафему Григория XII.

— «Бенедикт—еретик, раскольник и богоотступник—больше не одинок. Из мрака явился еще один хитрый и нечистый демон. Сатана в облике старого кардинала, превзошедший самого антихриста, его наместник на земле. Да будут прокляты оба антипапы—и Бенедикт и Александр. Вечное проклятие на головы обоих антихристов. Да поразит их гнев Гос-

подень. Пусть пламя гнева его сожжет их, как пожар сжигает леса, пусть испепелит он их, как огонь испепеляет горы. Пусть позор падет на их головы».

После каждого абзаца анафемы священники хором, фальшиво, но внушительно, не очень благозвучно, но вдохновенно тянули нараспев:

– Ами-инь!

– «Проклятия Господни сынам Израиля, вложенные им в уста Моисея, пусть падут на головы нарушителей мира и единства церкви. Пусть будут прокляты их жильё, доходы их и имущество, проклятие им самим».

– Ами-инь!

– «Да ниспошлет на них Господь жажду, нищету, холод и жару и заставит их покориться».

– Ами-инь!

– «Да истребит их Господь на этой земле».

– Ами-и-нь!

– «Пусть трупы их будут пищею птицам небесным и зверям».

– Ами-и-нь!

– «Да не примет земля после смерти всех,

кто поддерживают и признают их».

– Ами-и-нь!

Заканчивая эту торжественную церемонию, священнослужители должны были бросить на землю свечи и затоптать их [94]...

Не отставал от Григория XII и Бенедикт XIII.

«Вероотступники—священнослужители, собравшиеся в Пизе, а также антихрист Григорий—выступают против меня, законного папы. Но собор в Пизе—это псевдособор, Это скандальное собрание коварных бунтовщиков, скопище заговорщиков и нечестивцев, озлобленных, святотатцев, погрязших в адских грехах, заслуживающих небесной кары, Это клубок червей, кишущих в зловонной гнили и грязи», – писал он в своей анафеме [87].

И продолжал:

«Полные смирения и снисходительности, мы предаем Григория и Александра, антихристов, приверженцев Сатаны, суду Божьему. Пусть тела их умрут, а души, раскаявшись, спасутся в день второго пришествия. Но если они не покаются и не искупят своей вины, все проклятия Ветхого и

Нового завета пусть падут на головы антипап и их кардиналов, а также любого из их защитников, будь то крестьянин, горожанин или властелин. Да будут они прокляты навеки при жизни и после смерти. Да низвергнет их меч Господень в бездну и имена их забудутся навеки. Да поразит их Господь язвами и чесоткой, паршой, ниспослет на них слепоту и слабоумие.

Пользуясь правами наследника святого Петра, апостола Иисуса Христа, первого проповедника христианской веры, лишаем их и их приспешников святого причастия и запрещаем предавать их тела погребению в земле. Пусть поглотит их адская бездна в наказание за их страшные проступки» [86].

Мы не будем описывать церемониальных подробностей, сопутствующих чтению анафемы Бенедикта XIII, – перезвона колоколов, бросания свечей и многократного повторения священниками слова «Аминь», так как пришлось бы исписать много страниц.

– Что же теперь будет? – спрашивал Алек-

сандр V у нашего героя, когда они были еще в Пизе.

– Не беспокойся, святой отец, – ответил Косса. – Ты законный папа. Ты выбран Вселенским собором в Пизе. Пока еще не все западные христиане признают тебя, но скоро признают, ручаюсь тебе. Скоро ты сам убедишься в моей правоте. Не робей. Пошли и ты анафему старым папам. Она будет иметь большой вес, потому что ее подпишут все иерархи церкви, которые были на соборе в Пизе.

И на пятнадцатом заседании собора участники собора предали анафеме двух отвергнутых церковью пап. Их заклеямили как несправимых преступников. Григорию XII и Бенедикту XIII угрожали страшными наказаниями, применяемыми в подобных случаях, – сожжением на костре, если они не поспешат раскаяться и подчиниться решениям собора.

На торжественных литургиях народу было объявлено, что все анафемы, провозглашенные ранее отвергнутыми ныне папами, считаются недействительными [58].

Де Поте пишет: «Косса был “душой” собравшихся в Пизе церковных иерархов во время собора и продолжал оставаться “движущей силой” третьей, наиболее многочисленной группировки расколовшейся западной церкви после окончания собора. Он умело способствовал ее бурному росту и в конце концов должен был привести ее к победе. Александр V, человек безвольный и нерешительный, тем не менее видел, в какую пропасть попали оба старых папы: на созванные ими соборы явилось лишь незначительное количество служителей церкви, а народ тех местностей, где проходили соборы, был настроен очень враждебно. Особенно в Фриауле, где был созван собор Григорием XII. Григорий, почувствовав эту враждебность, решил, что самым правильным будет скрыться и таким образом избежать расправы. Переодевшись, чтобы не быть узнанным, он отправился в Латисану, где должен был сесть на корабль. Но люди разгадали его намерения, схватили его и отобрали у него все ценности» [79].

Александр V боялся такой же участи. Он не

знал, как поступать дальше, и надеялся только на советы Коссы. Тем более что финансовое положение святого престола было тяжелым. Папа ничего не мог предпринять. Он часто говорил:

– Когда я был архиепископом, я был богат. Стал кардиналом—стал беднее. Теперь я папа, и я нищий [104].

В это тревожное и смутное время Косса был единственным советником и экономической опорой папы Александра V. Однако, несмотря на то, что Косса давал Александру V столько денег, сколько тот просил, папа не переставал жаловаться и сетовать на свою судьбу.

– Что же теперь будет? – снова и снова спрашивал он. – Ведь нас теперь трое!

– Это не имеет значения, – спокойно отвечал Косса. – Разве впервые появились три папы сразу?

Действительно было время, когда западной церковью управляли три. . . и даже пять пап. Это необычайное событие имело место триста лет назад, после того, как умер папа Бенедикт VIII. Его брат, не имевший до этого никакого отношения

к церкви... купил папский престол и сделался папой под именем Иоанна XIX.

Почувствовав, что скоро должен умереть, Иоанн XIX завещал папский престол своему племяннику, сыну предыдущего папы, чтобы семья не лишилась дорого оплаченного поста. Племяннику его было тогда двенадцать лет (а по некоторым источникам—десять).¹⁸

Мальчик-папа уже в этом возрасте был испорчен до мозга костей. И по мере того, как он рос, росла и его распущенность. Один из последующих пап, Виктор III, писал о нем: «Это был не преемник апостола Петра, а преемник Сатаны.

¹⁸Специалист по истории католической церкви Ф. Эймар пишет:

«Назначение на папский престол двенадцатилетнего мальчика стало возможным потому, что семья графов Тускуланских (привыкшая поставлять пап) вновь не пожалела золота и оказала сильное давление на людей, которые должны были избирать папу».

Современник событий, французский летописец Равль Глабер пишет:

«Духовенство всех чинов открыто торговало церковными постами».

Он был настолько испорчен, грязен и подл, вел такую распутную жизнь, что я не осмеливаюсь описать ее». ¹⁹

Когда Бенедикту IX было около пятнадцати лет, возмущенные римляне прогнали его с престола. Тогда он обратился за помощью к германскому императору Конраду II и тот помог ему вернуться в Рим и снова занять папский престол. Охваченный страстью к женщинам, этот мальчик не изменил своего образа жизни, и римляне вторично подняли восстание, требуя его смещения.

Папа Виктор III пишет: «Римляне, возмущенные его развращенностью, низостью его нрава и страстей, похищениями женщин, убийствами, совершаемыми по его приказу, требовали смещения его и выборов другого папы» [87].

Папой был избран епископ Савоны Иоанн, на-

¹⁹Кардинал Бароний говорит о нем то же самое.

Глабер в своих «Летописях» пишет: «Никогда еще не процветали так проституция, кровосмешение, разврат любых видов, как во времена правления этого мальчика-папы, подававшего пример народу. — И заключает:—Каков пастух, таково и стадо».

зававшийся Сильвестром III. Это был второй папа. Но не прошло и трех месяцев, как Бенедикт IX снова занял папский дворец. Помогли ему в этом его родители и их друзья. Бенедикт предал анафеме Сильвестра III, так бесцеремонно прервавшего его «пастырскую» деятельность, и взялся за прежнее.

Однако он наконец понял, что ненависть народа к нему не утихает, и что, если он будет руководить паствой по-прежнему, дни его будут сочтены.

Виктор III пишет: «Бенедикт, предпочитавший жить как эпикуреец, а не как служитель церкви, решил выгодно использовать отстранение от папского престола и... продал его» [52].

Купил престол у папы Бенедикта IX его родственник, римский архипресвитер Иоанн Грациан. назвавшийся Григорием VI Это был третий папа. Бывший архипресвитер был, как пишет де Поте, скорее военным, чем священнослужителем, и плохо разбирался в церковных делах. Поэтому было решено приставить к нему еще одного иерарха церкви, который должен был по-

могать ему выполнять обязанности «духовного отца христианства». Таким образом на престоле оказалось сразу два папы, да были еще два отстраненных, но не примирившихся с отстранением. Создалось четырех-властие, вызывавшее недовольство римлян. Они потребовали устранить это противозаконно—выбрать нового папу, единого для всего западного христианства.

Разлад между панами не замедлил сказаться. Григорий VI и его помощник, договорившись, выступили совместно против вновь избранного последнего папы. Новый папа со своей стороны изо всех сил старался «освободить» святой престол от «прихлебателей», которые присвоили права папы и доходы святого престола и не желали признавать его единовластия. Раздоры не прекращались. Пять пап (Григорий, его помощник, вновь избранный папа, а также Сильвестр III и Бенедикт IX) одновременно претендовали на престол. Рим был разделен ими на районы.

Так, например, Григорий VI обосновался в районе собора святого Петра, Сильвестр III—у Санта-Мария Маджоре, Бенедикт IX—в Латера-

ие, при соборе святого Иоанна.

Когда германский император Генрих III приехал короноваться в Рим, Григорий VI, самый хитрый из всех пап, поспешил его встретить. После этого он с честью был принят императором и затем председательствовал на соборе в Сутри. Но один из монахов-отшельников тайно сообщил Генриху III о действительном положении вещей в Риме.

«Не допускай, господин, – писал он ему, – продолжения незаконного сожителства Ависаги Сунамитской с тремя мужьями (Бенедикт, Сильвестр и Григорий). Это твоя обязанность разъяснить преднамерение божье и разогнать скандальный тройной брак» [76].

Собор признал выборы Бенедикта IX, Сильвестра III и Григория VI недействительными, незаконными, симонистскими.

Епископ Бенжон пишет: «Император прогнал всех троих пан-дьяволов и предложил римлянам избрать нового папу по своему усмотрению. И так как в Риме не оказалось подходящего липа, папой был избран саксонец, епископ ванденберг-

ский, принявший имя Климента II. Через год он был отравлен Бенедиктом IX, который в третий раз занял святой престол» [76].

Об этих событиях трехсотлетней давности и напомнил Косса Александру V, стараясь воодушевить его и рассеять его страхи.

– Да... В былые времена могло случиться такое... Но лучше бы это не повторялось. – Папу возмущало поведение некоторых правителей. – Если бы короли захотели, раскол давно прекратился бы, – говорил он. – Но многие из них стараются увековечить раскол, например король Арагона, Кастилии, германский император Рупрехт и особенно неаполитанский король Владислав, самый опасный из них. Он находится так близко, он владеет Римом. Где же мое место? Не Рим ли должен быть моей резиденцией?

Косса и сам понимал, что папа будет в безопасности лишь тогда, когда Владислав, неаполитанский король, будет изгнан из Рима (проданного ему Григорием XII).

Задача эта была первостепенной в планах Коссы, и он давно уже энергично готовился к ее

разрешению.

Косса приложил много усилий для того, чтобы создать вокруг папы мощный союз, равно-го которому еще не было в Италии, для борьбы с самым сильным и опасным врагом святого престола—неаполитанским королем.

После длительных переговоров ему удалось убедить правителей Флоренции, Прованса, Сиены, герцога Людовика Анжуйского, претендента на трон неаполитанского короля и наиболее видных итальянских кондотьеров совместно выступить против Владислава.

Косса стал во главе войска союзников. Были захвачены Орниетто, Витербо, Монтсфиасконе, Корнето, Сутри. В последний день сентября войска Коссы окружили Рим. Первого октября был занят собор святого Петра и папский дворец, а еще через несколько дней крепость Костел-Сант-Анджело.

Три месяца продолжалась блокада. Но 2 января 1410 года ворота столицы западного христианства открылись перед войсками Коссы.

Наш герой облегченно вздохнул и поспешил

сообщить папе, находившемуся в Пистое, что войска Владислава разбиты и Рим свободен.

Освобождение Рима было не единственной причиной радости Александра: его признали папой Венгрия и государства Германии, не признававшие его раньше.

Теперь его не считали папой только Арагон и Кастилия в Испании (там папой признавался Бенедикт XIII) и Неаполитанское королевство, где господствовал Владислав, покровительствовавший Григорию XII.

Удручало Александра теперь только одно—отсутствие денег.

Биограф Александра V пишет: «Папа был беден, его содержал на свои средства кардинал Косса» [90].

А де Поте пишет: «Александр V был человеком образованным, но очень слабохарактерным. У него не было недостатков, которыми, по свидетельству летописцев, отличались многие клерикалы. Единственное, за что его порицали, — это за слабость к еде. Миланский историк Бернардино Корио пишет, что Александр V был великим гур-

маном. Его обеды продолжались часами. Обед тянулся до тех пор, пока не иссякало все, что было во дворце съедобного, или у главного повара уже не хватало фантазии выдумывать новые и новые блюда, которые возбуждали бы аппетит и без того склонного к обжорству папы. Повар должен был неукоснительно и благоговейно следовать рецептам блюд и сладостей, которые составлял сам пана. В таких случаях Александр V приглашал его к себе и они долго говорили о том, как приготовить и оформить эти блюда. Словом, папа Александр V был великим гастрономом».

Эти сведения миланский историк почерпнул из произведения Андре Биллиуса, летописца и современника Александра V. Корио отмечает также, что Александр V имел еще один недостаток: любовь к роскоши и пышности. «Но эта черта присуща вообще всем его землякам (грекам)». (На каком основании этот итальянец говорит так? Каких греков он имеет в виду? Может быть, византийцев—ведь дело происходит в 1410 году.)

Сисмонди пишет об этом папе: «Странный ха-

ракти у папы Александра V. Он был очень образован, добр, славился благотворительностью и стремлением к миру. Но вместе с тем был расточителен, безрассудно расходовал деньги святого престола, слепо доверял хитрецам и льстецам, обожал роскошь и вкусную еду. Еда стала его страстью, настолько сильной, что он сутками мог есть и пить, не вставая из-за стола и не ложась спать. (И это духовный пастырь западного христианства!) Не случайно поэтому двойное отношение к нему после его смерти. До сих пор еще во многих монастырях Болоньи Александра V считают святым. А в Риме говорят о нем как о раскольнике и антипапе!»

Косса щедро обеспечивал Александра V средствами, необходимыми последнему для удовлетворения его прихотей. Этим он держал папу в полной зависимости, делал все, что хотел, по существу управлял церковью. Но разве он первый поступал так? Разве не так поступал задолго до Коссы папа Григорий VII, личность в истории

папства выдающаяся ²⁰.

– Я хочу вернуться в Рим, – сказал Александр V нашему герою.

– Нельзя.

²⁰Этот суровый клерикал, прежде чем официально занять святой престол, по существу уже несколько лет управлял церковью, настойчиво проводя в жизнь свои идеи, и четыре предыдущих папы были лишь орудием в его руках.

Особенно послушным, полностью находившимся в его власти, был бывший епископ Лукки, папа Александр II.

Будущий Григорий VII видел, что намеченный им план проведения реформ находится в опасности, так как нерешительный Александр II не осмелится выступить против германского императора.

Чтобы Александр II не мешал ему, Григорий VII прибегнул к наиболее действенным мерам—лишил его средств и этим полностью подчинил себе правителя западного христианства. Он наложил руку на все доходы церкви и выдавал папе по пять сольди в день на жизнь.

Только таким образом ему удалось добиться проведения реформ, превративших церковь в силу, перед которой веками склонялись многие правители и даже императоры (вплоть до раскола).

– Почему? – удивился папа. – Разве Рим не освобожден нами?

– Рим наш, – ответил Косса, – но ехать туда небезопасно, окрестности его еще не освобождены. Перуджа в руках Владислава, еще заняты противником Остия и Тиволи. Поедем в Болонью. В такое смутное время это для тебя будет самое подходящее место. Я обещал народу, что укрою нового папу в Болонье, пока Рим и окрестности его не будут полностью освобождены [79]

²¹

– Нужно было бы послать буллу Людовику, – советовал позже Александру Косса. – Надо помочь ему получить трон. Только тогда мы окончательно избавимся от Владислава.

Булла была отправлена и зачитана всем, что-

²¹ Об этом же пишет и Сисмонди: «Косса хотел во что бы то ни стало перетащить Александра V в Болонью. II Александр, несмотря на протесты флорентийцев, последовал за честолюбивым легатом».

Ф. Эймар тоже отмечает: «Во время своего правления папа Александр V всецело подчинялся воле Балтазара Коссы».

бы каждый узнал о желании церкви передать Неаполитанское королевство в руки нового короля. Копию буллы с приложением множества обвинений и проклятий отправили Владиславу. Его обвиняли в том, что он:

1) Несмотря на приглашение, не явился на собор в Пизе, а только прислал представителей.

2) Покровительствует антипапе Григорию XII.

3) Незаконно занял многие районы Папской области.

4) Арестовал и заключил в тюрьму двух братьев Коссы—Микеле и Джованни, и двух его племянников, сыновей Гаспара Коссы.

5) Незаконно арестовал и посадил в тюрьму Христофора Каэтани, брата кардинала, и присвоил имущество этой семьи.

В это время бывший правитель Форлиμποли Джорджио делла Орделаффи поднял восстание, и Косса был вынужден отправиться туда. Восстание удалось подавить. Вернувшись в Болонью, он нашел Александра V больным. Это была какая-то странная болезнь. Он был вялым,

слабым и, раньше обладавший завидным аппетитом, абсолютно ничего не ел. Он таял на глазах.

Но что еще более странно—была больна и Яндра делла Скала. Правда, она заболела раньше, чем Косса отправился в Форлимпополи. Яндра, прежде такая жизнерадостная и живая, уже почти полтора месяца лежала в постели, и врачи не могли определить, что с ней.

Но сумели ли они, светила медицинского факультета Болонского университета, разгадать болезнь папы Александра V?

– Это душевная болезнь, – твердили эскулапы. – Пусть святейший отдыхает и ест побольше. Все пройдет.

Однако болезнь не проходила. Может быть, оттого, что папа не мог ничего есть. Папа, который сутками мог сидеть за столом, отворачивается от еды и неподвижно лежит в постели, в отведенных ему покоях на первом этаже бывшего дворца подеста в Болонье, о котором мы уже упоминали. Здесь святая инквизиция допрашивала когда-то Коссу и Яндру, и отсюда же похитили Яндру лихие студенты и пираты. Этот дво-

рец Косса сделал своей резиденцией.

Итак, в первом этаже дворца доживал свои последние дни измученный болезнью и уже почти ничего не чувствовавший папа Александр V, а этажом выше, в своей спальне, роскошно обставленной Коссой, в таком же состоянии лежала бывшая любовница могущественного кардинала. Она была похожа на труп. Тело ослабло, стало вялым и неподвижным, и единственное, что еще было живым, – это ее большие, красивые, горевшие беспокойным огнем глаза.

Она попросила причастить ее и после причастия позвала к себе Коссу. Он пришел, взял стул и сел у ее изголовья.

– Почему ты так странно смотришь на меня сегодня, Яндра? – спросил он, не сводя с нее глаз.

– Я причастилась, – неожиданно оживившись, ответила она. – Я готова к смерти. Она меня не пугает. Я хорошо прожила жизнь. Я узнала большую любовь. В тебе я нашла возлюбленного, о котором мечтала еще девочкой. . .

Как она на пего смотрела! Лицо ее расцвело в улыбке. Странная это была улыбка! Если бы она

не принадлежала умирающей красавице, можно было бы принять ее за улыбку иронии.

– Балтазар, – прошептала Яндра, улыбаясь своей странной улыбкой и глядя в глаза Коссе. – Скоро я тебя покину. Уже покидаю. Наверно, я не доживу до вечера. Но прежде, чем я уйду из твоей жизни, я хочу исповедаться перед тобой. Я должна поговорить с тобой, рассказать тебе то, чего ты не знаешь обо мне. Выслушай меня...

Она попыталась пододвинуться к нему. Легкое как паутина, ставшее почти прозрачным тело с трудом переместилось к краю постели. Взгляд ее снова встретился со взглядом Коссы.

– С того дня, как мы познакомились, ты всегда считал меня верной и преданной тебе возлюбленной... Я не была такой... Когда я впервые узнала, что ты изменяешь мне, я не находила себе места, душа моя разрывалась от ревности. И если бы не одно обстоятельство, я, наверно, умерла бы от горя... Ты помнишь Альберинго Джуссиано, бывшего кондотьера, который стал пиратом? Однажды ночью на Искье, когда я по своему обыкновению одна прогуливалась по бе-

регу, стараясь рассеяться, он, пьяный, подошел ко мне. Он меня не узнал. Он видел просто женщину. . . Он воспользовался тем, что сильнее меня, зажал мне рот, повалил и. . . овладел мною.

Она взглянула на Коссу, чтобы узнать, какое впечатление произвели на него ее слова. Но на лице его не отразилось никаких чувств.

– В первый момент я была в ужасе от случившегося, – продолжала слабым голосом умирающая, – но потом успокоилась и решила ничего не рассказывать тебе. Тем более что в ту же ночь я видела тебя с какой-то рабыней. На следующий день я опять встретилась с Джуссиано и по собственной воле отдалась ему. И каждый раз, когда я видела, что ты целуешь другую женщину, я платила тебе за измену изменой с Джуссиано и с. . . другими тоже. Даже с рабами. . . мусульманами.

Она не отрывала взгляда от лица Коссы. Стоя на краю могилы, она все-таки хотела знать, какое впечатление произведет ее признание на любовника. Лицо Коссы было непроницаемо.

– У меня становилось легче на душе, когда я изменяла тебе, я чувствовала злорадное удовле-

творение. Это помогало мне долгое время жить не терзаясь, как раньше. Я расплачивалась с тобой той же монетой. Я давно мечтала отомстить тебе, и это была моя месть. А если меня уж очень беспокоила какая-нибудь из твоих измен, я облегчала себе душу двойной, а иногда и тройной изменой тебе, Балтазар, я была близка почти со всеми мужчинами из экипажа твоих кораблей и многими, многими рабами... А когда ты стал слушателем церкви, я жила с твоими братьями во Христе, начиная с простых священников и кончая кардиналами...

Тщетно старалась Яндра уловить в лице своего друга хоть тень возмущения. Оно оставалось спокойным и бесстрастным. «Что же это? – спрашивала себя красавица из Вероны. – Что с ним? Ведь он всегда был таким мстительным!» Кажется, он не придает никакого значения ее словам, а она так страстно ждала этого часа, часа отмщения, самого волнующего в ее жизни! А он...

– Меня имели все твои знакомые и друзья, – продолжала она. – Слышишь, Балтазар? Даже Гуиндаччо Буонакорсо. Помнишь, однажды ты

пришел к нему и увидел в его постели нагую женщину, спрятавшую лицо? Это была я. Этот безобразный пират был моим любовником. И твой верный друг Ринери Гуинджи, тоже. . .

Косса, так долго и загадочно молчавший, прервал ее:

– Это Ринери сказал тебе, что Има приехала в Пизу?

Умиравшая не сделала ни одного движения, только глаза ее метнули молнию.

– Да. . . —сухо сказала она. — Ее ты любишь. . . И этого я особенно не могла простить тебе. . . В Пизе мне не удалось расправиться с ней. . . Но говорят, что это удалось в Милане. . . Она умерла. . . И пусть я умру, но и ее с тобой не будет. . .

– Ты ошибаешься, — спокойно сказал Косса. — Убийцы, которых ты купила, обманули тебя. Има жива.

Косса встал, прошелся по комнате, снова сел и заговорил:

– Откровенность за откровенность, Яндра. Я давно знаю о твоих изменах. Хотя и не сразу, но я понял, какое средство ты избрала, чтобы ото-

мстить мне! Я чуть не убил Буонакорсо, но добился того, что он рассказал мне все подробности о твоих любовных похождениях... и о Гуинджи тоже... Твоя искренность «заставляет и меня сделать тебе признание... Знай, что ты умираешь от моей руки. Ты отравлена страшным ядом, который приготовил мне один лекарь из Перуджи...

Легкий, как вздох, возглас сорвался с уст Яндры, глаза ее широко раскрылись от ужаса.

– Яндра, – тихо и спокойно продолжал Косса. – Я отравил тебя не за твои измены. Я терпел бы их и дальше, как терпел несколько лет, с тех пор, как увидел тебя нагой в постели Буонакорсо. Я узнал, что это была ты, исповедуя Гуиндаччо. Не измены твои меня волнуют. Ты погибнешь потому, что злобно и настойчиво преследовала Иму. А Име... ей, – и больше никому в этом мире, – принадлежат моя любовь и нежность...

И он направился к двери. Яндра вскрикнула, приподнялась на постели, тут же упала снова и замерла.

Косса обернулся, подошел к кровати и, протянув руку, закрыл глаза умершей. . .

А в огромном зале, превращенном в опочивальню, метался в агонии пана Александр V.

Врачи, кардиналы, придворные ожидали смерти критянина Петра Филарга за дверью его спальни, заранее убранной в траур.

Папе Александру V тоже не было суждено пережить день 3 мая 1410 года. . .

На следующий день толпы народа, оплакивавшие папу, сопровождали гроб с его телом к кладбищу при соборе святого Франциска (один из первых памятников готики в Италии, созданный в начале XIII столетия), где состоялась церемония погребения. Могилу Александра V закрыли богатой мраморной плитой, на которой был высечен портрет папы и надпись на латинском языке, хорошо видные и теперь.

ВЕЛИКИЙ ПАСТЫРЬ ХРИСТИАН АЛЕКСАНДР V (КРИТЯНИН ПЕТР ФИЛАРГ) СКОНЧАЛСЯ В 1410 ГОДУ [22]

Многие летописцы той эпохи и историки последующих времен склоняются к тому, что в смерти папы Александра V повинен Косса.

«Балтазара Коссу обвиняли в отравлении Александра V с целью занять его место на папском престоле. Обвинение Это не было снято с Коссы и после его смерти».

«Летопись Болоньи» отмечает: «Косса специально перевез в Болонью папу Александра V, чтобы отравить его там».

Морелли пишет: «Все в один голос твердили, что папу отравили по приказу кардинала Болоньи».

«Косса привез пану Александра V в Болонью, дал ему время составить и отослать буллу с проклятиями противникам папам Григорию XII и Бенедикту XIII и, не испытывая больше нужды в этом “послушном инструменте”, решил избавиться-

ся от него», – пишет де Поте.

Так ли это было на самом деле?

Мы должны напомнить читателям замечание Буркгардта о склонности итальянцев той эпохи любую внезапную смерть считать убийством.

Итальянцы не могли представить себе, что человек, тем более знатный, мог умереть естественной, смертью. Они были твердо убеждены, что любая смерть—это убийство.

Интересно, что биограф папы Александра V пишет: «Обвинение Коссы в том, что он ускорил смерть Александра V с помощью яда, – необоснованное обвинение» [90].

Еще более характерно, что Дитрих фон Ним, секретарь при нескольких папах, предшественниках Коссы, и при нем самом, который написал биографию папы-пирата, являющуюся памфлетом на него, не считает Коссу причастным к смерти Александра V [96].

Но если даже Косса не имел отношения к смерти Александра V, его трудно назвать святым, невинным агнцем.

3 мая, в день смерти Яндры и папы Алек-

сандра V, когда уже стало смеркаться, наш герой, спрятав под мантией два стилета, направился к маленькому домику у церкви святого Доминика. Быстро поднявшись по лестнице, он ворвался в спальню жившего там священника.

– Ты предатель и изменник, Ринери, – крикнул Косса. – Защищайся! – и бросил ему один из стилетов.

И так как Ринери непонимающе, молча смотрел на него, объяснил:

– Ты рассказал Яндре, что Има поселилась в Пизе. . . —И его стилет с силой вонзился в сердце его старого друга, епископа Фано [2].

Затем спокойно, словно ничего не произошло в этот день, Косса посетил нескольких кардиналов, чтобы договориться о выборах нового папы.

Переговоры эти были необходимы ему для полной уверенности в том, что, когда через несколько дней соберется конклав, он единогласно будет избран папой.

17 мая во дворце, из которого две недели назад вынесли двух покойников, собрался конклав [9].

Конклав состоял из семнадцати кардиналов, и большинству из них Косса обещал деньги, дома, виноградники или земли в различных районах Италии, а также самые высокие церковные посты, если они изберут его папой.

Сделки и подкупы подобною рода были обычным явлением при избрании папы. Каждый из кардиналов, который «по велению божию» должен был стать главой христианства, знал, что на следующий же день после избрания он потеряет все богатства, все «дары бога», накопленные за долгие годы кардинальской службы. У него не будет ни домов, ни денег, ни земель. Не останется даже домашней утвари. Дело в том, что люди, узнав, на кого из кардиналов дало «божье благословение», бросались к его дому и грабили дочиста. Уносили не только мебель, посуду, ковры и другие ценные вещи, но даже безделушки, украшавшие комнаты, а также захватывали земли.

И все-таки каждый из кандидатов в «наместники Христа на земле» радовался своему избранию, так как знал, что не останется внакладе.

Все, что он имел, будучи кардиналом, было лишь ничтожной частицей богатства, которое он получал, становясь папой. И, пользуясь своей властью, он мог без ущерба для себя одаривать своих сыновей, дочерей, племянников, а также высшие чины духовенства.

Наш герой, решив занять папский престол после Петра Филарга (Александра V), заранее совершил все сделки. Но главным орудием Коссы, орудием более результативным, чем богатые дары кардиналам, было его войско, содержащееся в Болонье, основная его опора ²².

И все-таки Косса опасался, что найдутся люди, которые сегодня, 17 мая, воздержатся от его избрания. Отдельные кардиналы серьезно задумаются, отдать ли ему свой голос, предвидя последствия, к которым это может привести. А что, если народ вдруг узнает, что он, служитель церкви, которого считают самым добродетельным,

²² Да Виореджо пишет: «Косса имел достаточно большое и хороню вооруженное войско, для того чтобы силой заставить кардиналов избрать его папой».

самым непогрешимым среди всех кардиналов, – бывший пират, убийца, распутник, палач?

Его приводила в ярость мысль, что кардиналы, получив богатые подачки и согласившись голосовать за него, могут передумать и избрать кого-нибудь другого, например Отгона Колонну. Он неожиданно вскочил со скамьи, где, казалось, спокойно сидел, умело скрывая волнение, быстро подошел к кардиналу Колонне и, пристально глядя ему в глаза, сухо сказал:

– Оттон, когда-то я помог тебе. Я не возражал, чтобы Иннокентий возвел тебя в сан кардинала. Помни об этом!

Косса отогнул полу красной мантии, и в руке его блеснуло лезвие стилета. Вплотную подвинувшись к знатному римлянину, он с силой вонзил стилет в крышку стола, за которым тот сидел. Горящие ненавистью глаза Коссы подозрительно всматривались в лица кардиналов—каждого можно было подозревать в том, что он проголосует против.²³

²³Случалось, что и на заседаниях конклавов, и на собраниях консисторий кардиналы дракой решали спор-

Косса снова посмотрел на кардинала Колонну.

– Ты будешь голосовать за меня, – резко, тоном приказа произнес он. – Если ты не сделаешь этого—пеняй на себя. Я убил семьдесят два человека. И для меня не составит труда убить еще одного.²⁴

ные вопросы, затрагивающие интересы обеих сторон (в случае, когда группировки были количественно равны).

Так было, например, на собрании одной из консисторий, где одна группа возглавлялась кардиналом Талейраном Перигорди, сторонником короля Богемии, а другая—кардиналом Комменги, поддерживавшим короля Венгрии. «Кардиналы в пылу спора публично называли друг друга “убийцей” и другими нелестными словами, и, по-видимому, характеристики эти не были преувеличением, – пишет де Поте. – Дошло до того, что оба пустили в ход кинжалы, и наверняка дело кончилось бы кровопролитием, если бы двое-трое более хладнокровных отцов церкви не разняли их».

²⁴ Да Виореджо пишет: «Рассказывают, что выборы Коссы не были свободными, и впоследствии папе было трудно опровергнуть это обвинение».

Но Косса ошибался, сомневаясь в Колонне. Римский кардинал недоуменно взглянул на бывшего неаполитанского пирата и с горечью спросил:

– Почему я вдруг не буду голосовать за тебя? Как тебе в голову могла прийти такая мысль? Разве я не был всегда твоим верным другом? – Действительно, этот знатный римлянин в течение многих лет был самым преданным Коссе кардиналом. – Ты напрасно сомневаешься, Балтазар. Я считаю, что ты больше всех достоин унаследовать вместо покойного Александра престол святого Петра... Я считаю тебя наиболее подходящей фигурой и знаю, что все остальные придерживаются того же мнения.

И он, как и другие кардиналы, от всей души отдал голос за Коссу, бывшего убийцу и пирата, твердо веря, что нет среди кардиналов человека, более способного и достойного занять пост «пастыря стада Христова». И, как человек наиболее подходящий, Косса был избран папой... Если считать первым римским папой апостола Петра, то Косса был двести шестым.

Возведение на престол было назначено на 25 мая 1410 года.

«Каким же именем назваться? – спрашивал себя Косса. – Под каким именем я стану известен как папа?»

Ни одно из имен недавно ушедших с престола корифеев церкви не прельщало его, все они запятнали свою репутацию: один жестокостью, другой—безжалостным угнетением народа, третий—зверскими убийствами. Двое последних вызвали всеобщую ненависть христиан, разгадавших их лицемерие: якобы стремясь к созыву общего собора, на деле оба они всеми средствами старались помешать этому.

«Как же мне именовать себя? Имя какого предшественника выбрать?»—раздумывал Косса.

Мысленно перебрав многие, он остановился на имени человека, оставившего яркий след в истории западной церкви, человека хитрого и властного, занимавшего папский престол почти сто лет назад, – это был папа Иоанн XXII.

Иоанну XXII удалось стать епископом и фа-

воритом папы с помощью фальшивого рекомендательного письма, будто бы написанного королем Робертом, тогда как король не имел к этому письму никакого отношения [87].

Заняв папский престол, Иоанн XXII сразу же выпустил буллу, в которой говорилось, что после смерти Геприха VII императорский трон остался вакантным и он, Иоанн XXII, как «наследник апостола Петра», «наместника Иисуса Христа на земле», уполномочен взять на себя управление мирскими и духовными делами христиан, а поэтому население не только Папской области, но и всей Италии должно подчиняться ему.

«Плохо придется тем, кто не признает моих полномочий! Я предам анафеме всех, будь то короли, властелины, простые священники, целые общины или университеты, и проклятие мое заставит всех признать меня единовластным правителем. После смерти Генриха VII я унаследовал императорский трон!»²⁵

²⁵Де Поте пишет, что тщеславие, пронизывающее папскую буллу, возмутило умы наиболее выдающихся людей эпохи. Данте, еще в «Божественной комедии»

Иоанн XXII возвел в сан кардинала своего сына Бертрана и отправил его своим легатом в Италию, снабдив буллой, в которой говорилось: «Я, великий понтифик, получивший от бога право по своему усмотрению распределять духовные и земные блага среди народа принадлежащей мне империи, посылаю в Италию кардинала Бертрана, моего сына, и передаю в его руки власть над ее островами, горами и равнинами. Он волен отторгать и присоединять земли, разрушать и строить, насаждать свои порядки» [89].

Чтобы облегчить Бертрану решение этой задачи, Иоанн XXII объявил крестовый поход, договорился с гвельфами выступить против гибеллинов, привел в движение механизм инквизиции в Ломбардии, предал анафеме правителей Милана

показавший неприглядное поведение «святых отцов», узнав о новых притязаниях папы, написал книгу «Монархия», в которой говорит, что короли не должны подчиняться церкви при решении политических вопросов.

Как только книга вышла в свет, святой престол не замедлил внести ее в список запрещенной литературы, вредно действующей па умы читателей-христиан.

и Феррары и закрыл все церкви в этих районах, чтобы вызвать возмущение народа против этих правителей. А властелина Ломбардии обвинил в еретизме и чародействе.²⁶

Папа Иоанн XXII предал анафеме также германского императора Людвига, обвинив его в присвоении трона, принадлежащего якобы святому престолу. Людвиг, по мнению Иоанна, должен отстраниться от трона и на коленях молить папу о прощении.

Папские крестоносцы грабили и убивали население Италии, сжигали дома, насильовали жен-

²⁶В анафеме Иоанна XXII правители Ломбардии Висконти обвинялись в том, что они не верят в воскресение Христа и пренебрегают исповедью. «Никто не смеет подать Висконти воды, дать им место у очага. Бегите от них как от чумы. Пусть Висконти, их дети, друзья и единомышленники лишатся всех своих богатств, пусть будут отвергаемы всеми, пока не будут все выловлены и наказаны подобающим образом—сожжены живыми». Далее в булле говорилось, что принявший участие в крестовом походе получит полное отпущение всех прошлых грехов от наместника Христа на земле («Генуэзские летописи», 1322 г., и «Летописи Италии»).

щин, крали детей.

Войска папы, годами бесчинствовавшие в Италии, пролившие столько народной крови, содержались на средства, получаемые в виде налогов с того же самого народа. Иоанн XXII, тративший огромные суммы на поддержку Берграна, сумел тем не менее скопить значительное состояние—восемнадцать миллионов деньгами и на один миллион ценностей. Источником этих богатств были налоги, получаемые им в странах, находившихся под его влиянием.

Папа Иоанн XXII первым ввел «аннату», то есть передачу в панскую казну всех церковных доходов, получаемых церковными чинами в первый год службы.

Это был энергичный, упрямый, неистовый религиозный фанатик, мстительный, алчный стяжатель с душой инквизитора, с беспокойной фантазией мистика и мракобеса. Он был не только видным теологом, ему принадлежат также труды по медицине («О глазных болезнях», «О ревматизме», «О развитии зародыша») и алхимии. Но столь обширные знания те мешали ему, подобно

многим его современникам, оставаться суеверным фанатиком.

Он был абсолютно уверен в существовании бога. Но он еще больше верил в существование сатаны. Считал сатану своим личным врагом и вел с ним упорную и бесконечную борьбу в течение двадцати лет.

Ему постоянно казалось, что его преследуют слуги сатаны, чтобы получить его душу раньше, чем он сумеет искупить свои грехи. Из его записок, писем и циркуляров видно, что он страдал манией преследования и боялся двух вещей: что его отравят или околдуют.

Он постоянно ощущал рядом присутствие сатаны, не желавшего нигде его оставить. Папа старался прогнать его молитвами, уговорами, угрозами, пытался осенить его крестным знаменем и окропить снятой водой.

Но ничего не помогало, сатана возвращался снова и снова, подсылал к нему отравителей и чародеев.

Иоанн XXII писал епископу Риэ: «Чародей Иаков Брамбасон и Иоанн Аман, лекарь, приго-

товили яд, чтобы отравить нас—меня и нескольких кардиналов. Но им это не удалось. Что же они тогда сделали? Вылепили из восковых свечей наши фигуры, читали над ними заупокойные молитвы, кололи их иглами с ядом. Однако бог оградил нас от несчастья, помог нам, и эти дьявольские фигуры попали в наши руки. Чародеи брошены в темные подземелья, откуда никто не выходит живым».

Только что Иоанну с таким трудом удалось изгнать дьявола из своего воскового двойника, как враги подослали ему другого, запрятав его в кольцо. Перепуганный папа впал в отчаяние—никакие молитвы не могли преодолеть волшебства. И он придумывал все более страшные наказания чародеям, считая, что все принятые меры еще недостаточно жестоки для них.

С упорством маньяка он продолжал эту борьбу, прибегая к пыткам, казням и молитвам.

Каорского епископа Уго Герардо, обвиняемого в чародействе, проволокли на железных крючьях по улицам Авиньона, раздирая ему одежду и лицо. А когда человек превратился в грязную

тряпку, пропитанную кровью, его бросили на костер, который был разложен напротив папского дворца у подножья скалы, рядом со старинной церковью пресвятой девы Марии, символизирующей у христиан сострадание и всепрощение.

Роджер Бэкон, Раймонд Люллий, Альберт Великий, Дайте и многие другие мыслители были объявлены еретиками и чародеями.

Папа, старый и немощный, стоявший на краю могилы, способный лишь ненавидеть, с садистской жестокостью мучил и пытал всех, кого ему удавалось поймать, а затем отправлял на костер. После сожжения Уго Герардо костры запылали в Марселе, где сжигали последователей святого Франциска—францисканцев за нежелание отказаться от проповеди «святости нищеты» [3].

«Да, этот папа был достойной фигурой, – думал Косса. – Его имя я и должен взять».

И при возведении на святой престол, происходившем в Знаменитом соборе святого Петра, он принял имя Иоанна XXIII. Он был прав по-своему.

* * *

«Нужно заметить, – пишет аббат Мурре в своей многотомной “Истории папства”, – что с приходом Иоанна XXIII светский дух проник на святой престол».

И даже Л. Пастор, известный историк западной церкви, пишет: «Из всех последствий рокового собора в Пизе избрание папой Иоанна XXIII было самым роковым. Конечно, Иоанн XXIII не был тем чудовищем, каким описывают его враги. Но известно, что его интересовали только мирские дела, что Иоанн XXIII думал лишь о собственных материальных выгодах, что он был искусным и льстивым политиком, упорным в достижении цели, был больше воином, чем служителем церкви».

Страшные обвинения, предъявленные ему после пяти лет правления, были бездоказательны. Не вызывает сомнений лишь одно: этот искусный политик настолько погряз в разврате, что у него не оставалось времени для исполнения обязанностей служителя церкви.

С. Антонио пишет: «Папа Иоанн XXIII (Бал-

тазар Косса) великолепно разбирался в светских делах, но не в делах церкви». ²⁷

Заняв престол, Косса в первую очередь взялся за восстановление своих средств, изрядно сократившихся в последние полтора года, когда он содержал Александра V, бездумно и широко тратившего чужие деньги. Огромная доля его сокровищ ушла также на взятки «братьям кардиналам», которые должны были избрать его папой.

Как же поправить дела?

Балтазар недаром много лет служил у торговца церковными постами папы Бонифация IX. Он многому научился за это время.

Во все города Европы были разосланы папские доверенные лица, и каждый из них вез с собой мешок с индульгенциями.

²⁷ Пастор отмечает: «Требуется специальное изучение деятельности Иоанна XXIII, если мы хотим отделить правду от лжи, которые тесно переплелись в описаниях этой личности». Эргенротер, Раймонд, Хефеле, Пастор, Эрлер довольно благосклонно относятся к Иоанну XXIII. Единственное обвинение, которое они выдвигают против него, – это обвинение в распутстве.

Прибыв в какой-нибудь город, они занимали самые большие и красивые здания, вывешивали флаги с вышитыми на них «ключами святого Петра» и приказывали звонить в колокола.

Затем действие переносилось в церковь. Посредине «святилища» устанавливался «трон», на него усаживался посланец папы, а над ним, на четырех палках, натягивалось «небо». «Наверно, для того, чтобы с потолка не могли упасть муха или клоп и запачкать лысину высокого гостя», – иронизирует Дитрих фон Ним, секретарь папской канцелярии.

Посланцы, обращаясь к верующим, призывали их покупать индульгенции, уверяя, что деньги эти будут использованы для организации крестового похода.

– Покупайте, братья, – взывали они, – платите щедро! Святейший готовит крестовый поход, чтобы помочь христианам Константинополя! Они в опасности, их окружили турки. Не жалейте денег на святое дело! С их помощью спасутся не только христиане в Константинополе, но и вы сами! Отдадите немного, а с вас снимет-

ся любой грех, который вы совершили! Спасайте себя от мучений, которые ждут вас и чистилище после смерти! Спасайте души свои и своих близких!

Они были настойчивы и наглы. Никто не осмеливался сомневаться в их правоте. А если кто-то и выражал сомнение, ответ на это был готов.

– Святой отец, властитель ваших душ, послал нас, мы только его верные слуги. Ты сомневаешься в нем? Значит, ты еретик, раскольник, мятежник.

И человека начинали преследовать как «еретика и отщепенца».

Дитрих фон Ним рассказывает: «Мне самому часто приходилось слышать, как посланцы папы громко выкрикивали:

– Сам святой Петр, если бы он был жив, не имел бы таких полномочий отпускать вам грехи, какие дал нам папа Иоанн!»

Даже в самых маленьких городах от продажи индульгенций выручали от шести до восьми тысяч золотых флоринов. Один только герман-

ский город Любек дал двадцать тысяч золотых монет. А во всей Германии папским посланцам удалось собрать более ста тысяч золотых. Чтобы увеличить количество городов, где можно было бы продавать индульгенции, Косса сразу же после возведения на престол начал переговоры с теми правителями, которые не считались с постановлениями собора в Пизе, и сумел убедить тех, кто не признавал его предшественника Александра V, признать папой его, Иоанна XXIII.

Как мы уже знаем, Косса был выдающимся политиком, и это качество помогло ему договориться не только с королем Венгрии и Богемии Сигизмундом, но и начать переговоры со старым врагом святого престола—неаполитанским королем.

Увеличилась территория, увеличилось количество людей, находившихся в духовном подчинении у нашего героя; агенты Иоанна XXIII, продававшие «отпущение старых и новых грехов», проникли почти во все страны западной Европы.

Их можно было увидеть во Франции, Англии, Германии, Италии, Польше, Богемии, Венгрии и

других странах.

– Покупайте, грешники! – взывали они к народу. – Если вы верующие—покупайте! Позаботьтесь о загробной жизни, очистите от грехов ваши души! Покупайте, недорого продается! Какое значение имеют для вас эти гроши!

Напрасно народ жаловался на нищету и голод, к которым привели постоянные войны.

– Еретики, безбожники! – ругались торговцы индульгенциями. – Лучше отдать все, что у вас есть, а потом умереть от голода, чем мучиться после смерти! Покупайте, а то не получите прощения после смерти! И напрасно будете молить бога о спасении души! Если не купите индульгенцию—ничто вам не поможет, если вы даже сутками будете молиться на коленях [65]!

28

²⁸Надо сказать, что этот способ выкачивания у народа денег в пользу западной церкви был изобретен не нашим героем.

Читатели помнят, как широко использовал торговлю индульгенциями папа Бонифаций IX. Однако он тоже не был первым. Это началось задолго до него.

В 1032 году монахам старинного монастыря в Касав-

ре удалось убедить одну очень богатую семью в необходимости внести баснословную сумму на восстановление монастыря.

– Вы должны отдать эти деньги, чтобы спасти себя от страшного наказания за грехи, совершенные вами, – заявляли монахи. – Иначе вы уйдете в другой мир непрощенными и попадете в ад, где дьяволы денно и ночью будут пытаться и мучить вас.

Явившись однажды к богатому феодалу, маркизу Мальфридо, монахи из монастыря с острова Тремити заявили, что ему не избежать гнева господня за грехи, которых у него было великое множество. А между тем, чтобы искупить их. . .

– Ну? – с тревогой и надеждой спросил маркиз. – Что же я должен сделать?

– Есть лишь один верный способ, – ответили монахи. – Перед смертью ты должен оказать нам милость и написать завещание, в котором укажешь, что монастырь должен унаследовать все твое имущество и земли, этим ты спасешь свою душу.

И человек внял их совету [75].

При папах Клименте IV, Николае III и Урбане V разрешалось отпускать умирающему треть его грехов, если он сам облачится в одеяние монаха-францисканца (или после смерти его оденут родственники), которое будет служить ему саваном, а имущество его забирала церковь [87].

Посланцы Иоанна XXIII проникали всюду, успешно выкачивая деньги у простого народа. Они добирались до самых отдаленных деревень в различных странах Европы. До нас дошли письменные свидетельства, показывающие, что не всегда их операции проходили беспрепятственно, что иногда они бывали вынуждены идти на некоторые затраты, чтобы обеспечить себе успех.

Вот письмо из одной деревни:

«Нам удалось собрать сто скудо. Но на десять из них мы угостили деревенского священника, чтобы он помог нам».

По запискам, оставшимся после различных служителей церкви той эпохи, можно составить представление о сборщиках-посланцах папы Иоанна XXIII и других пап.

Это были псевдомонахи, проходимцы, шарлатаны и лжецы, использовавшие простодушную веру простых людей, льстецы и обманщики, готовые на все, лишь бы выманить деньги. А когда им это удавалось, они издевались над этими же людьми и гордились, что обман сошел так удач-

но. Их постоянными словами были:

– Платите! И мы вымолим для вас прощение [87] ²⁹.

Разумеется, папские посланцы не отличались большой честностью, и папа часто приходил в ярость, получая от них мизерные суммы.

²⁹ Фома Аквинский, теолог, рассказывает о папских посланцах: «Они поднимались в горы, пересекали реки, грабили простодушных бедняков, забирая у них даже самое необходимое. А для того чтобы им не чинили препятствий, они часто сговаривались с местными священниками:

– Если ты соберешь свою паству в центре деревни, мы выделим тебе треть из вырученных денег. Вместе с нами ты будешь есть, что хочешь, будешь пить за здоровье тех, кто нам заплатит. . . »

Далее Фома Аквинский говорит:

«Священники, в большинстве своем взяточники и распутники, готовые все отдать за деньги и еду, охотно вступали в сговор с посланцами папы, способствуя мошеннической продаже индульгенций, а затем началась оргия, на которую приглашались зажиточные крестьяне (с дарами). Они шли охотно, думая при этом: “Повеселюсь, покучу сегодня. А завтра возьму индульгенцию и мне простятся все грехи” [88].

– Мошенники! – кричал он. – Плуты, обманщики, жулики! Кого вы хотите обмануть, возвращаясь с пустыми руками?

– Святой отец, – отвечали лицемеры. – Несчастный народ очень беден. Мало кто может купить индульгенции, поэтому мы и привезли немного.

Чтобы оградить себя от обмана, Косса придумал следующее: были напечатаны новые индульгенции, отдельные для каждого греха, на которых была указана их стоимость. Уплативший означенную сумму освобождался от указанного греха. А Иоанн XXIII точно мог определить размер своих доходов.

Его посланцы получали определенное количество индульгенций, за которые должны были выручить определенное количество денег. Воровство прекратилось.

«Тарифы» этих папских индульгенций дошли до нас. И мы видим, что «избавление от греха» стоило не очень дорого. Так, например, человек, убивший мать, отца или сестру, мог «искупить» грех, заплатив всего один дукат за индульгенцию.

Человек, который убил жену, чтобы жениться на другой, должен был уплатить два дуката. Убивший простого священника платил четыре дуката, епископа—девять дукатов и избавлялся от мучений в аду.

Отравление не считалось тяжелым грехом, если судить по тому, что отравитель должен был уплатить всего полтора дуката. Гораздо дороже платили люди, нарушившие какие-либо обязательства, — девять дукатов.

Монахи, совершавшие прелюбодеяния в монастыре или вне его, должны были заплатить за отпущение греха восемь дукатов. Грех скотоложства оценивался в двенадцать дукатов.

Монахини, согрешившие в монастыре или вне его, избавлялись от греха за девять дукатов, причем им предоставлялось право остаться в монастыре, а если это были настоятельницы, они не лишались почестей и продолжали управлять монастырями ³⁰.

³⁰Де Поте пишет, что «тариф» этот имел 385 пунктов. Он указывает, между прочим, что если священник совершил преступление, похоронив человека, прокля-

В разное время были найдены «тарифы» на индульгенции, выпускавшиеся другими папами. Укажем некоторые из них. Церковнослужитель, виновный в распутстве, за спасение души должен уплатить три дуката.

Чтобы спасти душу, сожителемствовавший с матерью, дочерью или другой близкой родственницей должен заплатить два дуката. Изнасиловавший девушку может искупить грех, уплатив два дуката.

Желающий во время поста есть яйца, масло и мясо должен заплатить за индульгенцию два с половиной дуката.

Тот, кто воровал, поджигал или убивал в прошлом, может искупить грех, уплатив два дуката.

Де Поте указывает, что стоимость некоторых индульгенций была настолько велика, что доступны они были только богатым людям. Бедняки могли умирать, не получив отпущения гре-

того церковью (если он знал об этом), он должен был заплатить столько же, сколько убийца отца, матери или жены.

хов от того, кто назвал себя наместником Христа на земле, призванным утешать «страждущих и обремененных».

Нужно добавить, что на Тридентском соборе в 1560 году «тарифы» эти были включены в список запрещенных книг, а фанатичный король Испании Филипп II приказал даже уничтожить их. Де Поте указывает, что предусматривались и другие наказания за грехи, устанавливаемые на основании церковных канонов и тоже включенные в «тариф». Так, например, тот или иной грех можно было искупить постом, сроки которого устанавливала церковь, — день, месяц, год и так далее. Но грешник мог избежать поста, уплатив в папскую казну значительную сумму.

Как правило, богатые люди так и поступали—откупались, а затем грешили снова. Назначение «выкупа» стало серьезным источником дохода для служителей церкви, использовавших широко и с большим мастерством эту доходную монополию.

Они увеличивали наказания, делали их более утомительными и жестокими, и соответственно

увеличивался и «выкуп». Индульгенции и увеличение платы за «особые» грехи принесли Иоанну XXIII огромную сумму, а это дало ему возможность действовать более решительно. Он снова вступил в переговоры с упорным врагом римского престола неаполитанским королем Владиславом.

«Если ты не будешь поддерживать Григория XII и признаешь власть римского престола, я уплачу тебе сто тысяч золотых флоринов», – писал Косса Владиславу. Владислав, испытывавший большие денежные затруднения, согласился. Он созвал церковных иерархов своего королевства, и они решили не подчиняться больше Григорию XII, а признать единственным папой Иоанна XXIII, кандидатура которого, как главы христианства, была выдвинута еще собором в Пизе.

«Мы признаем тебя единственным законным папой для всех стран Западной Европы, в том числе и для Неаполя тайского королевства», – писали они.

Косса отсчитал сто тысяч золотых Владиславу, а Владислав предложил Григорию XII, кото-

рый гостил у него в Гаэте, немедленно убираться вон.

«До наступления октября ты должен покинуть мое королевство», – писал он бывшему папе.

И Григорий с тремя кардиналами, оставшимися при нем, вынужден был накануне зимы покинуть такой гостеприимный недавно кров. Он отправился в порт и сел на венецианский корабль. В открытом море его ждала засада, организованная Гаспаром Коссой, которого предупредил о выезде Григория Балтазар.

Но судьба смилостивилась над старым папой, кораблям удалось уйти от погони в Адриатическое море и благополучно пристать в Римини, где правителем был друг папы Григория Карл Малатеста.

Косса, расплачиваясь с Владиславом, не нанес ущерба личному капиталу. Деньги эти он получил... от четырнадцати новых, выдвинутых им кардиналов. Это они отдали за свое выдвижение сумму, превышающую даже ту, которая понадобилась для подкупа Владислава.

Утвердившись в Неаполитанском королев-

стве, Иоанн XXIII тут же предал анафеме папу Григория XII, лишившегося надежного убежища у Владислава, и папу Бенедикта XIII, который жил теперь в Испании.

Папа Григорий XII, несмотря на то, что Иоанн стоял теперь во главе почти всего западного христианства, не сдавался и на анафему ответил анафемой.

Но Коссу теперь уже ничто не пугало. Власть его была общепризнанной. Ему удалось навести порядок и в Польше, где еще бушевала разрушительная война между королем и крестоносцами, посланными предыдущим папой.

Страну наводнили толпы авантюристов, выразивших желание «служить западной церкви» и беззастенчиво грабивших народ.

Иоанн XXIII направил послом к польскому королю архиепископа Пьяченцы, которому удалось примирить короля и крестоносцев.³¹

³¹ Да Виореджо пишет: «Тевтонские рыцари-крестоносцы, несмотря на численное превосходство, несли большие потери от войск Владислава Ягелло. И Иоанн XXIII, выступив посредником между воюющими сторонами, заботился главным образом о

Шло время, события развивались благоприятно для Коссы. За небольшим исключением, все западноевропейские страны признали его единственным законным папой.

Теперь наконец Косса мог осуществить свою мечту—торжественно войти в свою настоящую столицу, в Вечный город. Восторженные толпы римлян приветствовали папу Иоанна XXIII [104].

Обосновавшись в Риме, Косса в первую очередь постарался пополнить свою казну, выдвинув для этого еще нескольких кардиналов, а затем обратился с письмом к папе Григорию XII.

«Все признали меня папой. Отрекись, перестань служить причиной раскола церкви. Соверши благое дело, признай и ты меня. Если ты согласишься, то, кроме поста первого кардинала, получишь еще пятьдесят тысяч флоринов» [79].

Но Григория XII не соблазнили пятьдесят тысяч флоринов, он хотел быть папой, и его от-

крестоносцах». «Владислав, — пишет Фостер, — соглашался на перемирие лишь при условии, что рыцари вернут все награбленное и заплатят еще шестьсот тысяч флоринов королю. Условия эти были приняты»

ветом была новая анафема Иоанну XXIII. Иоанн тоже ответил проклятием и занялся подготовкой к собору, который должен был решить вопросы, поднятые еще на предыдущем соборе в Пизе.

В 1413 году в Риме торжественно открылся собор, на котором присутствовали представители всех западноевропейских государств: Франции, Германии, Кипрского и Неаполитанского королевств, Флоренции, Сиены и других. Выступавшие на соборе ораторы особое внимание уделяли осуждению еретического учения Виклифа, проникшего в континентальную Европу. Виклиф, крупнейший профессор теологии Оксфордского университета, почти за 150 лет до Лютера требовал реформации и оздоровления церкви. Виклиф энергично отстаивал право английской или любой другой национальной церкви бороться с посягательствами святого престола на их самостоятельность.

Он считал, что собственность церкви является в то же время и государственным достоянием, и, если церковь допускает злоупотребления, государство может и должно конфисковать собствен-

ность у церкви. Он выдвинул идею о необходимости перевода библии с латинского на все другие языки, чтобы сделать ее доступной и понятной

32 .

³² До 1381 года и король Англии и крупные феодалы поддерживали Виклифа, потому что завидовали богатству церкви и стремились завладеть ее землями. Но происшедшее в 1381 году крестьянское восстание заставило сплотиться всех, кто имел власть, и Виклиф оказался в изоляции. Учение его было осуждено и объявлено еретическим. Пришедший на трон Генрих IV из династии Ланкастеров нуждался в поддержке церкви (фактически он стал послушным инструментом в ее руках) и начал гонения против лоллардов—сторонников учения Виклифа. И в 1401 году палата общин приняла статут против еретиков,

«Жалкие проповедники, достойные осуждения, – говорилось в статуте, – толкают народ на мятеж, а служители церкви не знают, как бороться с ними, как выловить их и наказать. Глашатаи “новых идей” свободно разъезжают по странам, появляются то в одном, то в другом епископате, пренебрегая запретом церкви. Отныне епископам дается право арестовывать и заключать в тюрьмы еретиков лоллардов. Если же они будут и там продолжать отстаивать свои идеи, не захотят отречься от еретического учения, они будут переданы в руки светских властей, которые обязаны будут приве-

Уже два месяца в Риме шел собор, созванный Иоанном XXIII. Когда работа его подходила к концу, у Коссы созрел план борьбы с английскими еретиками. Он подговорил послушного ему кардинала Джамбареллу выступить перед собором с официальным обвинением их.

«Проклятым нечестивцам, – внушительным голосом читал кардинал, – удалось перетащить заразу в континентальную Европу. Ими написано множество книг, которые распространяют эту эпидемию. Против этого есть только одно действенное лекарство: сжигать—и книги, и тех, кто повинен в их распространении» [79].

Благочестивые и уважаемые святые отцы,

сти в исполнение установленное церковью наказание. Еретики будут сожжены на костре, а к месту казни должен быть согнан народ, чтобы участь этих “проповедников” послужила примером тем, кто собирался следовать их учению».

Беспощадно преследовал лоллардов и следующий король, Генрих V, обвиняя их в том, что они организуют заговоры против Англии. Начались повальные аресты, пытки и убийства [66].

члены собора и гости, собравшиеся в Ватикане у престола святого Петра, с умилением выслушали вдохновенную речь кардинала и выразили согласие наказать «нарушителей спокойствия», воюющих против церкви, совершить «богоугодное дело»... сжечь все книги. Как только прозвучало последнее проклятие кардинала еретикам, поднялся папа Иоанн XXIII, вышел из собора, спустился по лестнице на площадь, где уже пылал костер, зажженный служками, взял из рук священников несколько еретических книг и бросил их в огонь [74].

Когда «благочестивое дело» было совершено, святые отцы, решив, что момент сейчас самый благоприятный, подошли к святейшему и почтительно, но твердо попросили его быть более воздержанным и не совершать впредь поступков, несовместимых с саном служителя церкви.

Кардиналы и архиепископы смиренно просили Иоанна XXIII изменить свое поведение, несообразное с его положением, прекратить злоупотребления в делах церкви, которые становятся все более явными [79].

Такие обращения к папе бывали и раньше: от представителей французского духовенства, особенно от Парижского университета и Верховного церковного суда Парижа, но все они не давали никаких результатов. О чем говорилось в этих обращениях? Какие требования и обвинения предъявлялись папе? Только ли его морали они касались? Конечно, всем хотелось, чтобы папа вел себя более достойно. Конечно, вызывала недовольство торговля индульгенциями, но... ими торговали и предшествующие папы. Значит, причина была в чем-то другом? Недовольство было вызвано тем, что вновь избранный глава христианства занимался... ростовщичеством! Занимался открыто, не таясь, следуя установленным им самим хитроумным правилам. Ростовщичество было основным источником его обогащения. Он не только восстановил утраченное, но и получил огромные прибыли. Следуя определенной системе, усердно изучив дело, нещадно обдирая клиентов, этот опытный ростовщик сумел в конце концов открыть банк, отделения которого имелись в больших и малых городах Пап-

ской области. Богатые и бедные, все, кто почему-либо нуждался в деньгах, обращались в банк и его отделения, а папа, не стесняясь, драл с них три шкуры за ссуду. Причем люди, нуждавшиеся в деньгах, могли обратиться только в папский банк, потому что Иоанн XXIII беспощадно преследовал всех других ростовщиков. Монополия ростовщичества в папском государстве принадлежала ему.

«Благодаря искусному ведению этого доходного дела Иоанн XXIII скопил баснословное богатство», – пишет Дитрих фон Ним.

Обвинение в ростовщичестве было одним из самых главных, предъявленных нашему герою (если не считать широкой продажи индульгенций во многих пунктах христианского мира).

Особое же недовольство и ропот среди народа вызывали более тяжелые провинности папы Иоанна XXIII: его неодолимая порочная слабость к женщинам, его развращенность, кровосмесительные связи, эротические похождения.

Как в прежние времена, когда он был пиратом, а потом студентом в Болонье, так и те-

перь, когда он стал папой, «духовным пастырем христианства», его неудержимо влекло к красивым женщинам. Он нисколько не переменялся. Сидя на папском престоле, он переписывался с правителями, рекомендуя всем вести «праведную жизнь», «не сворачивать с прямой дороги добра», «с пути, указанного господом», а сам делал все наоборот.

Римляне видели, что этот «духовный пастырь», «блюститель нравов», призывавший в своих буллах и посланиях к моральной строгости и воздержанию, сам оставался все тем же волком, охотившимся за нежными овечками.

Только теперь, когда он стал папой, ему легче было «укрощать» тех из них, которые оказывали ему сопротивление.

Активность его на этом поприще с годами только возросла. Теперь, когда он был не простым священником и даже не средним иерархом церкви, а «отцом христианства», его некому было контролировать. Теперь никто не мог ему препятствовать в его распутствах. Его связи с распутными женщинами или с девушками, которых

он сам развращал, словно сладострастная обезьяна, а затем бросал на произвол судьбы, были бесконечны. Как раз в это время началась его связь с Динорой Черетами из Перуджи. Читатели помнят, может быть, что, еще будучи молодым пиратом, наш герой имел связь в Неаполе с молодой девушкой, которую звали Констанцей. Через несколько лет, в бытность свою кардиналом при папе Бонифации IX, Косса вступил в связь с дочерью Констанцы, утверждавшей, что девушка эта—его дочь. И вот теперь он стал любовником уже своей внучки, Диноры, которая носила фамилию Черетами, так как Косса сумел выдать замуж свою тогда юную любовницу, ее мать, за Черетами, состоятельного буржуа, ученого лекаря и владельца аптеки в Перудже.³³

Диноре было четырнадцать лет. Мать ее, Джильда, неоднократно говорила нашему герою, что ее дочь—и его дочь (как ее мать, Констанца,

³³Многие летописцы утверждают, что Черетами доставлял Коссе яды, которыми были отравлены многие неугодные ему лица.

утверждала когда-то, что Джильда родилась от него). Но Иоанн XXIII делал вид, что не верит этому, хохотал, принимая это за шутку, и сумел увлечь девочку. Но и мать и бабушка девочки говорили об этом Иоанну только ради приличия. Притворно сердился и глава семьи Черетами, но Косса, оказавший немало услуг отцу семейства, не обращал на это внимания. Что касается девочки, ей очень льстило внимание такого высокопоставленного лица.

– Балтазар. – лукаво улыбаясь, спрашивала она нашего героя, – это правда, что ты мой отец и дедушка?

И хвалилась перед матерью и бабушкой:

– Я теперь важная особа. Сам папа римский без ума от меня [2]!

Читатели должны иметь в виду, что в ту эпоху каждая женщина или молодая девушка считала за честь иметь любовную связь с высокопоставленными церковниками. Петрарка в своих «Письмах без адреса» приводит вызывающие удивление Примеры стремления молодых девушек быть

³⁴Так как невозможно все «Письма» привести в данной книге, мы ограничимся пересказом одного из них, письма XVI, где говорится о морали церковных иерархов.

Один из приближенных какого-то кардинала вел переговоры с юной девушкой и ее семьей о том, чтобы она явилась к этому кардиналу. Поскольку речь шла о таком высокопоставленном церковнике, девушка с радостью согласилась. Каково же было ее возмущение, когда она встретила лысого беззубого старика, одетого в светское платье (специально для любовной встречи!). Девушка решила, что ее заманили в ловушку, что старик этот совсем не кардинал, а обманщик и соблазнитель. Она стала плакать и угрожать, что выцарапает глаза этому немощному старикашке, которого подсунули вместо обещанного ей и ее семье «принца церкви». Святой отец понял, что девушку не уломать, если она не увидит его в полном кардинальском облачении, во всем его величии, и вынужден был выйти и надеть красную шапку кардинала, служившую отличительным знаком церковных иерархов.

– Теперь ты веришь, что я кардинал?! – гневно крикнул он девушке, столько времени мучившей его своей несговорчивостью. – Я кардинал. Тебя не обманули. Веришь теперь?

Естественно, что сравнительно молодой, красивый и всемогущий Балтазар Косса легко склонял к любви молодых женщин и девушек. Ежедневно из пятидесяти красивых женщин он выбирал красивейшую. Во Флоренции, в Болонье, а теперь в Риме он часто приказывал своему верному приближенному Буонакорсо:

– Гуиндаччо. помести девушку в такой-то монастырь. . .

Настоятельницы любого из монастырей лезли из кожи вон, чтобы услужить «отцу христианства». В монастыре готовили несколько комнат, постель с белоснежными благоухающими простынями, чтобы оказать достойное гостеприимство редкому высокому гостю и его подруге, создать все условия для его «телесных радостей».

Растолстевший гигант в лепешку расшибался, чтобы угодить своему хозяину.

– Хорошо, святой отец, через полчаса она будет на месте. . .

Так описывает жизнь монастырей П. Аретино. Может быть, не во всем он прав, может быть, он несколько преувеличивает, и это вызывает

недоверие у читателей. Но все-таки надо признать, что нравы в монастырях и их влияние на народ несколько отличались от теперешних!

Насколько было велико это отличие, видно из указа, изданного в 1403 году Балтазаром Коссой в Болонье, где он был тогда папским легатом.

В указе говорилось:

«Чтобы сохранить непорочность нравов и честь монахинь, живущих в святых обителях, оградить их от соблазна... мы Запрещаем доступ в монастыри светским лицам мужского пола без специального разрешения высшего церковного правителя города, так как они легко могут встречаться там с монахинями и разговаривать с ними. Мы запрещаем также игру на гармонике и других музыкальных инструментах вблизи монастырей. Нарушитель нашего указа будет задержан и должен будет уплатить в папскую казну 25 золотых. Виновная в прелюбодеянии монахиня должна будет уплатить штраф 500 дукатов, а в некоторых случаях может быть приговорена к смерти» [44, 91].

Почему именно Косса так заботился о нрав-

ственности монахинь? В других местах наказания за «грех» не были очень строгими. Обычно согрешившую монахиню раздевали и пороли на глазах «сестер», не сажали за стол, заставляя еще при этом языком вылизывать изображение креста на полу, и то только в тех случаях, когда она была поймана на месте преступления. Итак, Иоанн, еще до того как он стал папой, строго следил за нравственностью «христовых невест». Не потому, что он очень заботился об их непорочности, а просто потому, что считал светских мужчин опасными соперниками и, желая обеспечить свою «монополию» хотя бы в монастырях, всеми способами старался оградить себя от них.

Косса считал, что только он сам может наслаждаться чистотой «христовых невест». Как пишет Дитрих фон Ним, а затем и де Поте, Иоанн XXIII за время своего правления лишил девственности триста «христовых невест».

Но только ли одному Коссе приносили монахини в жертву свою «чистоту»? Это сомнительно.

Ни монахини, ни монастыри в те времена не

были похожи на теперешние. Монахинь не содержали там взаперти, как можно было бы предполагать. И они совсем не оставались слепы и глухи к тому, что кардиналы и другие корифеи церкви в их монастырях устраивали встречи со своими светскими любовницами. Любая из монахинь с завистью поглядывала на счастливых женщин и девушек, только что покинувших объятия Иоанна XXIII. И любая из них при случае обращала к нему зовущий и страстный взгляд.

Заметим, что большинство девушек, призванных стать «христовыми невестами», шли в монастырь не по собственной воле.

Девяносто процентов из них попадали в монастырь по воле родителей еще шестилетними девочками. Содержание в монастыре обходилось дешевле, чем воспитание дома [69, 91].³⁵

³⁵Насильственное определение в монастырь в столь раннем возрасте и было одной из причин распущенности, царившей в монастырях Италии. Бокаччо пишет: «Нашим женским монастырям не удалось ни одной души склонить к служению богу. Но зато они породили бесчисленное множество жриц Афродиты» («О знаме-

Многие монахини отличались поразительной чувственностью. Иероним Пражский говорил когда-то: «Один только голос мужчины для женщин, посвятивших себя богу, является дьявольским искушением».

Тоску и скуку лениво текущей по раз заведенному порядку жизни монастырей, с ежедневными молитвами, коленопреклонениями, литургиями и литаниями нарушало лишь появление

нитых женщинах»). Но были и другие причины, способствовавшие развращению монахинь.

В монастырях было много женщин, которые до этого были профессиональными проститутками. Некоторые из них ушли в монастырь потому, что не могли расплатиться с долгами, некоторые просто по желанию. Отказаться от прежней жизни им было трудно, и они продолжали вести ее и в монастыре.

Бывали случаи, когда эти женщины отдавали в монастырь своих детей. Так, во Флоренции в 1515 году женщина привела в монастырь дочь и сказала: «Я хочу, чтобы мой ребенок воспитывался здесь. А через пять лет я заберу ее и обучу своей профессии». Но в таких случаях нужно было получить специальное разрешение монастырских властей.

посетителей—светских или церковнослужителей.

От отшельнической и благочестивой жизни монастырей первых веков христианства не осталось и следа, разложение нравов в них достигло невероятных размеров.

Роскошь, изнеженность, распущенность царили в женских и мужских монастырях. Мы не будем подробно описывать все факты, показывающие, насколько монастыри перестали соответствовать своему назначению, остановимся лишь на некоторых из них.

Княгиня Сильяно и ее племянница Анна Караффа, заручившись специальным разрешением папы осмотреть женский монастырь «Донна Реджина», повезли с собой «на обед» (для двоих!) трех огромных кабанов, 15 коз, 12 индюшек, 12 петухов и много другого продовольствия. И «христовы невесты», которые жили в лени и праздности, — им не приходилось пахать и сеять, как их сестрам крестьянкам, которым и не подобало вкушать этих яств, — с удовольствием разделяли «светские радости» с прибывшими [23].

Не способствовала строгости нравов и одеж-

да монахинь, подчеркивавшая их природную красоту и стройность. (По свидетельству современников, в монастырь не принимали некрасивых, а тем более имеющих какие-либо физические недостатки девушек.) «Почти все монастыри Италии, – пишет Родоканаки, – принимали мужчин-посетителей. В дни приемов монахини вызывающе громко рассказывали о своих детях, нянях и поварихах, взбудораживая народ на улицах»

О жизни монастырей в Венеции мы узнаем не только от Казановы. Сан Дидье пишет: «Ничто в Венеции не вызывало такого интереса, как монастыри. . . » Были там частыми посетителями и вельможи. И так как все монахини были красивы и стройны, ни одна не оставалась без любовника. А забота надзирательниц о нравах выражалась в том, что они помогали монахиням находить более искусные способы встреч с любовниками и покрывать их. Во время карнавала в Венеции (а его там растягивали почти на полгода) женские монастыри превращались в танцевальные залы, заполнялись мужчинами в масках. Чем смешнее

была маска, тем лучше принимался ее владелец. Были такие монастыри, где (особенно в последние дни карнавала) монахини появлялись в мужском платье.

Как мы уже говорили, одежда подчеркивала стройность монахинь. В Венеции монахиням не вменялось в обязанность ношение накидки, голову прикрывала только изящная шапочка. Платье было узким, в талию, с большим декольте, дававшим возможность увидеть белое и пышное тело монахини. Некоторые из монахинь носили даже цветы у корсажа [91].

Пёльниц пишет, что венецианские монахини завивались, что они носили короткие платья, не закрывавшие стройных ног, а грудь они прикрывали лишь тогда, когда пели в церковном хоре.

203

Одежда монахинь в Риме также не отличалась скромностью. А флорентийские монахини, по свидетельству одного настоятеля мужского монастыря, посетившего Флоренцию, напоминали мифологических нимф, а не «христовых невест» [84].³⁶ Во многих монастырях были устроены театры и разрешалось давать представления, но играть в них могли только монахини.

Случалось, что они ссорились и даже дрались из-за ролей, как это было, например, однажды в Болонье. Три монахини подрались, пустив в ход кинжалы из театрального реквизита [44].

Не отличались выдержанностью и монахини Генуи. В одном из папских указов с прискорбием отмечалось: «Сестры из монастырей святого Филиппа и святого Иакова бродят по улицам Генуи, совершают непристойные поступки, которые диктует им их необузданная фантазия, живут позорно и бесчестно». Есть и более ранние

³⁶На картине Леонардо да Винчи «Монахиня» изображена молодая женщина в диадеме, с полуобнаженной грудью (Галерея Питти, Флоренция).

сведения о жизни монахинь Генуи. В 1472 году отец Джанетти, один из руководителей ордена францисканцев, писал отцу Иоанну Франджони: «Монахини живут невоздержанно, бесстыдно, разнузданно, пренебрегая всеми законами религии» [14].

Распущенность монахинь в болонском монастыре Иоанна Крестителя была настолько велика, что власти были вынуждены разогнать всех монахинь, а монастырь закрыть. Монахини из монастыря святого Леонарда были отданы под надзор в монастырь святого Лаврентия, строгими и жестокими правилами снискавшего себе славу «палача» монахинь.

Многих монахинь из этих двух, а также и других монастырей Болоньи хорошо знал Косса еще до того, как стал папой. Число монахинь, преследуемых правосудием за распутство, росло с каждым днем. Каждый болонский монастырь имел кличку: «монастырь куколок», «монастырь сплетниц», «монастырь кающихся Магдалин», «монастырь бесстыдниц», «монастырь Мессалин» [44].

В XV веке Амвросий Камалдул, когда ему нужно было назначить настоятельницу в какой-либо из монастырей ордена святого Бенедикта, вынужден был искать ее среди монахинь ордена святого Бернарда, так как среди бенедиктинок не было ни одной порядочной и достойной женщины, которой можно было бы доверить этот пост. В это же время венецианский дож Джино Франгозо в письме папе Николаю V (10 декабря 1447 года) пишет: «Добродетель в женских монастырях—вещь очень редкая». Один из его указов (от 15 марта 1459 года) говорит о том же: «Бесстыдство и распущенность монахинь, нахально расхаживающих по городу, их невоздержанность, попирающие нормы, предписываемые религией, перешло все границы... Поэтому...» и так далее.

В 1574 году десять монахинь некоего монастыря в Венеции были одновременно любовницами одного священника и трех патрициев. А. Кантарини, написавший панегирик дожу, особенно превозносил его за то, что он не поддавался венецианским монахиням—«искусительницам». Раз-

вращенность «христовых невест» была предметом всеобщих разговоров. Церковные правители посылали в женские монастыри наставниками монахов-священников. Они должны были жить рядом с женщинами, присматривать за ними, поднимать их к заутрене и совершать все литургии. В большинстве своем это были молодые и здоровые монахи нищенствующего ордена францисканцев.

Родоканаки, рассказывая об этом, пишет: «Волков посылали прямо в овчарню». И приводит в пример случай, имевший место в Венеции. Священник Джованни Пьетро, наставник одного из крупных монастырей, в котором было четыреста монахинь, в большинстве своем молодых и красивых, с ведома и согласия настоятельницы монастыря, его старой подруги, поочередно совращал их.

В течение девятнадцати лет он наслаждался жизнью, лицемерно обманывая всех. Он был одним из наиболее уважаемых лиц в Венеции, был известен своими благотворительными делами (которые он совершал за чужой счет). Святой

отец пользовался огромным авторитетом, его часто направляли в другие монастыри в качестве ревизора. Из всех воспитанниц только одна оказала ему сопротивление, потому что у нее был возлюбленный. Узнав об этом, святой отец распорядился строго наказать ее «за причуды». Девушку бросили в темницу и долго мучили там, «стараясь заставить ее смириться».

Но любовь придавала ей силы. Ей удалось сообщить своему возлюбленному о случившемся, и он разоблачил деяния этого святого отца. Викарий Палли, которого послали ревизовать один из женских монастырей, писал с удивлением и возмущением:

«Монахини не признают ни одного из таинств, не верят в загробную жизнь, не верят во второе пришествие Христа... Они утверждают, что не всякое преступление—грех. По их мнению, не греховна и физическая близость с мужчинами».

Аморальность монахинь все увеличивалась, и, как пишет в своих «Воспоминаниях» епископ Пистойи Сципион Риччи, он не знал, как с этим

бороться, тем более что монахини пользовались поддержкой монахов-доминиканцев. Вполне естественно, что и доминиканцы и странствующие монахи-францисканцы поддерживали монахинь, так как почти каждый из них имел любовницу из среды «сестер». Поэтому они так бдительно их охраняли.

Мазуччо пишет: «Монахи считали монахинь своей собственностью. Как только какая-нибудь из “христовых невест” заводила светского любовника, ее начинали преследовать, бросали в темницу и подвергали пыткам». «Монахини, – пишет далее Мазуччо, – выбрав себе любовника монаха, не скрывали этого. По поводу заключения “союза” устраивались празднества и совершались литургии. Я сам присутствовал на таких торжествах не один раз. Не было числа “замужним монахиням”. Эти “невесты Христа” рожали детей или, прибегая к помощи врачей, избавлялись от них, отправляя в адскую бездну младенцев, еще не успевших увидеть свет божий, не успевших подвергнуться крещению. Не пробуйте опровергать сказанное мною, или я заставлю

вас заглянуть в выгребные ямы монастырей, где вы найдете кучи хрупких младенческих косточек, как в Вифлееме во времена Ирода». ³⁷

Не только монахи были любовниками воспитанниц монастырей. Так, например, большим успехом пользовался у монахинь светский молодой человек Ахилл Мальведжи, отличавшийся бесстрашием и дерзостью в любовных делах.

Британец Томас Кориат, впервые попав в Венецию, был изумлен нечеловеческой жестокостью жителей континентальной Европы. Первое, что увидел он в «городе каналов», была голова какого-то человека, надетая на острие клинка. «Я спросил, – рассказывает он, – что это значит, и мне объяснили, что это священник, а отрубили ему голову за то, что он имел девяносто девять любовниц монахинь».

Известный гуманист Понтано рассказывал,

³⁷ Сеттенбрини, изучавший последнее издание произведений Мазуччо, пишет, что книга его «Браки между монахами и монахинями» изъята и в 1564 году занесена в список запрещенных католической церковью книг, а автор ее предан анафеме.

что в Валенсии испанцы свободно проникали в женские монастыри и что трудно провести грань между этими святыми обителями и домами, пользующимися дурной репутацией ³⁸.

* * *

Косса, живя в Риме, принимал любовниц и в самом Ватикане, в залах старого дворца, построенного при папе Николае II в 1275 году, и в Латеранском дворце, и в монастыре святого Онуфрия. Конечно, ни Ватиканский, ни Латеранский дворцы не имели в то время достаточных удобств для пребывания в них папы. Нынешний дворец в Ватикане был построен только в XVI веке замечательным зодчим Фонтана. Ватикан в XV веке не был похож на теперешний. Дворец был уже старым. Убранство его потускнело, о чистоте в нем особенно не заботились. Папа предпочитал

³⁸ Слова Понтано приводятся по книге Энрико Стефано (известного составителя словарей) «В защиту Геродота».

бывать в монастыре святого Онуфрия, расположенном на склоне холма, неподалеку от Тибра, напротив Рима. Сейчас на месте, где был расположен монастырь, стоит церковь. Ее построили в 1440 году, через 25 лет после описываемых событий.

Коссе нравилась эта местность. С высоты открывалась широкая панорама Рима и прилегающих к нему окрестностей. Это было замечательное зрелище.

В монастыре было так уютно и чисто! А как преданно ухаживали за папой обительницы монастыря! Он был близок почти со всеми, каждая была одарена его любовью и щедрыми подарками. Кроме того, монахини знали, что многие из тех, кто неоднократно побывал в объятиях его святейшества папы Иоанна XXIII, были вознаграждены и по-другому—они получили места настоятельниц в других монастырях.

... В это утро Косса проснулся в хорошем настроении и залюбовался бело розовым телом сестры Анезии, лежавшей рядом с ним. Она уже не спала, но боялась пошевелиться, дабы не

прервать драгоценного сна папы Иоанна XXIII. Что-то заставило ее проснуться. Она не понимала, что именно—был ли это шум в голове или что-то другое. Нарушить же покой его святейшества она не решалась.

Девушка была еще очень молода и совсем недавно пришла в монастырь. Здесь ее и увидел Косса. И сегодня впервые провел с ней ночь. А теперь спит.

Послышались шаги, в дверь тихонько постучали. Косса открыл глаза и спрыгнул с постели. Но как ни 'быстро было движение, которым он накинул одеяло на девушку, розовый луч зари, проникший через жалюзи, успел осветить следы потери невинности на белоснежных простынях³⁹. Свежее лицо девушки залилось краской, когда Косса попросил посетителя войти.

³⁹Читатели не должны забывать, что этот удивительный «отец христианства» папа Иоанн XXIII был обвинен современниками как «насильник» и «растлитель». Эти обвинения были официально предъявлены ему иерархами церкви, присутствовавшими на соборе [87].

В дверь протиснулось огромное тело одноглазого гиганта, бывшего пирата, который стал теперь правой рукой нашего героя. Он спокойно огляделся, так как давно привык к подобным картинам, повторявшимся тысячу раз.

– Гуиндаччо, в каком монастыре поблизости нет настоятельницы? – спросил Иоанн, показывая глазами на девушку, стыдливо завернувшуюся в одеяло. – Узнай и скажи мне ⁴⁰. Или лучше скажи Пасхалию, пусть он позаботится, – продолжал Косса.

Пасхалий—это архиепископ, который, кроме своих основных обязанностей, занимался «устройством» любовниц папы.

⁴⁰ Не надо думать, что пост настоятеля приносил только почет. Претендентов на эти посты в монастырях (мужских и женских) всегда было очень много, но получить их могли только лица, имевшие большие связи, потому что место это приносило огромные доходы. Не только враги Ватикана, но и сами корифеи церкви обвиняли Иоанна XXIII на Констанцском соборе в том, что он раздавал эти посты всем монахиням, которые когда-либо разделяли с ним постель.

В обвинении, предъявленном Иоанну XXIII на соборе, упоминалось, что он, Косса, специально назначал Пасхалия ревизором монастырей, чтобы облегчить себе задачу выбора любовниц и их устройства в дальнейшем.

Но почему Гуиндаччо в такое неурочное время решил нарушить покой своего бывшего «капитана», нынешнего «отца христианства»? Почему этот бывший грабитель, а теперь священник бормотал сквозь зубы что-то невнятное, из чего разобрать можно было только: «Останки... святого Иоанна»?

– Опять ты хнычешь, Гуиндаччо! – прикрикнул на него Косса. – Сколько раз я говорил тебе, что терпеть не могу хныканья!

– Святой отец, – осмелился наконец гигант, стараясь как можно яснее выговаривать слова. – Нельзя... отправлять... останки святого Иоанна во... Флоренцию.

– Почему? – крикнул Косса, и глаза его гневно сверкнули. – Ничтожество, ты опять рассказал кому-то о моих намерениях! – Косса сжал кулаки.

Дело в том, что он намеревался тайно про-

дать останки святого Иоанна, третьи по счету, так как в Западной Европе уже было два места, где они хранились, – в Германии и во Франции. Останки, которые находились в Риме, хотела купить Флоренция за пятьдесят тысяч золотых флоринов (об этом упоминает Дитрих фон Ним, а также Ланфан в своей книге «Констанцский собор» и другие). Останки эти Иоанн XXIII должен был выкрасть из Рима, которому они принадлежали, а потом продать.

Косса схватил за шиворот гиганта, чтобы прервать поток его оправданий и добиться наконец объяснения.

– Римляне восстали, – проговорил Буонакорсо. – Кто-то пронюхал о том, что ты задумал. Я никому ни слова не говорил. Даже во сне звука не произнес. Но все-таки об этом как-то узнали. Узнали, и народ собрался у собора и никого туда не подпускает. «Никто не посмеет потревожить святые останки! – кричат люди. – Они останутся здесь! Сам святой Иоанн раскрыл нам то, что вы собираетесь сделать! Нет, они останутся в Риме [87]!»

Иоанн XXIII, с недоверием слушавший утверждения Гуиндаччо о его безгрешности, принял удар спокойно. Он сказал только:

– Я потерял пятьдесят тысяч флоринов. Хотел бы я только знать, откуда эго стало им известно. Но смотри, ничтожество, если ты еще будешь болтать!. . . Я убью тебя.

– И еще. . .—процедил сквозь гнилые зубы бывший грабитель, почесывая седеющие космы под маленькой круглой шапочкой. – Приехала синьорина Динора, а вместе с ней синьора Джильда Черетами и синьора Констанца.

– Где они? – быстро спросил Косса.

– Я поместил их туда. . .—И Гуиндаччо указал рукой на север, в сторону Ватикана.

Наш герой тут же покинул монахиню, с которой правел ночь, и отправился к трем женщинам, прибывшим из Перуджи. Он не питал больше никаких чувств к своим прежним любовницам—ни к Констанце, напоминавшей ему о его пиратских годах в Неаполе, ни к Джильде, которую узнал, став священником. Но к девочке, внучке первой и дочери второй, был очень привязан. Вес в ней

привлекало: красота, ум, лукавство, живость.

Девочка, увидев Иоанна, бросилась к нему в объятия и со страстью, неожиданной для ее возраста, зашептала ему в ухо:

– Мой дорогой!... Хороший мой! Теперь я всегда буду с тобой! – Она заботливо оглядела его. – Мы все останемся здесь. И мама и бабушка. А отец будет жить в Перудже...

* * *

Прошло почти два года. Теперь, в 1414 году, Диноре, едва минуло 16 лет, но она приобрела уже большой опыт и была достойной любовницей папы, сохранив при этом детскую наивность и непосредственность, свежесть и красоту ребенка.

Она многому научилась у Иоанна XXIII и прекрасно разбиралась не только в любовных, но и во многих других делах. Способная и умная, она все схватывала на лету! Иоанн часто с восхищением вглядывался в хорошенькое личико своей внучки-любовницы.

«Эта девочка может мне помочь... Именно

теперь. . . » — думал он.

Что он имел в виду? Какую пользу могла принести ему шестнадцатилетняя девочка?

В последний год у Иоанна XXIII снова осложнились отношения с неаполитанским королем Владиславом, постоянным врагом папства, который посвятил свою жизнь тому, чтобы расширить свои владения за счет земель, принадлежавших папскому государству. Косса и раньше ссорился с Владиславом. Он даже объявил крестовый поход против него, вышел победителем и чуть не уничтожил Владислава. Потом, как помнят читатели, они стали друзьями, Владислав признал Коссу папой и отрекся от другого папы. Но папа Григорий XII, поселившись в Римини при дворе тамошнего правителя, не переставал посылать анафемы Иоанну XXIII за его оргии. Коссе очень хотелось поймать Григория XII, устроить над ним суд, доказать, что он еретик и раскольник, и добиться его сожжения. Он потребовал у Владислава, чтобы тот помог ему в этом. Но Владислав не проявил никакого желания ловить папу Григория XII. И Косса рассвирепел.

– Осел! – повторял он ежедневно. – Я послал бы его на костер и навсегда избавился от забот. (Под «ослом» подразумевался Владислав.) Он поступает так потому, что хочет моей гибели. А как только меня не станет, проглотит все папское государство, начиная с Рима. Ему мало Неаполя, Апулии, Калабрии, Капитанаты и других мест. Он хочет присвоить всю Италию!

Тревожили Коссу и военные приготовления Владислава. Располагая кое-какими средствами, он сумел набрать немалое войско. Деньги Владислав получал, продавая своим подданным титулы. Кроме того, он прибрал к рукам богатства семей, ему не сочувствовавших. С помощью этих денег Владислав надеялся нанести удар папским войскам и заставить Коссу сдаться. Но не в характере Коссы было сдаваться. Люди, помнившие Коссу-пирата, знали его решительность и активность, знали, какой это изворотливый политик и тактик. Теперь он вдруг начал заискивать перед римлянами, которые до сих пор страдали от непомерных налогов и особенно были недовольны последним—налогом на вино. Чтобы

смягчить народный гнев и выглядеть благодетелем, Косса отменил этот налог и под барабанный бой приказал оповестить всех об этом.

«Из-за любви к римлянам я отменяю этот налог!»—гласил указ [79].

На следующий день, 5 июня, был объявлен еще один указ Коссы: «Приняв во внимание желания римлян, я возвращаю народу все права и свободы, которые он имел до коего прихода к власти. Отныне Римом будут управлять “консерватори” и правители, которых избирает сам народ». Римляне с восторгом приняли эту новость и громкими возгласами выражали признательность Иоанну XXIII.

– Верьте, святой отец, что все римляне готовы пролить кровь за святой престол и лично за вас!

Косса в эти дни предпринял и другие, более практические и действенные меры. За большое вознаграждение ему удалось нанять около трех тысяч солдат. Из квартала Трасте-вере на левом берегу Тибра он перебрался в центр Рима, во дворец князя Орсини.

Чем была вызвана такая «благотворительность» Коссы? Зачем он стянул войска к стенам Рима? Он узнал, что Владислав внезапно выступил с войском и флотом и находится уже на подступах к Вечному городу. Флот Владислава—сорок четыре корабля, парусники и галеры—подошел к устью Тибра у Остии, находившейся неподалеку от Рима. Сам же Владислав, во главе войска, двигавшегося по суше, занял Фродзиноне, расположенный почти у стен Рима.

Однако народ, собравшийся на улицах и площадях Рима 7 июня 1413 года, ничего еще не подозревал о надвинувшейся опасности и кричал:

– Пусть все слышат: римляне скорее согласятся умереть от голода, чем подчиниться этому чудовищу Владиславу [79]!

На сердце у Коссы стало спокойнее. Осмотрев городские стены, он под вечер направился во дворец Орсини, где его встретил Буонакорсо, который, выполняя привычные обязанности, привел внучку-любовницу в новую резиденцию папы, во

дворец Орсини.

Встретив Иоанна, Буонакорсо низко поклонился и ушел, накрепко закрывая за собой все двери.

* * *

Наступила ночь на 8 июня. Всего несколько часов назад римляне клялись, что «скорее погибнут, пожертвуют своими детьми, чем подчинятся “этому чудовищу”...»

Едва забрезжил рассвет, как кто-то громко постучал в двери папской опочивальни. Косса соскочил с кровати и в одно мгновение оказался у двери.

– Это я... — услышался из-за двери плачущий голос Гуиндаччо. – Святой отец, одевайся скорее. Войска Владислава в городе...

Действительно, с улицы доносился отдаленный гул, были слышны крики: «Да здравствует король Владислав!»

Иоанн XXIII подошел к кровати.

– Вставай, Норетта.

По старой привычке он оделся моментально. Динора замешкалась. Иоанн быстро поднял девушку на руки, хотя она была в одной рубашке, и вынес из комнаты.

«Так-то эти подлецы римляне проливают кровь за меня! Где же их обещания?...» — думал он.

Шум нарастал. Возгласы «Да здравствует король!» стали слышнее. Гуиндаччо плелся за Коссой, который нес на руках девушку.

— Святой... святой... отец... Здесь... Тебя ищет...

Иоанн XXIII опустил на пол Динору, обернулся, весь красный от гнева, и вlepил звонкую пощечину своему верному телохранителю, докучавшему ему в такой час. Гуиндаччо скривился от незаслуженно полученного оскорбления, задевшего его «чувствительную натуру», правой рукой поднял полу разорванной сутаны и закрыл ею лицо, пряча свое унижение.

В слабом свете свечи, которую он нес в другой руке, промелькнул силуэт женщины. Вглядываясь в темноту, Косса старался определить, кто

бы это мог быть, но безуспешно,

– Кто это? – спросил он.

– Вот видишь... —забормотал Гуиндаччо. – Ты был неправ... Это сеньора Джаноби...

Он произнес это имя совсем тихо, чтобы не услышала Динора.

Косса, не скрывая радости, бросился к женщине, оставив Динору одну.

– Где твой муж? – тихо спросил он Иму.

– У меня больше нет мужа, – так же тихо ответила она.

Косса подозвал Динору и с обеими женщинами потайным ходом, вырытым еще при папе Александре V по его указанию, вышел на берег Тибра. Они переехали реку и укрылись в крепости Архангела. Здесь они были в безопасности.

– Динора, – обратился Косса к девушке. – Я надеюсь на твою помощь...

Девушка, нахмурившись, поглядывала то на любовника, то на женщину из Милана.

– Я хочу, – продолжал сухо Косса, – чтобы ты осталась Здесь в Риме, познакомилась с Владиславом и заставила его полюбить тебя. Я знаю,

что ты сумеешь это сделать. . .

И он, понизив голос, дал девушке подробные наставления. Потом отпустил ее и позвал Буонакорсо.

– Гуиндаччо, пойди к Пасхалию и возьми у него пятьсот флоринов. Возьмешь деньги и письмо, которое я напишу, поедешь в Перуджу и отдашь и то и другое аптекарю Черетами.

Он повернулся к Име.

– Это моя дочь, – с деланной гордостью «объяснил» он своей верной подруге, показывая глазами на девушку. Потом внимательно посмотрел в глаза Име. – Итак, сеньор Джаноби умер?

Уходившая Динора сердито и ревниво поглядывала издали на эту пару. Има счастливо улыбалась, радуясь встрече со своим первым и единственным любовником, ставшим теперь папой.

– Нет. . . —помедлив, ответила она. – Мой муж жив. – И, отвернувшись, тихо добавила:—Я бросила его и приехала к тебе. . .

Иоанн XXIII удивленно взглянул на нее.

– Он тебя мучил?

– Нет, – тихо ответила она, краснея. – Он меня

любил.

И она закрыла лицо руками.

– Я не знаю, что со мной, – помолчав, продолжала Има. – Я до сих пор схожу по тебе с ума... После стольких лет... Кажется, мне уж пора было бы стать умнее... Но я не могла больше оставаться в Милане.

Косса крепко прижал ее к себе.

* * *

Косса, увидев, что римляне предали его, в тот же день вместе с Имой, Буонакорсо и несколькими близкими ему людьми выбрался из крепости Архангела, направился в Витербо, а оттуда в Сиену. Гуиндаччо с письмом и кошельком, набитым флоринами, из Витербо поехал в Перуджу. Он отдал письмо и деньги Черетами, лекарю и фармацевту, зятю Констанцы, мужу Джильды и «отцу» Диноры, главному поставщику ядов Коссе. В письме Балтазар давал Черетами четкие указания.

Но надеяться только на яды Черетами или

на соблазнительность Диноры в борьбе с Владиславом Косса не мог. Он вступил в переговоры с королем Сигизмундом, давно уже обращавшимся к папе с просьбой о созыве собора, который произвел бы некоторые реформы и разрешил больные вопросы церкви. Наш герой сначала слушать не хотел об Этом, так же как и его предшественники. Но сейчас положение осложнилось, народ настойчиво стал требовать церковных реформ, очищения церкви, удаления разложившихся церковнослужителей. Римляне, на которых Косса надеялся, предали его (как он считал), Владислав успешно продвигался все дальше. Косса стал беспокоиться. И хотя созыв собора он считал несчастьем для себя ⁴¹, вынужден был согласиться на это, чтобы привлечь та свою сторону Сигизмунда. Точного времени и места собора он не назвал.

⁴¹К. Тревизани в своей «Истории средневекового Рима» пишет: «Папа Иоанн XXIII еще в молодости вел очень разнузданную жизнь. В зрелом возрасте он стал к тому же алчным и честолюбивым и приобрел печальную славу отравителя двух пап».

Что в это время происходило с Динорой? Захватив крепость Архангела, воины Владислава обнаружили там синьорину Черетами и препроводили ее к королю. Динора смело и уверенно разговаривала с королем. Она рассказала ему, что она—дочь папы, что ее мать и бабушка живут здесь же, в Риме.

Владислав поместил всех трех женщин в одном из дворцов Рима. Он так же, как и Косса, был весьма равнодушен к женскому полу и очень скоро увлекся юной и прекрасной девушкой.

Динора, как и предвидел Иоанн XXIII, стала любовницей Владислава. Но наш герой одного не мог предвидеть, — что и девушке понравится Владислав.

Способствовало этому главным образом оскорбленное самолюбие. Динора пришла в ярость, когда поняла, насколько тесно связан Косса с Имой. Но, став любовницей Владислава по указанию Коссы, она постепенно привязывалась к королю все больше. Она не забыла об оскорблении, которое нанес ей как женщине ее

первый любовник, и даже не думала о том, чтобы помочь отцу в его замыслах против Владислава.

Владислав, захватив Рим, двинулся дальше и вскоре занял также Тиволи, Браччано, Веллетри и другие города, и 26 июня он захватил Витербо, а вслед за ним—Перуджу. Динора, как признанная королевская подруга, повсюду следовала за Владиславом. Вместе с ним она приехала и в Перуджу, свой родной город.

В это время туда же приехал и Буонакорсо с новым полным кошельком и новыми указаниями Иоанна XXIII аптекарю Черетами.

«Действуй решительнее и быстрее, – писал папа. – Передай подходящее “лекарство” Диноре. Она любовница короля, она всегда рядом с ним и найдет случай “угостить” своего любовника».

Черетами, прочитав письмо, загадочно улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он посланцу папы. – Пусть святой отец не беспокоится. Я передам дочери то, что нужно, – подчеркнул он.

Дело в том, что Динора уже несколько раз приходила в «отчий» дом и просила «отца» по-

мочь ей. Она хотела получить от него любовный эликсир, который помог бы ей удержать короля Владислава. Динора Черетами забеспокоилась потому, что ее любовь к Владиславу все крепла, а его чувство к ней в последнее время значительно ослабело. Неаполитанский король снова пустился в любовные приключения, прерванные его недолгой страстью к Диноре.

Владиславу продолжала еще нравиться Динора Черетами, но он привык и стремился к «разнообразию». Каждую неделю ему требовались две-три новые девушки.⁴²

⁴² Жизнь венценосного Владислава имела и другую, скрытую сторону. Это был распутник, насильник, человек без всяких моральных устоев. Достаточно привести один лишь факт, чтобы охарактеризовать Владислава. В 1389 году, когда ему было едва 14 лет, он женился на Констанце Клермон, дочери Манфреда Клермона, самого крупного феодала Сицилии. Огромное приданое принесенное ему молоденькой сицилианкой, помогло Владиславу укрепиться на троне. Весь двор любовался совершенной красотой молодой женщины. Но вскоре Клермоны потеряли все свои богатства. Владислав решил, что теперь, когда он стал королем, ему следует заключить брак с какой-нибудь другой, более вли-

ятельной особой. Тем более что жена его, всегда ровная и спокойная, надоела ему. Он обратился к папе Бонифацию IX (Симонисту, другу Коссы) и попросил у него разрешения на второй брак.

Владислав был достаточно влиятельным лицом, и церковь не могла и не хотела отказать ему в просьбе. Его королевство было довольно близко от Рима. . .

Кроме того, папа Бонифаций IX не хотел упустить случая, который мог принести ему деньги. И вот однажды (это было в 1392 году) епископ Гаэты, который вел богослужение, прервал его и начал читать папскую буллу, объявлявшую о расторжении брака между Владиславом и Констанцей.

Констанца очень любила Владислава и была поражена. Волнение ее особенно возросло, когда епископ гаэтский направился к ней, чтобы снять с ее руки обручальное кольцо.

Расторжение брака в то время церковью не разрешалось, и поэтому поступок Симониста, Бонифация IX, вызвал возмущение народа.

Однако Констанце суждено было пережить еще более сильный удар. Венценосный муж после расторжения брака решил заточить ее в тюрьму. Целых три года несчастная королева томилась в темнице. Через три года Владислав соблаговолил освободить ее. . . чтобы выдать замуж.

26 декабря 1395 года должно было состояться брако-

Для Диноры удержать Владислава было вопросом самолюбия. Она хотела доказать всем в Италии, а особенно своему неверному любовнику, что это в ее власти. Вот почему она приходила столько раз к своему «отцу» Черетами. Ей был нужен «эликсир любви».

В первый раз, когда Динора пришла к Черетами, он задумался. И раздумывал довольно много дней. Но когда она пришла в четвертый раз, у него уже созрело решение. Глаза его сверкнули, когда он взял с полки банку с сероватой густой мазью и подал «дочери».

– Это то, что тебе нужно, – сказал он. – Эта мазь навсегда привяжет к тебе Владислава.

– Как ею пользоваться? – спросила обрадо-

сочетание королевы с Андреем Капуанским, одним из фаворитов Владислава, бракосочетание с точки зрения церкви незаконное.

Войдя в церковь под руку со своим будущим мужем, Констанца не удержалась и крикнула:

– Ты самый счастливый человек в королевстве, граф Андрей! Твоей любовницей будет законная жена короля Владислава [47,96]!

ванная девушка.

Аптекарь подошел и прошептал ей на ухо, как надо обращаться с мазью. Динора, покраснев, опустила глаза.

– О! Как же я это сделаю? – спросила она.

– Дочь моя, – торжественно произнес Черетами, – ты должна суметь это сделать. Другого способа я не знаю. Намажься этой мазью за несколько минут до того, как Владислав придет к тебе.

Девушка забрала банку и ушла.

Через два дня, когда ночью Владислав пришел к ней, Динора была весела и беспечна. Но только Владислав ушел, как страшная боль в нижней части живота заставила ее закричать. Она мучилась всю ночь. Под утро ей стало совсем плохо... в полдень она умерла. Черетами, ее «отец», сохранял абсолютное хладнокровие. Он отомстил папе, двум женщинам (своей жене и теще) и, кроме того, получил тысячу флоринов.

Болезнь, погубившая Динору, настигла и Владислава. Он тоже был в тяжелом состоянии. Корчась от невыносимой боли, он спрашивал: «Что

это жжет меня?» Он пытался в карете добраться до столицы, но умер в пути через семь дней. Это было 7 августа [96],

* * *

Еще до этих событий, находясь далеко от захваченной неприятелем столицы, во Флоренции, куда он приехал из Сиены, Косса часто спрашивал себя: «Что-то поделявают Черетами? Что предпринял лекарь? А Динора? Неужели до сих пор сердится на Иму?» Знатная миланская красавица теперь открыто жила с папой.

Так как не в характере Коссы было сидеть сложа руки, он снова начал переговоры с королем Сигизмундом, который хотел добиться от папы двух вещей: чтобы папа Иоанн XXIII короновал его императором (это усилило бы его влияние) и чтобы он согласился на созыв собора, который излечил бы недуги церкви.

Косса отправил к Сигизмунду трех послов для переговоров.

«Ты хочешь созыва собора? – писал Косса

королю. – Он будет созван. Ты хочешь короноваться императором в Риме? Пожалуйста! Но сначала помоги мне освободить столицу от этого антихриста Владислава, который захватил ее. Я отправляю к тебе трех кардиналов, договорись с ними» [87].

Папа Александр V

Конечно, и этот «отец христианства» не хотел созыва собора. Зачем ему было собирать (да еще

приглашать!) церковнослужителей и теологов со всего света? Чтобы они могли рассуждать, кричать и советовать, что правильно, а что неправильно, и... волновать его? Но что было делать? Косса думал, что Владислав (тогда уже покойный), захвативший Рим, жив и что он настолько силен, что сможет захватить и всю Италию. Он чувствовал настоятельную необходимость иметь сильного сторонника и помощника, более сильного, чем Владислав. Таким он считал Сигизмунда. Но тогда он еще не знал о смерти Владислава.

В тот же день, когда пришло известие о смерти неаполитанского короля, Косса узнал, что римляне прогнали наместников Владислава, вышли на улицы и кричат: «Да здравствует пана Иоанн!» Косса услышал и еще одну новость: его послы заключили соглашение с Сигизмундом о том, что собор состоится в конце года в Констанце. Иоанна ошеломило это известие.

– Где? – переспросил он.

– В Германии, в городе Констанце.

Папа вперил сверкающий взгляд в кардиналов, взгляд мрачный, жестокий и страшный, та-

кой же, какой был у него тридцать лет назад, когда он, черный от солнца и ветра пират, со своими верными друзьями бороздил моря, наводя ужас и смятение вокруг.

– Дураки! – крикнул он. – И вы заключили такое страшное соглашение?! Даже Буонакорсо, если бы я послал его туда, не сделал бы такой глупости!

– Но почему? – заикаясь, спрашивали встревоженные кардиналы. – Ведь вы сами, святой отец, приказали нам соглашаться!

Действительно, Косса давал им такое напутствие, так как понимал, что это неизбежно. Но он был уверен, что собор состоится в Италии, и не беспокоился. Но кого он сможет напугать, на кого повлиять там, в Констанце, где он, чужеземец, будет один среди тысячи незнакомых и далеких ему людей?

Бывший пират раздраженно шагал из угла в угол.

– Ничтожества! Вы губите и церковь и меня. Разве может один человек устоять перед сотнями и сотнями светских и духовных лиц, которые

приедут на собор с единственной целью разгромить нас?

Возмущению его не было предела. Что он, неаполитанец, сможет сделать там, на севере, «на краю света», в холодном и угрюмом германском городе?

И в волнении он повторял:

– Sic capiuntur vulpes!⁴³

Он имел в виду себя. Он все старался взвесить, продумать, его сверлила одна мысль: «Что еще можно предпринять?»

Вспомнил он и о позиции двух своих предшественников, избегавших созыва Вселенского собора, вспомнил, что они боялись его, как черт лаdana. К каким только уверткам они не прибегали! Но он вспомнил также, как негодовал народ, когда обнаружилась эта нечестная игра, и то, как осудил их собор в Пизе.

«Надо ехать!»—решил он.

Сигизмунд приехал в Ломбардию, и Иоанн XXIII должен был там встретиться с ним. Тем

⁴³Так ловят лисиц! (лат.)

более что Сигизмунд до этого прислал письмо с выражением своего глубокого уважения «пресвятейшему и высокочтимому Иоанну»...

– Готовься, Има! – сказал он Давероне. – Мы едем.

Он объяснил ей, что послы показали себя глупцами и чуть совсем его не погубили. Поэтому необходимо сейчас хоть чем-то умаслить своих врагов. С любовницей и несколькими кардиналами он направился в Северную Италию, на встречу с Сигизмундом.

– Вот и путь наш на край света сократится... Будто в Италии не хватает места...

Конечно, если бы собор созвали в Италии, все было бы в порядке. Он был уверен, что ни один его враг не остался бы неразоблаченным.

Но, как бы там ни было, собор должен состояться, хотя бы и в Германии.

Косса дал указание секретарю канцелярии составить приглашения на собор в Констанце всем священнослужителям западной церкви. Немного раньше то же самое сделал и Сигизмунд как германский император. Правители всех стран, при-

надлежавших к западной церкви, приглашались на собор лично или назначенные ими представители.

Папа Иоанн

Иоанн XXIII и Сигизмунд встретились в ломбардском городке Лоди. Выразив притворную радость по случаю встречи, наш герой пытался заставить первого из правителей изменить свое решение.

– Почему вы выбрали Констанц местом для собора, Сигизмунд? – спросил Косса. – Он так далек от Италии, от Средиземного моря. Пожалуй, я не смогу приехать. Я разослал приглашения, но оставил пустым место для названия города, где должен собраться собор.

Сигизмунд, понимающе улыбаясь, смотрел на папу.

– Я выбрал Констанц потому, что этот город находится в центре западного мира. На юг от Констанца лежит Италия, на север—германские и скандинавские государства, на запад—Англия, Франция, Испания, на восток—Австрия, Венгрия, Польша и православные страны, которые из политических соображений вынуждены будут присоединиться к ним. Пожалуйста, святейший владыка, заполните пустое место в ваших приглашениях, напишите, что собор будет в Констанце.

Иоанн XXIII испытующе посмотрел на Сигизмунда. «Хитрец ты! – думал он. – Такой же, как и я. Умеешь добиваться того, чего хочешь! Увы... ничего не поделаешь!»

Действительно, Сигизмунда тоже закалили

всякие распри, он приобрел большой опыт.

Сигизмунд был всего-навсего правителем Бранденбурга (района, где расположен Берлин, тогда небольшая деревушка), когда в 1382 году он женился на дочери короля Людвига Марии, предполагаемой наследнице польского и венгерского престола. Сигизмунд сделал попытку прибрать к рукам Польшу, но поляки восстали и прогнали его из своей страны. Когда же он стал королем Венгрии, против него восстали хорваты. Сигизмунд подавил восстание. Поднялись валахи—Сигизмунд поработил и их. Кроме того, ему приходилось бороться с бесконечными заговорами против него. Подозрительный Сигизмунд жестоко истреблял заговорщиков. Многие представители знатных венгерских семейств погибли от его руки. Был день, когда сразу тридцати трем венграм огрубели головы.

Выступили против Сигизмунда и турки. Он объявил крестовый поход против них, двинулся на Болгарию, но в сражении под Никоподем крестоносцы потерпели поражение. Десять тысяч человек, попавших в плен, были перерезаны, все

дороги и переправы оказались заняты турками, которые стремились не дать Сигизмунду возможности скрыться. Но ему все-таки удалось ускользнуть. По Дунаю на лодке он спустился в Черное море.

Голодный и измученный, он в течение нескольких дней носился по бушующим волнам, тысячу раз рискуя жизнью. Но все-таки ему удалось достигнуть Византии. Через некоторое время он покинул Византию и на корабле отправился в Далмацию. Через полтора года он снова вернулся в Венгрию. Но здесь недовольные им феодалы поймали его и бросили в подземелье замка, принадлежавшего самому ярому его врагу. Сыновья владельца замка сами сторожили его. Но Сигизмунду удалось обмануть их и уговорить отпустить его. Он снова захватил власть и начал теперь вмешиваться в дела Богемии, где королем был его брат Венцеслав. В 1410 году выборщики германских императоров избрали его германским императором вместо не удовлетворявших их Рупрехта и Венцеслава [13].

И этому страшному человеку должен был

противостоять наш герой. Сигизмунд, кроме того, был таким же развратником, как сам Косса и покойный Владислав. Все неудачи настигали его именно тогда, когда он был занят любовными похождениями. Его враги, пользуясь тем, что он всецело поглощен своими страстями, в это время устраивали заговоры.

Но, почувствовав опасность, Сигизмунд отбрасывал лень и равнодушие к делам и со слепой жестокостью мстил своим врагам. Приняв какое-нибудь решение, он осуществлял его, не считаясь ни с какими препятствиями и опасностями.

Созыв собора был необходим ему. поэтому он так горячо принялся за дело, объехал всю Европу, превзойдя в быстроте передвижения даже своего деда, богемского короля Иоанна, которого называли «венценосным почтальоном королей». Он побывал во многих странах Европы. Из Польши мчался в Англию, из Франции—в Венгрию, из Германии—в Италию и Испанию, уговаривая тамошних правителей приехать на собор. Сейчас он договаривался с нашим героем, папой Иоанном XXIII.

И папа и император проявляли друг к другу чрезвычайную предупредительность. После Лодди и Пьяченцы Иоанн XXIII и Сигизмунд поехали в Кремону. В сопровождении правителя Кремоны, без И мы, которая ожидала внизу, они поднялись на знаменитую колокольню собора Кремоны. Прекрасный пейзаж Ломбардии с извилистым и величественным руслом реки По расстился перед ними. Было это осенью после полудня. Папа и император любовались от крившимся видом—живописными деревнями и городишками, окруженными зеленью, поднявшейся после прошедших дождей, прихотливыми поворотами реки, когда снизу вдруг послышался испуганный крик И мы. Иоанн вздрогнул, а правитель Кремоны Гамбрино Фонтоло побледнел и в смятении шагнул назад.

Косса мгновенно обернулся и своими железными руками стиснул правителя Кремоны.

— Что ты задумал, мессир Гамбрино? — воскликнул он.

— Ради бога, святой отец, что вы хотите этим сказать?

Как рассказывают летописцы, правитель Кремоны Гамбрано Фонголо, снискавший себе печальную славу вероломного предателя, хотел воспользоваться тем, что папа и император одни поднялись на высокую башню. Он решил столкнуть и папу и императора вниз (хотя Сигизмунд оказал ему немало услуг), а так как он был бы первым, «узнавшим» о происшествии, использовать время неизбежной суматохи в своих целях.

44

⁴⁴Через 11 лет Гамбрино Фонтоло, захваченный в плен и приговоренный к смерти миланским герцогом Филиппом-Марией Висконти, исповедуясь перед казнью, сказал: «Я очень сожалею, что мне не удалось в свое время разделаться с папой и императором, когда они были в моих руках».

Папа Иоанн XXIII и Сигизмунд на соборе в Констанце.

Расвирепевший папа готов был в свою очередь тут же столкнуть вниз изменника. Сигизмунд сначала улыбался, видя такую горячность, а затем, сделав презрительную гримасу, посоветовал папе оставить Фонголо в покое. Он не верил, что последний действительно хотел убить их.

– Пусть будет так, – согласился бывший пи-

рат. — Но только вниз пускай он идет первым.

А позже наедине он говорил Сигизмунду:

— Как видно, Сигизмунд, мы должны немедленно покинуть Кремону. Без войска оставаться здесь небезопасно.⁴⁵

* * *

Это было 16 ноября 1414 года в вольном имперском городе Констанце.

Какое небывалое скопление людей! Ни на один собор не собиралось столько народу. В Констанц, жителей которого можно было пересчитать по пальцам, съехалось сто пятьдесят тысяч человек. Около тридцати тысяч рыцарей явились верхом на лошадях—зрелище, доселе невиданное [13].

Мале пишет: «Этот собор был самым внушительным из всех, какие когда-либо видело христианство. Наряду с иерархами церкви и

⁴⁵Об этом происшествии рассказывается в «Генуэзских летописях».

учеными-теологами сюда собрались посланцы монархов и правителей всех христианских стран, император Сигизмунд присутствовал лично. Одних только церковников-иностранцев приехало восемнадцать тысяч».

Альцог пишет по этому поводу: «На собор явились двадцать архиепископов, девяносто два епископа, сто двадцать четыре настоятеля монастырей и бесчисленное множество правителей и властелинов».

«Впервые в истории Вселенский собор происходил в Германии, – пишет архиепископ и историк католической церкви Хефеле. – Событие это было необычным и чрезвычайно важным. Тысячи людей из разных стран стеклись сюда. Каждый из правителей старался захватить возможно большее число сопровождающих, чтобы блеснуть перед другими.

Одних толкало сюда простое любопытство, другим хотелось показать свое величие, третьи рассчитывали встретиться с друзьями и поговорить о делах. И очень многие стремились сюда в надежде заключить выгодные сделки и зарабо-

тать на этом. Были гут и торговцы, и ремесленники, и мастеровые. Приехали в Констанц актеры, музыканты и просто бездельники и авантюристы».

Но не только они. «В Констанц, – пишет де Поте, – прибыло много сотен куртизанок, которые тоже надеялись заработать, продавая за деньги любовь, хотели “послужить” иностранцам и главным образом развратным иерархам церкви. Доминиканский монах отец Нидер утверждает: “Множество дьяволов проникло в Констанц и смешалось с проститутками. Дьяволы эти вселялись в мужчин и склоняли их к сладострастию, к телесной близости с женщинами” [70].

П. Учелло. Портрет Имы Давероны

Городские власти Констанца поручили Ульриху фон Рихенталю дать статистические сведения о приезжих, установить по возможности их имена, род занятий и прочие данные. Ульрих фон Рихенталь в «Хронике Констанцкого собора» пишет, что он обнаружил в городе около семисот уличных женщин-иностранок. Некоторые из них

совместно, кое-кто и самостоятельно сняли дома в городе. Но, кроме них, есть еще женщины, которые скрываются, а сколько их—он знать не может ⁴⁶.

* * *

Верхом на белоснежной лошади, которую вел под уздцы пышно одетый воин, под шелковым балдахинном с четырьмя золотыми кистями по углам, укрепленным на серебряных шестах (их несли четыре «рыцаря церкви»), Иоанн XXIII с триумфом въезжал в Констанц. Впереди шагали церковнослужители, копыеносцы и лучники, которые несли на подушках широкополые красные шляпы кардиналов, сопровождавших Иоанна XXIII.

На протяжении всего пути от сверкающей

⁴⁶Историк католической церкви аббат Мурре утверждает, что женщины приехали в Констанц не для со-
ращения церковных мужей, как несправедливо (по его
мнению) утверждают многие историки, желающие опоро-
чить церковнослужителей. Они соблазняли только
светских людей!

Италии до серого Констанца, от теплой и ласковой страны до холодного имперского города наш герой, сидя в старинном экипаже, медленно двигавшемся по разбитым римским дорогам, пребывал в мрачном настроении, хотя Има, повсюду сопровождавшая Иоанна, делала все, чтобы развеселить его.

– Не нравится мне эта поездка, – говорил папа. – Не знаю, каких людей я встречу там. Боюсь, что вдали от Италии и моих людей мне придется очень туго.

«На протяжении всего пути, – пишет католический историк Альног, – Иоанн XXIII чувствовал себя неуверенно, он то взывал к народу—горожанам и крестьянам, встречавшимся по пути, то проклинал его. По всему было видно, что ему не хочется ехать в Констанц. Увидев издали этот город, он повторил то, что сказал однажды в Италии: “Так ловят лисиц”.

Однако первые дни пребывания в Констанце вселили в него надежду—представители, присутствовавшие на открытии собора, в большинстве своем были итальянцы и, казалось, были ему

преданы.

Собрание иерархов церкви происходило в огромном здании у озера, построенном незадолго до этого (в 1388 году) и служившем хранилищем для товаров, которые привозились в имперский город.

Размеры здания, где происходил знаменитый Констанцкий собор, трудно даже представить. Это строение сохранено и по сей день. Только одно из его помещений было размером 48 X 32 метра. Вдоль стен этого помещения были расставлены скамьи, на которых восседали иерархи церкви и другие участники собора: три западных «патриарха», двадцать девять кардиналов, тридцать три архиепископа, сто пятьдесят епископов, около трехсот ученых-богословов, множество настоятелей монастырей. Все вместе они и составляли Констанцкий собор.

Но присутствовали на соборе не только служители церкви. Влиятельные и знатные люди и правители Баварии, Австрии, Саксонии, Лотарингии, Мекленбурга, Шотландии, Польши, всех скандинавских стран, Неаполитанского королев-

ства и Сицилии также приехали в Констанц. В качестве наблюдателей прибыли посланцы византийского императора Эммануила Палеолога.

Косса, гордо подняв голову, величественный и внушительный, проследовал мимо участников собора на середину Зала. Прочитав молитву, он поднял руку и благословил всех участников собора. Затем распорядился, чтобы кресло, на котором он должен был сидеть, подняли выше, и объяснил:

– Председательствовать буду я.

Под кресло поставили высокий помост. Косса сел. «Только так я заставлю их слушать себя», – думал он. Но не успел он еще решить, что делать дальше, как поднялся шум и галдеж, пятьсот человек заговорили сразу на всех языках мира (латинский язык употреблялся только для официальных выступлений), и в суматохе, в этом втором «вавилонском столпотворении», было уже принято какое-то решение, смысл которого он не сразу понял.

В решении же говорилось следующее: «Кроме кардиналов, архиепископов, епископов, насто-

ятелей монастырей, право решающего голоса будут иметь также ученые-богословы, каноники и знатоки гражданского права».

«На каком основании они получают это право? – раздумывал Косса, возвращаясь после первого заседания во дворец, который был его резиденцией. – Как они посмели требовать этого? И как сумели отстоять это требование? Ведь право голоса имеют только служители церкви... Это дело рук француза!»⁴⁷

Белая лошадь тихонько брела по улице. Косса продолжал размышлять. «И все-таки первый день прошел неплохо. Я сумел показать им, что авторитет их собору придает только мое присутствие и председательствование».

Приближаясь к дворцу, он увидел, что у входа в него собралась группа людей. От группы отделился человек, подошел к папе и произнес по-итальянски:

⁴⁷ Действительно, вопрос об участии указанных выше лиц в голосовании поднял епископ Камбре Пьер д'Альи и сумел добиться его положительного решения.

– Святой отец. . .

Он был из Италии! Он говорил по-итальянски, на ломбардском диалекте! Человек этот был средних лет и казался сильно взволнованным.

– Святой отец, – произнес он снова, когда Косса спрыгнул с лошади и его окружили люди, толпившиеся у дворца и желавшие рассмотреть его поближе. – Святой отец, помогите мне! Помогите мне вернуть жену!

Голос человека мог взволновать кого угодно.

Но Иоанн XXIII торопился. У него было столько дел! И он нетерпеливо и укоризненно произнес:

– Добрый христианин, стоит ли беспокоить папу и отнимать у него время такой просьбой! . . .

Косса быстро стал подниматься по лестнице, чтобы отделаться от назойливого просителя. Но тот не отставал и вслед За Иоанном вошел во дворец.

– Гуиндаччо! Подлец! – крикнул Косса своему телохранителю. – Как ты смеешь оставлять меня без охраны? . . . Где Има?

Буонакорсо бросил злой взгляд на человека и зашептал на ухо Иоанну:

– Это Джаноби, муж синьоры Имы. Он приходил и раньше, хотел увести ее, но она убежала. . . Я вышвырнул его на улицу.

Папа Иоанн с ненавистью смотрел на Аньо-ло Джаноби. Миланский богач решил во что бы то ни стало вернуть жену (тем более что и католическая церковь проповедует нерушимость брака). Крайне взволнованный, с глазами, полными слез, он упал на колени перед нашим героем.

– Святой отец, святой отец, отпустите мою жену, позвольте ей вернуться ко мне! – умолял он.

– Несчастный, как я разрешу ей, если она этого не хочет! – воскликнул Иоанн.

В открытую дверь просовывались люди, рассматривая коленопреклоненного иностранца, докучавшего папе.

– Верните мне жену, святой отец, прикажите ей вернуться к законному мужу, – молил Джаноби.

Косса рассвирепел:

– К законному мужу! – саркастически повторил он слова Джаноби. – Ты—законный муж. ты любишь ее. А она-то любит тебя?

– Десять лет... Десять лет я прожил с ней в согласии. Десять лет я любил ее и сейчас люблю еще сильнее. Отдайте мне ее! – всхлипывал Джаноби, обнимая колени папы.

Толпа любопытных у раскрытых дверей увеличивалась с каждой минутой.

Косса оттолкнул Джаноби, метнул на него свирепый взгляд и дал ему увесистую пощечину.

– Ты знаешь Иму десять лет! Десять лет любил ее! А я люблю ее тридцать лет! Я узнал ее, когда она была еще девчонкой, в моих руках она стала женщиной. А как она любила меня! Когда мне угрожали пытки и смерть, она спасла меня, рискуя жизнью! В течение многих лет обстоятельства не позволяли мне встретиться с ней. Но как только я смог приехать в Болонью, я первым делом постарался найти ее... Но не нашел. Все годы, в горе и радости, я вспоминал о ней с чувством благодарности и думал: в

этой женщине—моя жизнь... Ты хочешь, чтобы я отдал ее тебе?... Иди... возьми ее... если она этого захочет!

Разгневанный Косса теперь уже один поднимался по лестнице. Женщина, со слезами на глазах следившая за ссорой из темноты, вышла ему навстречу и бросилась в объятия, взволнованно повторяя:

— Балтазар, Балтазар...—Тело ее содрогалось от рыданий.

— Има, если ты предпочитаешь... своего мужа...

Она потянула его в комнату, прикрыла дверь и заговорила:

— Балтазар, Балтазар... Я не думала, что ты... Если бы я знала, я не вышла бы замуж...

* * *

Судьба Имы теперь неразрывно была связана с судьбой Коссы.

Свидетелей ссоры папы с Джаноби было, к сожалению, слишком много. Толпившиеся у

дворца иностранцы и местные жители видели, как миланский феодал получил пощечину от «отца христианства». Тридцать человек, видевшие эту сцену, рассказали о ней тридцати тысячам жителей и иностранцев, и каждый присовокупил что-то от себя.

В тот же день слухи о происшедшем поползли по Констанцу, достигнув ушей тех, кому хотелось бы об этом услышать. Шумок грозил перерасти в гром. А это могло сильно повлиять на ход собора...

На следующий день собором было принято еще одно решение, не понравившееся Коссе.

Чтобы придать решениям собора большую силу, присутствовавшие договорились при голосовании руководствоваться национальным принципом, то есть, прежде чем проект решения будет оглашен перед высоким собранием, его должны обсудить между собой представители каждой национальной группы. В голосовании принимали участие Италия, Франция, Германия, Англия (Франция представляла также интересы шотландской и савойской церкви, Германия—

польской и венгерской). Таким образом, итальянские представители, хотя их и было много, не могли повлиять на работу собора, если Франция, Германия, Англия (и Испания, которая прикнула к ним позже) не были согласны с тем или иным предложением. Это окончательно вывело из равновесия Иоанна XXIII.

– Мне кажется, Има, – говорил он своей подруге, – что эти мерзавцы решили погубить меня. Не нравятся мне их выдумки. . .

А наедине с Буонакорсо, не сдерживаясь, кричал:

– Ты слышал когда-нибудь, Гуиндаччо, чтобы паршивая горстка людишек была сильнее папы?! Их, видишь ли, большинство! Негодное большинство. . . — Он грязно выругался. — У них больше прав!

Кроме того, нашему герою очень не нравилась и позиция Сигизмунда. Сигизмунд сумел короноваться помимо папы. Вернувшись в Констанц, он довольно холодно встретился с Иоанном (вероятно, и до него дошел слух о скандале папы с миланцем). Косса узнал, что Сигиз-

мунд попал под влияние крупных французских богословов (таких, как Жерсон и Пьер д'Альи) и поощрял враждебное отношение многих архиепископов к Иоанну XXIII.

Раздражение Коссы увеличивалось с каждым днем, так как он видел, что положение его становится все более непрочным.

– Попахивает порохом, – говорил он Име. – Созерцание этих рож не вселяет уверенности в успехе. Они все ненавидят меня и с трудом терпят мое председательствование. Но не беспокойся, я еще покажу им, на что я способен. . . У меня есть план. . .

– Гуиндаччо! – позвал он однажды своего телохранителя. – Сходи к австрийскому герцогу и попроси его прийти ко мне.

Одноглазый священник тут же отправился к Фридриху Австрийскому, чтобы передать ему приглашение папы.

Косса впервые встретился с Фридрихом Австрийским в Тренто, имперском городе в Тироле. Австрийский герцог, узнав о том, что папа по пути в Констанц должен проследовать через

Тренто, приехал туда и устроил папе встречу, достойную «отца христианства». У них сложились весьма доброжелательные отношения.

Герцог Фридрих Австрийский был злейшим врагом и соперником Сигизмунда. Он был зятем бывшего императора Рупрехта и возглавил теперь борьбу с представителем Люксембургской династии Сигизмундом. И хотя он был лишь герцогом, правителем считался уже могущественным. Кроме Австрии, ему подчинялись многие районы в Швейцарии и Эльзасе—отсюда ведут происхождение Габсбурги, – а также большие территории в южной Германии, особенно около Констанца.

– Герцог Фридрих, – официальным тоном заговорил папа, когда австрийский правитель явился к нему. – Ты получишь большой пост при святом престоле, ты будешь гонфалоньером, будешь получать тысячи золотых дукатов, если [13]. . .

О чем они говорили? Какое соглашение заключили герцог и папа?

* * *

Это было в последние дни февраля 1415 года. Положение Коссы становилось угрожающим. Итальянские представители доверительно сообщали остальным членам собора о делах, творимых нашим героем до того, как он стал папой, и о его похождениях за последние годы. Они поняли, куда дует ветер, и старались отмежеваться от папы, рассказывая о его жестокости, взяточничестве, об убийствах, совершенных им.

Как пишет секретарь папской канцелярии Дитрих фон Ним, «папу Иоанна XXIII обвиняли во всех смертных грехах». И добавляет, что рассказы эти производили такое страшное впечатление на остальных членов собора—немцев, поляков, англичан, — что они старались воспрепятствовать их дальнейшему распространению. «Ради бога, перестаньте! — взывали они к итальянцам. — Довольно! Не порочьте святой престол рассказами о грешных делах его служителя!»

«Иерархи церкви боялись, что если народ узнает о преступлениях, совершаемых “отцом

христианства”, то церковь потеряет влияние на свою паству, а это приведет к антицерковным выступлениям», – заключает Дитрих фон Ним.

Коссе быстро становились известными все разговоры его недругов, так как в каждой группе у него были подкупленные люди.

Он возмущался:

– Что такое я совершил? Разве я не мужчина? Я безнравственно покупал? Но я не лицемер и не собираюсь отказываться от того, что сделал. Не я первый. Кто из них без греха? Я как-нибудь на соборе разоблачу их. И спрошу: «Что вы можете сделать со мной? Папа я или нет? Кто может отстранить меня от престола? Никто! Папу можно низложить только тогда, когда он идет против церкви. А во всех других случаях, – пусть даже он совершал самые страшные преступления, – папа остается на престоле, незыблемый как скала» [77]!

Но это было самоутешением. Что Косса мог сделать, если на соборе было решено, что высшим церковным органом будет отныне собор и папа должен ему подчиняться? Жерсон, Пьер

д'Альи, кардинал Джамбарелла (которому Иоанн так верил, считая его преданным и верным человеком), а также крупнейшие ученые-теологи убедили всех, что собор в Констанце, поскольку он является Вселенским, имеет большую власть, чем папа.

Так обстояло дело в ту эпоху. Теперь, когда западная церковь «восстановила авторитет папы», превосходство вселенских соборов не признается. Папа ставится выше всех, – выше соборов, выше своих предшественников и, может быть, даже выше «учредителя папства» апостола Петра. Церковь вынуждена поддерживать этот порядок, чтобы избежать имевшего уже место разброда. Но в то время все приверженцы западной церкви пришли к выводу, что папа должен подчиняться решениям Вселенского собора. Особенно остро вопрос этот стоял на Констанцском соборе. И до приезда на собор, и уже в Констанце Иоанн лелеял слабую надежду:

«Раз император и все правители, созвавшие вместе со мной собор, пригласили на него моих соперников, а они не явились, собор может от-

странить их от престола как еретиков и раскольников. Раскол кончится, а единственным папой буду я».

Но в последнее время обстоятельства осложнились. И тогда в силу необходимости Косса решился на крайнюю меру:

– Дети мои, – обратился он к членам собора, – чтобы установить мир в церкви и навсегда уничтожить раскол, я готов оставить святой престол. Я искренне готов отстраниться первым, не дожидаясь отстранения Григория XII и Бенедикта XIII. Я готов подать пример бескорыстия. Братья, дети мои. я готов уйти по первому вашему слову!

* * *

Это произошло 1 марта 1415 года. И с того дня Иоанн XXIII не имел покоя.

– Почему же вы не отрекаетесь от престола? – спрашивали его участники собора. – Вы же обещали, что уйдете. Вы сами предложили это.

Наконец, потеряв терпение, 20 марта 1415 го-

да Косса позвал Буонакорсо и сказал:

— Иди к Фридриху Австрийскому. Я долго терпел, но больше терпеть не могу. Скажешь ему, что то, о чем мы договорились, должно произойти завтра или никогда. Спросишь, сохраняют ли силу наши условия.

Гуиндаччо возвратился через час.

— Завтра... — только и сказал он.

* * *

С самого утра следующего дня в Констанце царило праздничное оживление. Тысячи людей—местные жители и иностранные гости—направлялись за город, на большой луг, вокруг которого мастерами, нанятыми неделю назад Фридрихом Австрийским, были выстроены трибуны с местами для правителей, знатных людей и их жен, собравшихся в Констанце. Трибуны были задрапированы яркими разноцветными тканями. Здесь будет проходить турнир, организованный Фридрихом Австрийским, и сам он, одетый в железные доспехи, верхом на лошади, должен бу-

дет сразиться на зеленом поле перед трибунами с графом Шелли. Люди, пешие и конные, направлялись полюбоваться редким и увлекательным зрелищем. Но вот от толпы отделился какой-то всадник и свернул с прямой дороги в узкую улочку, ведущую к западной окраине города. На нем был потрепанный пестрый турнирный костюм, поверх которого была надета старая проржавленная кольчуга с оторвавшимися кое-где металлическими колечками. Забрало было спущено и наполовину скрывало лицо. Он был похож на конюха какого-нибудь рыцаря, принимавшего участие в турнире. Таких конюхов было множество, и на них никто не обращал внимания. Людей больше привлекали статные и красиво одетые рыцари. Никто не обратил внимания и на этого всадника, он без помехи покинул город и вскоре оказался достаточно далеко от луга, где проходил турнир. Тогда он подхлестнул лошадь и галопом поскакал по дороге [72].

На пути к Шафхаузену, в получасе езды от Констанца, на развилке трех дорог остановился толстый одноглазый священник, сидевший вер-

хом на муле, и беспокожно стал вглядываться в лица всех подъезжавших со стороны Констанца. Заметив вдали знакомого нам странного конюха, он хлестнул мула, но животное и не подумало сдвинуться с места. Тогда священник стал делать знаки подъезжавшему, чтобы он остановился. Человек приблизился и придержал лошадь.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, – ответил священник. – Тебя ждут в крепости.

Конечно, читатели уже догадались, что «конюх» этот был переодетый папа Иоанн XXIII, а священник—его верный телохранитель Гуиндаччо Буонакорсо.

Чтобы ослабить нажим со стороны «анархически настроенных» членов собора и императора Сигизмунда, Косса решил бежать из Констанца—этого «осинового гнезда». В этом ему должен был помочь Фридрих Австрийский, конечно не бескорыстно.

– Я почти свободен, Гуиндаччо, – произнес Косса. – И буду совсем свободен, как только укроюсь в крепости у Фридриха. Мне надо спе-

шить...

– Ах, святой отец, святой отец! – захныкал растолстевший гигант. – Я уже не тот, что раньше... У меня нет сил следовать за тобой...

– Не надо. Отправляйся в Констанц и скажи Фридриху, что ты встретил меня в назначенном месте. Но пусть он не прекращает турнира, пока я не пришлю гонца из крепости с известием, что я доехал.

Подхлестнув лошадь, он поскакал по дороге на запад. Косса приехал в Шафхаузен, расположился в главной крепости города, и, уверенный в неприступности своего убежища (крепость окружала стена толщиной в пять метров), отправил письмо императору Сигизмунду.

«Император Сигизмунд! Я снова свободен и независим от Вас, примкнувшего к моим злейшим врагам. Я чувствую себя здесь прекрасно. Но, несмотря на все, я не отказываюсь от своего обещания отречься от престола. Я сделаю Это ради установления мира в церкви. Но я сам решу, когда мне это сделать» [51, 67].

«Это был новый хитрый ход Иоанна XXIII, –

говорит историк католической церкви Мурре. – Иоанн XXIII ожидал, что его бегство приведет к роспуску собора».

В праздничном Констанце никто не подозревал о случившемся. Весь день продолжались состязания в фехтовании к удовольствию народа, жаждавшего зрелищ. Герцог Фридрих руководил турниром. И только вечером, когда из Шафхаузена было получено известие, что папа в безопасности, он объявил, что праздник закончен. Он посадил Гуиндаччо, который не мог больше держаться на муле от усталости, в экипаж, а сам галопом поскакал в Шафхаузен для встречи с папой [13].

О бегстве папы Констанц узнал на следующий день. Тревога и волнение овладели участниками собора.

– О-о!... Какой же это собор, если его не признает глава церкви! – вопили кардиналы, сторонники папы Иоанна XXIII. – Раз глава церкви ушел, собор надо распустить.

Кардиналы поддерживали пану, так как видели, что представители духовенства, собравшиеся

из всех уголков Европы, подавляют их. Они составляют большинство и принимают решения, не считаясь с мнением кардиналов.

Поддерживали Иоанна XXIII не только кардиналы. Его сторонниками оказались и некоторые светские владыки. Кроме герцога Фридриха, его союзниками готовы были стать и другие правители (из за ненависти к Сигизмунду): герцог Нассауский (один из семи курфюрстов, выбиравших императора) и маркграф Бернар Баденский. Большая часть членов собора, те, кто принимал решения, были разочарованы: их старания пропали даром. Правда, они осудили поступок папы, но что делать дальше—не знали.

Но нашлись, однако, люди, возмущенные поведением папы, которые сумели продолжить работу собора. В страстную пятницу 29 марта представители Германии, Франции и Англии, собравшись, приняли следующее решение:

«Наш собор, представляющий воинствующую церковь, осенен именем святого духа и является законной силой. Он черпает свою силу непосредственно от бога. И каждый, будь то даже сам

папа, обязан подчиняться его решениям, направленным к прекращению раскола и реформе церкви».

Это заявление корифеев церкви, участников собора, принятое без сбежавшего председателя— папы и кардиналов, защищавших его, служило как бы оправданием их дальнейших действий. Между строк сквозило волнение, некоторая неуверенность. Тем более что кардиналы, сторонники Коссы, старательно сеяли смуту. Они открыто вступились за своего главу. Они говорили, что политическая власть в Констанце своим враждебным отношением к верховному главе церкви вынудила папу к бегству, что у него не было другого выхода. Ими были написаны и расклеены на стенах домов листовки с призывом к тем, кто поддерживает папу Иоанна XXIII, отправиться в Шафхаузен и там продолжить работу собора.

«Покиньте Констанц, — писали они, — отправляйтесь в Шафхаузен. Анафема тому, кто не делает этого». И чтобы подать пример, первыми отбыли в Шафхаузен [87].

Бегство папы, вызвавшее такое волнение среди членов собора, на императора Сигизмунда не произвело никакого впечатления. Он возглавил воинственно настроенных против папы теологов, сумел рассеять пессимистические настроения и предотвратить роспуск собора. На следующий же день после неожиданного бегства Иоанна XXIII Сигизмунд в сопровождении группы всадников проехал по улицам Констанца, взывая к народу:

– Успокойтесь, все будет хорошо. Я заставлю папу вернуться в Констанц, а тех, кто помог ему, накажу по заслугам.

Собор был спасен от верного распада. Некоторые из членов собора готовы были расправиться с кардиналами, сторонниками папы. Но большинство иерархов церкви, настроенных более миролюбиво, сдержали их порыв, а Сигизмунду предложили повременить с выступлением против папы. Сигизмунд согласился и отправил к Иоанну послов, которые должны были узнать, собирается ли папа выполнить свое обещание и отречься от престола или он уже передумал.

К папе были посланы два кардинала (из тех,

что не сбежали в Шафхаузен) и два епископа.

Косса принял их... лежа в постели.

– Ни вы, ни какой-либо другой папа не может распустить собор, – заявили послы, – если собор сам не решит прекратить работу. Наш собор продолжается, вся власть, несмотря на ваше бегство, принадлежит ему. Все, и вы в том числе, обязаны подчиняться его решениям, ибо он—сама церковь. (Идея эта принадлежала теологу Жерсону и была принята собором.)

Иоанн XXIII улыбнулся.

– Вы рассуждаете, как еретики. Идея эта не может принадлежать церкви, никто не согласится с ней. Организм будет здоровым, если здоровы отдельные органы. Все должно находиться в гармонии. Голова—это часть организма, без нее организм погибнет, равно как и голова не может существовать без всего организма. То же и с церковью. Церковь—это некий организм, незримой главой которого является Иисус Христос, а зримой—я, папа. И поэтому решение собора противоречит законам церкви...

– Святой отец, – осмелился перебить Иоанна

один из кардиналов, – вы заявили, что ради блага церкви отречетесь от престола. . .

– Да, я говорил это, – подтвердил Косса. – Но это заявление было вырвано у меня силой. Вы сами видели, что решения принимались не большинством, что специально было придумано голосование по нациям.

– Как же теперь быть, святой отец? Значит, вы не отречетесь от престола? Ваше обещание теряет силу?

Косса вдруг высокомерно взглянул на послов.

– А что для меня сделает собор, если я отрежусь? Вы можете обещать мне Болонью и земли, примыкающие к ней? Вы можете обещать, что я останусь кардиналом с тридцатью тысячами золотых дукатов дохода в год? Можете простить мне все мои противозаконные поступки, которые вы так тщательно выискивали? И еще: можете ли вы ручаться, что ваш новый избранник, мой преемник, возьмется выдать мне индульгенцию с прощением всех моих грехов и преступлений, которые я еще могу совершить, если меня вынудят к этому обстоятельства?

Послы зашептались между собой, возмущенные такими требованиями Иоанна XXIII. Косса с саркастической улыбкой поглядывал па них.

– А как же вы думали, святые отцы? Что я оставляю престол, на который был возведен божьей милостью, без всякого вознаграждения?

«И, повернувшись спиной к послам, Косса демонстративно и цинично начал почесывать зад», – рассказывает его биограф Дитрих фон Ним и другие историки.

Последние слова папы и особенно его циничный жест убедили послов в бесполезности дальнейших переговоров, единственный выход они видели теперь в том, чтобы согласиться с предложением Сигизмунда: выступить с оружием в руках против папы и его защитника Фридриха Австрийского. Послы доложили о результатах переговоров собору, и собор предал Фридриха анафеме и лишил его всех прав, «так как он обманул императора и враждебно действовал по отношению к церкви».

Проклятие церкви означало, что подданные Фридриха не должны были больше соблюдать

клятву верности, которую они давали ему. Государства, примыкающие к границам Австрии, призывались к нападению на Фридриха и захвату его земель.

Император и собор обещали им отдать в полное владение все захваченное [33].

Сигизмунд оказался очень хорошим организатором. В течение месяца он сумел поднять на ноги всю неповоротливую доселе империю. Тридцать тысяч воинов графа Нюрнбергского были брошены против Фридриха. Они захватили несколько принадлежавших ему городов, расположенных между Констанцей и границей Швейцарии, и двинулись на Шафхаузен.

Видя, что враг приближается, папа и Фридрих Австрийский бежали из Шафхаузена. Шафхаузен сдался на милость императора Сигизмунда и попросил его покровительства. Примеру его последовал Фрауэнфельд в Тургау. Граф Точенбургский захватил город Фельдкирх и земли, лежащие рядом с ним и принадлежавшие отдельным мелким феодалам. Зеккинген был захвачен войсками графа Базельского. Эльзас, при-

надлежавший Габсбургам, также был оккупирован. Фридриху не без труда удалось вновь собрать войско. Но тут ему стало известно, что войска швейцарских городов Золотурна, Невшателя и Базеля объединились, подняли императорский флаг и заняли Брук, Аарау, Лейцберг и Армберг. В течение восьми дней швейцарцы, потеряв всего четырех человек, продвинулись в долину Аара и Рейса и стали хозяевами большого многонаселенного района с прекрасно обработанными землями. Так же успешно действовали войска городов Цюриха и Люцерна [33].

В то время как императорские и швейцарские войска одну за другой захватывали территории, принадлежавшие Фридриху, члены собора решили выступить с обвинением против беглеца папы. Теперь, когда Иоанн был бессилен и гоним, они осмелели. Даже кардиналы, которые прежде поддерживали папу, один за другим возвращались в Констанц. Тихие и скромные, они являлись на заседания собора и делали вид, что внимательно следят за его работой.

Девятое и десятое заседания собора были

посвящены допросам свидетелей по обвинению Коссы. И чего только не говорилось о нашем герое! Обвинения были так ужасны, что церковники испугались, как бы это не замарало репутации всех церковнослужителей, не вызвало скандала, и решили скрыть самые серьезные из них. Как же они поступили?

Из выдвинутых против Коссы обвинений были выброшены подробности фактов кровосмешительства, похищения женщин, краж, убийств, распутства, соращения девушек (история с тремястами монахинями), отравлений своих предшественников, взяточничества ⁴⁸. В официальном обвинении все эти проступки папы были названы «тягчайшими грехами» без раскрытия этой формулы.

Подобные факты не были новостью. Такие же вещи проделывали и другие «отцы христиан-

⁴⁸В выдвинутом против Коссы обвинении говорилось дословно следующее: «*Multos juvenes destruxit in posterioribus, quorum unus in fluxu janguinis decessit. . .*» («Многих девушек он лишил невинности, и некоторые из них, более слабые, даже умерли. . .»)

ства». Но члены собора в Констанце решили показать, что они стремятся к оздоровлению церкви и добиться отстранения этого «нераскаявшегося грешника» от управления церковью.

Полный обвинительный акт содержал 54 пункта, которые, по словам Дитриха фон Нима, раскрывали фантастическую развращенность папы и «тягчайшие грехи», им совершенные.

Обвинения в преступлениях, доказанные очевидцами—кардиналами, архиепископами, епископами и предъявленные папе, излагались, по словам Гобелинуса, кратко и сухо.

Иоанн XXIII обвинялся в том, что он:

1. Занимался продажей церковных постов и санов.

2. Один и тот же пост продавал нескольким лицам.

3. Смешал людей, занимавших те или иные церковные посты, а освободившееся место вновь перепродавал (дороже, чем раньше).

4. Хотел продать Флоренции останки святого Иоанна за 50 000 золотых флоринов.

5. За высокую плату разрешал светским лю-

дям предавать анафеме своих должников. (Эту милость он оказывал людям, в которых был заинтересован. Если, например, светский агент, продававший индульгенции, видел, что человек, купивший в рассрочку индульгенцию, перестал вовремя приносить взносы, он мог предать его анафеме, заставляя тем самым человека распродать все свое имущество и уплатить долг, чтобы церковь не понесла убытков.)

6. Отрицал загробную жизнь.

7. Не верил в воскресение умерших.

8. Спал с женой своего брата.

9. Прелюбодействовал со своей дочерью и внучкой.

10. Одновременно имел любовницами мать и дочь.

11. Развратил сотни девушек.

12. Состоял в связи с сотнями замужних женщин.

13. Свращал «христовых невест» в монастырях. (Этих девушек, посвятивших себя служению богу, а затем впавших в грех сладострастия, было более трехсот.)

14. Только в Болонье имел 300 любовниц.

15. Развратничал с лицами одного с ним пола.

16. Угнетал бедняков.

17. Нарушал все законы.

18. Был опорой нечестивцев.

19. Покровительствовал пороку.

20. Был кумиром симонистов.

21. Был рабом плоти.

22. Был худшим из грешников.

23. Отрицал добродетель.

24. Был средоточием пороков...

и так далее, до 54-го пункта.

Пункт 54-й резюмировал: «Он—воплощение дьявола».

Донателло. Голова-профиль папы Иоанна XXIII.

Ланфан, рассказывая о суде над Коссой на Констанцском соборе, обращает особое внимание па заключительные слова обвинения, характеризующие Иоанна XXIII, и говорит: «Кардиналы, которые избрали такого папу, клялись ему в верности, считали самым достойным из своей среды, сами, Значит, должны были быть распутниками и преступниками, каких не в силах нарисовать наша фантазия».

Далее историк добавляет: «Число отвратительных преступлений, совершенных главой церкви, которого избрал конклав, так велико, что трудно поверить в возможность совершения их одним человеком».

Хефеле пишет, что обвинение против папы Иоанна XXIII содержало 72 пункта. Обвинения эти теперь, когда можно было не опасаться гнева Иоанна XXIII, смело выдвигались и кардиналами и архиепископами.

Иерархи церкви продолжали заседать, но папа Иоанн XXIII еще не был в их руках и еще не

совсем безнадежны были дела его покровителя Фридриха Австрийского.

Бурхардт фон Мансберг отчаянно защищал Баден, правителем которого он был, Фридрих же, отступивший из Лауфенберга в Бриссак, решил держаться до конца. Баден, Зеккинген и Фельдкирх упорно оборонялись. Множество правителей городов, подчинявшихся Фридриху, оправившись от неожиданного нападения, объявили войну императору Сигизмунду. Тирольцы, верные подданные герцога Фридриха Австрийского, подстрекаемые феодалами, были готовы отомстить за своего правителя. Иоанн XXIII финансировал Эти выступления, выдавая на это огромные суммы. Правители Бургундии и Лотарингии также были готовы оказать поддержку австрийскому герцогу. Все еще надеялись, что Фридриху помогут его родственники Габсбурги, родной брат Эрнст и двоюродный брат Альберт. В прошлом судьба благоволила к Фридриху и сделала его самоуверенным. Теперь же счастье ему изменило. Неосмотрительный и безвольный по натуре, Фридрих растерялся. Кро-

ме того, большое влияние на Фридриха оказывал трусливый герцог Баварский, Людвиг. Шуткали, потерять в течение нескольких дней семьдесят городов и крепостей! Хоть папа Иоанн и надеется на него, как на святого, он твердо решил повиниться перед Сигизмундом, вымолить у него прощение, отдать себя на его милость—пусть даже для этого потребуется предать Иоанна XXIII.

Никогда еще правитель федеральной страны не унижался так перед императором!

Сигизмунд, чтобы сильнее подчеркнуть свою победу и унижение строптивного герцога, решил принять Фридриха на людях. В огромную трапезную монастыря святого Франциска он пригласил наиболее влиятельных членов собора, наиболее могущественных правителей и представителей итальянских городов.

Сигизмунд принял Фридриха и сопровождавших его графа Нюрнбергского и правителя Баварии Людвига. Взоры присутствующих обратились к несчастному австрийскому герцогу. Сигизмунд спросил:

– Чего вы хотите?

Граф Нюрнбергский, выступавший посредником, ответил:

– Всемогущественный монарх! Герцог Австрийский, мой дядя, униженно просит вас и членов собора простить ему его тягчайшую вину перед вами и собором. Он верит в вас, и, если вы обещаете, что он и его приближенные не понесут никакого наказания, готов доставить в Констанц папу Иоанна XXIII.

– Герцог Фридрих, – громко переспросил император, – вы подтверждаете слова вашего племянника? Вы готовы поклясться жизнью, что не нарушите наше соглашение?

– Да, я согласен. . . —дрожащим голосом, почти плача, произнес Фридрих Австрийский. – Низко кланяюсь вашему императорскому величеству. . .

Фридрих «уступил» императору Сигизмунду свои территории от Тироля до Брисгау. И надеялся, что император соизволит вернуть ему что-нибудь обратно! . . .

Ради своего спокойствия Сигизмунд оставил Фридриха Заложником. Он позвал покорного те-

перь правителя и пошел с ним к представителям итальянской церкви.

– Святые отцы, – обратился он к ним. – Вы знаете, как сильны австрийские правители. Теперь же вы можете судить, на что способен германский император! – И он указал на Фридриха.

Отпустив герцога Австрийского, Сигизмунд обратился к графу Нюрнбергскому.

– Ну, Фридрих, половина дела сделана. Ты доделаешь остальное. Найди Иоанна XXIII и доставь его сюда.

Граф Нюрнбергский. Фридрих Гогенцоллерн, был готов все сделать для Сигизмунда, так как тот обещал ему очень высокую и выгодную должность. Он должен был стать одним из семи курфюрстов, выбирающих императора, и, кроме того, правителем земли Бранденбург, самой большой провинции Восточной Германии, где находится Берлин [33].⁴⁹

⁴⁹Сигизмунд выполнил свое обещание. Фридрих Нюрнбергский, один из первых Гогенцоллернов, из мелкого феодала превратился и правителя крупнейшего района империи—Бранденбурга.

Итак, Фридрих Гогенцоллерн поспешил услужить своему покровителю Сигизмунду. Собрал войско, он двинулся на Фрейбург, куда бежал Иоанн XXIII. Фридрих хорошо изучил местность. Он перерезал все дороги, затем ворвался в Фрейбург. Ему удалось взять в плен Иоанна и доставить в маленький городок неподалеку от Констанца.

Это было 17 мая 1415 года. Тремя днями раньше, 14 мая, было созвано специальное заседание собора, которое еще раз решало судьбу Коссы—Иоанна XXIII. Члены собора лишили Иоанна XXIII всех прав и теперь, ничего не опасаясь, могли судить его.

29 мая 1415 года было созвано еще одно заседание собора для вынесения окончательного решения. На трибуну поднялся один из епископов и громко провозгласил:

– Сегодня решается судьба христианского мира. Сегодня будет отстранен от престола глава церкви [87].

Затем стали читать обвинительный акт.

В обвинении говорилось о недостойном бегстве переодетого в чужое платье папы, перечислялись его симонистские поступки, говорилось, что не было ничего, что бы он не продавал: посты, саны, индульгенции, упоминались растраты достояний римской церкви и церквей других европейских стран, о внесении светского влияния в духовное управление церковью.

В обвинении говорилось о ого ужасающей безнравственности и преступности. Папу Иоанна XXIII называли неисправимым грешником, упрямым скандалистом, интриганом, грубияном, безнравственным распутником, симонистом, вором, подстрекателем, предателем, убийцей, кровосмесителем, растлителем, нарушителем мира и единства церкви, человеком, недостойным управлять христианством.

Решение собора было оглашено на двенадцатом заседании. Собор решил, что Иоанн XXIII должен быть отстранен от престола и отправлен в «надежное» место под надзор императора Сигизмунда [67].

Наш герой тут же был препровожден в Гот-

лебенскую крепость в Тургау (Швейцария) и посажен в карцер. Разговаривать с ним никому не разрешалось. Казалось, что теперь все кончено. Он далеко от Италии, где с ним все же считались бы, даже если бы он был брошен в тюрьму! Дни в карцере тянулись бесконечно. . . В окошечке карцера Косса часто видел, как водили на допрос какого-то мужчину средних лет, серьезного, строгого, с библейским лицом и бородкой.

«Кто это?»—думал Косса.

Он пытался задать этот вопрос двум своим надзирателям. Только эти двое были всегда рядом и будут рядом еще долгие годы. . . Но они были немцами, не знали ни итальянского, ни латинского и никаких других языков и не понимали Коссу. За все время, которое он провел здесь, Косса ни с кем не мог поговорить. Только в конце недели ему улыбнулось счастье, словно солнечный луч проник в его мрачную тюрьму, — пришла Има.

— Балтазар. . . дорогой Балтазар, не теряй надежды. Все еще может перемениться. . . Тебя могут простить. . .

Косса покачал головой... От Имы он узнал имя серьезного человека с бородкой и другого, более молодого, которого также ежедневно допрашивали служители церкви, специально прибывшие из Констанца. Человек с бородкой был Ян Гус, известный богемский магистр богословия. Первым после Виклифа он обрушился на богатое и разложившееся духовенство Богемии. Он был чех, профессор Пражского университета и в Вифлеемской капелле в Праге вел службу на понятном народу чешском языке. Он выделялся строгой нравственностью, ровным и добрым характером, красноречием и остротой ума. В своих проповедях Гус страстно обличал злоупотребления и моральный упадок жадного католического духовенства.

– Спаситель призывал апостолов отречься от мирских благ. Однако нынешнее духовенство смеется над словом божьим. Светский яд проник в тело западной церкви, все духовенство отравлено духом стяжательства, – говорил он.

Еще па римском соборе папа Иоанн XXIII призывал осудить, как еретическое, учение Гуса и его

предшественника англичанина Виклифа. Мог ли думать тогда всемогущий папа Иоанн XXIII, что настанет время, когда ему придется встретиться с Гусом в этой страшной германской тюрьме. Гус был приглашен в Констанц якобы для того, чтобы разъяснить свое учение иерархам церкви. Учение его пользовалось большой популярностью в Богемии не только у народа, но и у правителей. Когда собор пригласил Гуса в Констанц, император Сигизмунд выдал ему охранную грамоту, гарантируя безопасность в Констанце. Но как только Гус прибыл в Констанц, он был схвачен и посажен в тюрьму.

Напрасно Гус протестовал, ссылаясь на охранную императорскую грамоту. Сигизмунд должен был подчиниться решению иерархов церкви, считавших Гуса еретиком.

Знакомства с учением не состоялось, а над Гусом решили устроить суд. Церковники дотошно копались в его сочинениях, выискивая расхождения с догмой католической церкви. Он сам должен был защищать себя перед собором, перед своими «судьями», ненавидевшими его за

то, что он разоблачал их грязные дела и требовал очищения церкви. Он один должен был противостоять тысяче своих врагов. И он успешно справился с этим, хотя члены собора изо всех сил старались унижить его, издевались и смеялись над ним. Когда же они поняли, что не могут опровергнуть его доводов, ему дали подписать бумагу, в которой говорилось, что он отрекается от своего учения. Гус отказался подписать ее.

– Я не могу отречься, – сказал он. – Я верю в то, что проповедую; я верю евангельской истине. . . Восстановите и вы ее, оздоровите церковь.

– Ты еретик, упрямый и неисправимый. Такие люди, как ты, приносят только вред церкви, – заявили в ответ члены собора.

Решением собора Гус был осужден как еретик. А для еретиков было одно наказание— смерть на костре. И Ян Гус был сожжен в Констанце.

Его-то и увидел Косса однажды утром из окошечка своей тюрьмы. На голове великого чеха был старинный колпак с изображением дьяволов.

Церковь, осудив еретика на сожжение, отправила его на тот свет с рекомендацией к сатане ⁵⁰.

После сожжения Гуса наступила очередь его ученика. Иеронима Пражского—молодого человека, которого видел в крепости Косса. Иероним Пражский изучал богословие в Гейдельберге, в Кёльне и в Оксфорде. Члены собора во время допроса не давали ему возможности ничего объяснить. Он должен был только отвечать на вопросы, которые ему задавали.

Наконец молодой человек не выдержал.

– Святые отцы, – обратился он к судьям. – Триста сорок дней вы держите меня закованным в цепи в грязной и страшной тюрьме. Мои обвинители разгуливают на свободе и клеветают на

⁵⁰Католические летописцы оправдывают церковь. Они говорят, что Гуса осудила не церковь, а светская власть. Церковь-де не ручалась за его безопасность. Император приказал казнить его, несмотря на выданную им же самим охранную грамоту. Охранная грамота выдана была якобы только для защиты от произвола. А решение собора—законно, и сожжение Гуса на костре— вполне справедливо [72]!

меня, а вы не разрешаете мне ни слова сказать в свое оправдание. Вас убедили, что я еретик и вероотступник, и поэтому вы не хотите выслушать меня. Но вы только люди. Вы не боги. Как люди вы можете ошибаться и заблуждаться. Речь идет не только о моей судьбе, но и о вашей чести. О чести собора, в который верит народ, надеясь, что здесь собрались самые светлые умы церкви. . . У каждого человека есть убеждения, которые ему кажутся самыми верными. Их можно оспаривать. Святой Иероним и святой Августин думали по-разному. Но никто не может обвинить их в еретизме. Истина рождается в споре, человек сам увидит, прав он или нет. Сколько замечательных людей, более мудрых и справедливых, чем я, было подвергнуто пыткам и уничтожению на основании ложных обвинений в нарушении церковных догматов. Совсем недавно здесь, в этом же месте, был приговорен к сожжению на костре Ян Гус, достойнейший из людей, справедливый и добрый человек. . . Вижу, что и мой час настал. . .

Последние слова были сказаны им не случай-

но, он ясно видел, что иерархи церкви, пригласившие Гуса и его на собор в Констанце «для обсуждения их учения», заранее решили ничего не обсуждать, а судить их как еретиков, причем приговор был заготовлен заранее: «Сжечь их на костре в назидание другим». Как только Иероним пробовал защищаться, его грубо обрывали, указывая, что он должен всего лишь отвечать на вопросы. Иероним настойчиво, перекрывая шум, требовал выслушать его. Хотя он понимал, что его сожгут. Голос у него был сильный, как колокол, он заглушал голоса разгневанных церковников, жесты сдержанны и полны достоинства. Он не испугался, не просил о помиловании в страшный час перед мучительной казнью. Как и Гус, он отказался подписать отречение.

– Подпиши, – медоточивыми голосами советовали ему многие церковники. – Ты образованный и красноречивый теолог. Жаль, если погибнет такой человек... Подпиши, и будешь жить. Не подпишешь—умрешь страшной смертью, как еретик...

Но их жертва, ученик Яна Гуса, с презрением

отверг предложение. Он иронически смотрел на них, гордый и смелый.

– Не унижу себя отречением, хоть мне и грозит смерть. Я верил и верю в то, что проповедовал.

И Иероним Пражский, как и его учитель, был сожжен.⁵¹

Мучения Иеронима Пражского, сидевшего в одной тюрьме с Коссой, описывает и Эней Сильвий Пикколомини, верный сын церкви, человек, которого трудно заподозрить в симпатии к ере-

⁵¹ Сведения о суде над Иеронимом Пражским взяты из записок Поджо Браччолини, который был в Констанце секретарем у Коссы. Он был очевидцем издевательств над Иеронимом. В письме к флорентийскому историку Леонардо Аретино он подробно описывает эту сцену. Описание это почти дословно совпадает с протоколами собора (которые приводятся в книге Ланфана «История собора в Констанце» и в сочинениях Сисмонди).

Католические историки, преданные святому престолу, утверждают, что Браччолини, хотя и занимал пост секретаря при святом престоле, был «антипапистом» и рассуждает пристрастно. . .

тику, – будущий папа Пий II. Он был очевидцем суда над Иеронимом и писал:

«Иероним шел на смерть спокойно и смело. Придя к месту, где совсем недавно был замучен его друг и учитель, он сам сбросил с себя одежду, стал у столба, к которому его должны были привязать, и прочитал молитву. Его цепями привязали к столбу, обернутому мокрой соломой, а потом ему по грудь навалили кучу дров. Когда подожгли костер, он начал петь псалмы и пламя и дым скрывали его. Потом пение прервалось. . . Так погиб выдающийся человек с великой душой (если, конечно, отбросить его идеи). Его стойкость превосходила стойкость Муция Сцеволы, который дал сечь себе руку, превосходила и стойкость Сократа, принявшего цикуту».

Совершить казнь над двумя еретиками иерархов церкви заставляло их положение официальных блюстителей церковных догм. Такие казни производились и раньше. Это никого не удивляло. Но, видно, времена стали другие, потому что, как только в Богемии узнали о казни двух великих сынов страны, там вспыхнуло восстание.

Католические войска, посланные в Богемию для подавления восстания, были разгромлены. Странники Гуса начали контрнаступление на германские земли, они решили расплатиться за многолетние притеснения. Император Сигизмунд, не зная, как спастись от мстительных чехов, обратился к Констанцскому собору с просьбой помочь ему. Ведь помог он им заманить в капкан двух выдающихся людей!

Констанцкий собор «разъяснил» императору, что совесть его может быть чиста, он не должен терзать себя мыслью, что нарушил обещание обеспечить безопасность Гусу. Гуса и Иеронима осудил собор, признав их еретиками, а еретикам никто не должен давать охранных грамот! Пепел сожженных старательно собрали и бросили в Рейн [46].

Узнав от Имы, что происходит за решеткой его темницы, Косса задал себе вопрос: «Что-то ожидает меня?» От Имы же он узнал еще одну новость—выбрали нового папу! Их было три. И все живые! Правда, все отстранены от престола (Григорий XII сам отрекся недавно, признав, что

давно должен был это сделать).

Кто же стал папой?

Има радостно сообщила ему:

– Папой выбрали твоего верного друга Оттона Колонну!

Оттон Колонна, как помнят читатели, всегда был верен Коссе. Он повторял слова Коссы, верил в то, во что верил Косса, думал так же, как Косса, во всем и всегда соглашался с ним.

Когда Косса бежал из Констанца, Оттон первым последовал за ним в Шафхаузен. И дольше всех оставался с ним. Он покинул его только тогда, когда убедился, что игра Коссы проиграна [8, 60, 77, 96].⁵²

Обо всем этом знала Има и поэтому так радовалась.

– Готовься, Балтазар. Скоро он прикажет освободить тебя. . .

Но наш герой, скептически улыбаясь, отрица-

⁵²Большинство историков утверждают, что Оттон Колонна был достойным папой. «Он был добродетелен, энергичен, прост, скромн, воспитан» [4, 80].

тельно покачал головой.

– Нет, Има, я его знаю. Он не освободит меня. Он слепо следует законам, поэтому он и был со мной. Ибо я был законным папой. Теперь он хозяин положения, и он не захочет освободить меня. Он будет держать меня под замком.

Действительно, об освобождении Коссы не было и речи. Новый папа боялся Иоанна XXIII. Он знал, что, несмотря ни на что, у Коссы было много друзей и сторонников даже в самой Германии и было опасно разрешить ему разъезжать где угодно (об этом говорят и историки, которые не симпатизируют папе Иоанну XXIII) ⁵³.

Предположения Имы не оправдались; церковные и светские власти решили перевести нашего героя в еще более надежное и укромное место. Коссу передали под надзор Людвигу III, курфюрсту Пфальцскому, давнему врагу Коссы, который ни за что не выпустил бы его, не дал бы возмож-

⁵³ Пастор пишет: «До 1418 года было много людей, считавших, что отлучение от престола Иоанна XXIII было незаконным». То же пишет и Л. Аретино в своих «Воспоминаниях».

ности начать все снова.

Людвиг перевез Коссу из Рудольфцелма, где он содержался последнее время, в Мангейм и заточил в крепость. В этой крепости наш герой провел несколько лет под надзором двух тюремщиков-немцев, не знавших ни одного слова ни на каком языке, кроме немецкого. Если бы не Има, которой иногда разрешали навещать Иоанна, он умер бы от тоски. Когда приходила Има, появлялись тюремщики, знавшие итальянский язык. Они стояли неподалеку и внимательно следили за разговором и жестами «супругов», чтобы Има не могла передать Иоанну какие-нибудь недозволенные вести от его сторонников. Оттон Колонна (папа Мартин V) побаивался, что немцы, державшиеся весьма независимо по отношению к церкви, при первой же ссоре с ним снова могут надеть на Иоанна XXIII папскую тиару ⁵⁴.

⁵⁴Сисмонди, ссылаясь на Л. Арентино, утверждает, что даже в Германии имелись сторонники Иоанна XXIII, возмущенные незаконным смещением папы. Далее Сисмонди рассказывает, что папа Мартин V требовал (и добился согласия собора), чтобы папу-узника

Однако желание Мартина V не сбылось. Косса узнал от Имы, что отношения между Сигизмундом и Людвигом III испортились. Тогда с помощью Имы он договорился с Людвигом III и тот за 38 тысяч золотых флоринов открыл дверь его тюрьмы (подробностей историки не сообщают) [80].

Бывший папа, переодетый, никем не признанный, вместе с Имой из Эльзаса переехал в Бургундию, оттуда в Савойю, а затем в Италию (в Лигурию) и там остановился (в каком городе, не известно). Он узнал, что папа Мартин V находится во Флоренции, написал ему письмо и отправил во Флоренцию Иму, чтобы она попросила

перевезли из Германии в Италию, где он приготовил для Иоанна тюрьму в подземелье крепости в Мантуе, так как, зная Иоанна, опасался, что тот сумеет договориться с немцами. Мартин V надеялся держать там Иоанна до конца жизни.

Католический историк Мурре пишет, что в этот период Косса стал раскаиваться в своих прошлых грехах, сочинял философские стихи о непрочности человеческого бытия.

богатых феодалов Медичи поговорить с новым папой.

«Пойдите и скажите Мартину V, – писал он, – что ему выгодно жить со мной в мире, что ему следует со мной договориться».

Джованни, старший из Медичи, воспользовался присутствием папы Мартина V во Флоренции и имел с ним разговор.

– Ради бога, святой отец, ради своего же блага не ссорьтесь с Иоанном, – убеждал он Мартина. – Примиритесь с ним ради интересов церкви. У него еще очень много друзей. Кроме того, вашим выдвижением в кардиналы вы обязаны Балтазару Коссе. Он вас всегда поддерживал. И вы помните об этом, поэтому тоже всегда поддерживали его. Вы забыли об этом только тогда, когда появилась перспектива вашего личного возвышения. . . Простите же его. Единство церкви будет обеспечено скорее добровольным отречением Иоанна, чем его пожизненным заключением. . .

Джованни Медичи замолчал, передал Мартину V письмо Иоанна XXIII и удалился.

О чем говорилось в этом письме?...

История наша подходит к концу. Остается сказать, что папа Иоанн XXIII приехал во Флоренцию и был принят папой Мартином V. Косса на коленях просил у папы прощения, заверяя его, что он добровольно отречется от престола и не имеет никаких претензий к новому папе.

Но глаза его хитро поблескивали.

– Святой отец, – скромно потупившись, заговорил он. – Можно ли надеяться, что вы оставите меня первым кардиналом?...

На следующий день он получил из рук папы красную шапку и снова стал именоваться «кардиналом Балтазаром Коссой». Он был первым из кардиналов святой коллегии. Первый из кардиналов жил в одном из прекрасных дворцов Флоренции со своей испытанной подругой Имой.

По некоторым источникам, разговор бывшего Иоанна XXIII и Джованни Медичи был не таким уж миролюбивым. И вот почему. Когда наш герой собирался уезжать из Италии на собор в Констанц, ставший для него роковым, он подумал: «Зачем тащить за собой все свое состояние

(скопить которое помогли пиратство, симония, продажа индульгенций, ростовщичество), когда можно оставить его во Флоренций, отдав на хранение Джованни Медичи, И вот теперь, когда он, вернувшись, встретился с Джованни и потребовал обратно бесценные сокровища, тот твердо ответил:

– Я получил все это на хранение от папы Иоанна XXIII и обязался все вернуть по первому его требованию. Я и отдам все папе Иоанну XXIII, когда он вернется. . .

– Негодяй. . . —только и мог ответить Косса своему «другу».

Мы не знаем, соответствует ли это действительности. Не исключено, что это так и было и что все состояние Иоанна XXIII, накопленное не очень честным путем, легло в основу последующего сказочного богатства дома Медичи. Интриги подобного рода не являлись редкостью. Но подтверждения достоверности этого факта нет [96].

С этого времени никаких сведений о нашем герое не имеется, кроме того, что он умер 22 де-

кабря 1419 года и что ему были устроены пышные похороны. Ничего неизвестно также и об Имме Давероне. Что с ней стало? Жила ли она во Флоренции или, неутешная, уехала в другой город? Единственное, о чем можно еще упомянуть, — это о часовне, воздвигнутой на могиле нашего героя, известной всем, кто бывал во Флоренции. Это выдающееся произведение скульптора и архитектора Донателло.

Козимо Медичи, как утверждают злые языки, в душе признавал, что в основу богатства его семьи легли сокровища, не возвращенные Коссе. Он и поручил великому скульптору создать эту часовню [99].

На могильной плите из белого мрамора лежит отлитая из бронзы и позолоченная маска Коссы, ниже—герб Иоанна XXIII, под ним высечены на мраморе кардинальская шапка и папская тиара; надпись гласит:

ЗДЕСЬ ПОКОЙТСЯ ПРАХ БАЛТАЗАРА КОССЫ, БЫВШЕГО ПАПЫ ИОАННА XXIII

Нужно ли теперь зачеркнуть эту надпись, и особенно слова: «бывшего папы Иоанна XXIII» — на памятнике, созданном Донателло? Наверно, нужно, раз это имя принадлежит не человеку, жившему 550 лет назад, а нашему современнику.

* * *

Вот и вся история Балтазара Коссы, первого Иоанна XXIII, о котором некоторые говорят, что он чрезмерно радовался жизни. Это верно; этот понтифик был жизнелюбцем и великим грешником.

Послесловие

Перевернута последняя страница своеобразного по форме и страшного по содержанию биографического романа о пирате Балтазаре Коссе. Читатель познакомился с одним из самых сложных периодов мрачной истории католической церкви, известным под названием «Великого раскола». Александр Парадисис наряду с любовными похождениями Балтазара Коссы—папы Иоанна XXIII раскрыл перед нами внутреннюю жизнь католической церкви, ревностно оберегаемую священнослужителями от постороннего глаза, показал ее «кадры», дал целую галерею пап—предшественников Иоанна XXIII, которые, как мы увидели, стоят один другого. Лишь ненависть вызывали они при жизни за свою алчность, распущенность и творимые злодеяния. Они и теперь возбуждают у честных людей чувство омерзения, несмотря на то, что многие из этих пап причислены к лику «святых», как якобы непогрешимые и непорочные в своей жизни и деятельности руководители христианства.

Роман Александра Парадисиса историчен в полном смысле слова. Факты, приводимые авто-

ром, соответствуют действительности и известны по свидетельству многих современников как Балтазара Коссы, так и других духовных и государственных деятелей, введенных автором в роман. Многочисленные примечания в тексте, хотя и затрудняют порой чтение, еще больше подчеркивают историчность романа и достоверность приводимых в нем фактов. Примечания раскрывают нам те стороны деятельности католической церкви и ее служителей, которые автор не мог включить в рамки романа, ограниченного определенной темой, но без которых многое из его содержания не было бы достаточно ясным читателю.

Роман «Жизнь и деятельность Балтазара Коссы (Папа Иоанн XXIII)» — одно из последних произведений Александра Парадисиса, написанных им за его почти сорокалетнюю писательскую и журналистскую деятельность. Александр Парадисис, грек по национальности, родился в 1899 году в семье мелкого буржуа в Смирне (Турция). Окончив в 1923 году философский факультет Афинского университета, он с тех пор

выступает в роли журналиста ряда афинских и зарубежных газет и автора многочисленных исторических этюдов и рассказов. Наиболее яркими произведениями Александра Парадисиса являются «Нерон», «Кровью и золотом», «Сицилийская вечерняя звезда», «Крестоносцы», «Адмиралы-пираты», «Королевы, правительницы, принцессы—авантюристки и преступницы».

Характерной чертой Александра Парадисиса как писателя является его страстное стремление поведать своим современникам правду о власти имущих, раскрыть перед ними всю низость, алчность, стяжательство и злодейство тех, кто наживал свои богатства ценою гибели и разорения целых народов, разоблачить «образ жизни» пиратов, грабителей, авантюристов мирового масштаба, в том числе и римских «наследников апостола Петра». «Папа Иоанн XXIII»—одно из наиболее крупных произведений Александра Парадисиса. Мракобесие и невежество, жадность и продажность, развращенность и цинизм, грабеж и убийство, отравление и насилие—все, чем богата история католической церкви, отразилось в

священнической жизни и деятельности Балтазара Коссы. Возможно, что он был единственным пиратом, ставшим папой, но все остальное, что говорится о нем в романе, было в большей или меньшей степени присуще всем римским папам.

Александр Парадисис говорит, что редкий папа в средние века умирал своей смертью. И верно, если взять хотя бы одних Иоаннов, то Иоанн VIII (мужчина) был отравлен и добит до смерти молотком, Иоанн X—задушен подушками, Иоанн XII умер от побоев разгневанного мужа одной из своих многочисленных любовниц, Иоанн XIV умер в тюрьме голодной смертью, Иоанну XVI, прежде чем его прикончить, выкололи глаза, отрезали нос, язык и уши. Подобная участь постигала не только Иоаннов. Но высокое положение это было настолько выгодным, что его добивались, несмотря на угрозу скорой смерти; каждый надеялся уцелеть и обогатиться.

Факты насильственного свержения пап говорят о наличии острой борьбы между отдельными группировками духовенства, королями и феодалами за право распоряжаться «святым престолом».

лом» в целях обогащения и использования влияния церкви на массы и на международные события в политических целях.

История католической церкви и христианства в целом является составной частью истории классового общества со всеми его пороками. Христианство возникло как продукт рабовладельческого строя, как выражение бессилия и отчаяния огромных масс рабов, чьи восстания из-за отсутствия ясной цели заканчивались разгромом, как попытка угнетенных и бесправных рабов обрести надежду на светлое будущее хотя бы в загробном мире, если его невозможно достичь при жизни. Господствующие классы очень скоро поняли полезную для себя сторону христианства и использовали его в борьбе против обездоленных ими рабов. Христианство стихийно возникших общин превратилось в церковь «пастухов и овец», где ведущие должности «пастухов» стали занимать представители высших слоев общества. Церковь-утешительница стала пособником эксплуататорских классов рабовладельческого строя. Однако церковь не разделила его уча-

сти до конца. Когда под ударами внутренних восстаний и в результате наступления германских и славянских племен извне Римская империя пала, а вместе с нею и рабовладельческий строй в Европе, церковь не прекратила своего существования. Ватиканская пропаганда, подчеркивая живучесть католической церкви, пытается сейчас доказать ее якобы особое предназначение как духовной организации, стоящей над обществом, аккумулирующей в себе преемственность всех веков и призванной указывать человечеству пути дальнейшего развития. Ватиканская пропаганда заявляет, что бури, потрясающие человеческое общество, проносятся мимо католической церкви, и пытается навязать народам идею о том, что католическая церковь является единственным пастырем человечества, что лишь она имеет подготовленную для управления миром организацию и силу, нужную для построения нового общества «всеобщего благоденствия».

Однако, как показывают факты, католическая церковь выжила после падения вскормившего ее рабовладельческого строя не потому,

что она не от мира сего и обладает какими-то сверхъестественными силами, а потому, что на смену рабовладению пришел новый классовый строй—феодализм, также взявший христианскую религию на идеологическое вооружение. Главная причина живучести христианства заключается в том, что существует общество, разделенное на классы, и пока будут существовать эксплуататорские классы, будет жить и церковь, поскольку она нужна им как орудие духовного порабощения трудящихся масс, как одно из средств отвлечения масс от борьбы за свои социальные, экономические и политические права.

Итак, к моменту повествования церковь пережила рабовладельческий строй и перешла в услужение к господствующему классу нового социального строя. Несмотря на пропагандистское заявление Ватикана о независимости церкви от власти имущих, она, за редким исключением, всегда занимала в обществе подчиненное положение. С V по X век церковь служила опорой королевской власти, получая в награду за свою службу земельные угодья и крепостных. В VIII

веке король франков Пипин Короткий пожаловал папе часть завоеванной им территории Италии и тем самым содействовал возникновению теократического государства в виде так называемой Папской области. С этого момента (756) папы стали обладателями не только духовной, но и светской власти, что наложило отпечаток и на их дальнейшую деятельность. Подобно другим феодалам, они стали стремиться к расширению границ своего государства, вели бесконечные войны, боролись с восстаниями, которые поднимали против пап отдельные города и провинции. Однако приобретение светской власти и территории не освободило пап от зависимости. После французских королей главенство над папами перешло к германским императорам. В X веке папы возводились на престол и свергались по воле римских феодалов. Знаменитые в то время римлянки Теодора—мать и ее дочери Мароция и Теодора (о первых двух говорится в введении к роману) были вполне реальные личности, управлявшие католической церковью в первой половине X века и сажавшие на «престол святого Петра» своих

любовников. В XI и XII веках папы временно добились усиления своего международного влияния и приоритета над светской властью королей и императоров, особенно при Иннокентии III (1198—1210), когда, по утверждению историков, вся Европа была у ног церкви. И не случайно ватиканская пропаганда прославляет эти годы как «лучшие годы человечества» и мечтает о возникновении такой ситуации, при которой католическая церковь смогла бы вновь встать во главе мира.

Власть пап была сломлена в конце XII века французскими королями, и вскоре наступил период так называемого «Авиньонского пленения» пап и «Великого раскола» церкви на два папства, о чем подробно рассказывается в романе Александра Парадисиса. Это был период, когда папы, за редким исключением, не имели почти никакого веса в международных делах.

В XIV веке внутри феодального общества стали складываться новые силы, которые подтачивали и разрушали его. Под влиянием этих же сил разлагалась и церковь, еще более упал автори-

тет папства, усилился антиклерикализм. Многие города отстраняли духовенство от занимаемых им светских постов и не допускали его к ведению светских судебных дел. Факт до этого времени совершенно немыслимый! Началась переоценка мировоззрений. Если светская власть пап и их политическое влияние на мир в средние века были неустойчивыми и большинство пап играли подчиненную и зависимую роль, то идеологическое воздействие католической церкви на людей было огромным и постоянно действующим фактором. Мировоззрение средних веков было главным образом геологическим. Первый удар по идеологическому влиянию церкви нанесло раннее Возрождение, возникшее в XIV веке в Италии. После многих веков духовного застоя появились новые философские воззрения, губительные для средневековой схоластики и для папства. Наиболее сильным философским течением был номинализм с его материалистическими тенденциями. Усилились и различные религиозные течения, отвергающие власть папы и догмы католической церкви: учение Виклифа в Англии,

осужденное Иоанном XXIII на соборе в Пизе, Яна Гуса в Чехии, сожженного по решению собора в Констанце, созванного тем же Иоанном XXIII. Но как нельзя было остановить развитие новых общественных отношений, так нельзя было остановить и развитие так называемых «ересей», выражающих изменение структуры общества и новых классовых сдвигов, облекавшихся в форму новых религий. Доказательство этому пришло в XVI веке, когда под влиянием реформации от католической церкви откололся весь север Европы.

Политическое влияние пап еще более сузилось, а вскоре у них была отнята и светская власть. Сначала это сделал Наполеон, отобрав у папы Папскую область. После смерти Наполеона Папская область была возвращена папству, но ненадолго. В 1870 году Итальянское государство присоединило эту область к своим владениям. Папы лишились своей феодальной опоры, и католическая церковь вновь должна была приспособиться к запросам нового класса эксплуататоров, класса буржуазии. И если в период феодализма католическое духовенство предпочитало

иметь землю и крепостных, то в настоящее время оно предпочитает получать проценты с капиталов, вложенных в промышленные предприятия. Сейчас Ватикан снова имеет свою территорию и именуется «государством», в котором, как и в былые времена, имеются управители, армия, судебные инстанции, тюрьма, дворцовая стража, но все это воспроизведено в микроскопическом виде и размещается на 44 гектарах, подаренных папе Пию XI в 1929 году фашистским диктатором Муссолини.

XX век в истории католической церкви ознаменовался ее служением фашизму и острой борьбой против основного «заблуждения» — марксистского материализма.

Вся деятельность католической церкви соткана из лжи, лицемерия и продажности. На протяжении всех веков своего существования католическая церковь с помощью сфабрикованных ею же самой новых библейских легенд и поддельных документов стремится доказать свою особенность: преемственность римскими епископами «духовной благодати» непосредственно от

мифической личности—апостола Петра как основоположника римской епархии, приоритет римских епископов—пап над другими христианскими епископами, их непогрешимость и так далее.

Однако, исторические исследования многих поколений ученых не дают католической церкви права говорить о каком-либо приоритете римских епископов. Дело в том, что епископство в Риме возникло лишь в конце II века. Все имена римских епископов I и II веков были выдуманы уже в более поздние времена, примерно в IV веке, когда западная церковь впервые выдвинула версию о своем происхождении. Неразбериха с папами продолжается и по сей день. До настоящего времени числится два Бенедикта IX (1033—1045 и 1046—1048), два Стефана II (752 и 752—757), два Го-нория II (1061—1064 и 1124—1130), бесследно затерялся где-то между 1033 и 1276 годами Иоанн XX. Под этим номером нет папы. О папе-женщине, которая правила церковью под именем Иоанна VIII, осталась одна легенда. Если женщина и была папой, то церковь вовремя сумела вычеркнуть ее из списков своих пап, при-

своив ее номер папе-мужчине (872—882). Точно так же она поступила в 1958 году с негодным ей Балтазаром Коссой (Иоанном XXIII), но времена сейчас не те, шила в мешке уже не утаишь.

Последнее время католическая церковь пересматривает список пап и постепенно сокращает его, оставляя якобы только достоверных пастырей католической церкви. Все остальные имена либо выбрасываются, либо приписываются так называемым «антипапам», лицам по тем или иным причинам неправильно избранным или незаконно занявшим «престол святого Петра», хотя по учению той же католической церкви каждый кандидат в папы заранее предопределен богом.

Другая фальсификация, появившаяся в VIII веке для обоснования права пап на Папскую область, гласит, что католическая церковь получила права на светскую власть еще в IV веке н. э. от императора Константина, который якобы передал папе Сильвестру I власть над Римом, Италией и вообще над всей западной частью Римской империи. Подложность «дара Константина

Великого» была разоблачена гуманистом XIV века Валлой, но католическая церковь не признала этого до сих пор.

Следующая крупная подделка была сфабрикована в XI веке и известна под названием «Лжеисидоровых декреталий». Был издан сборник якобы подлинных декретов римских пап ранних веков, начиная с конца I века. В этом документе католическая церковь вновь делает попытку доказать право римских епископов на главенство в церкви, на независимость католической церкви от светских властей и проводит идею о непогрешимости пап.

В качестве фальсификации истории нужно рассматривать и попытки католической церкви скрыть отдельные документы, показывающие ее деятельность с неблагоприятной стороны. Одним из таких примеров является включение в «Перечень главнейших заблуждений нашего времени» («Силлабус»), изданный Пием IX в 1864 году, такс отпущения грехов, установленных папами, в том числе и Иоанном XXIII. о чем подробно рассказывается в романе Александра Парадиси-

са. Католикам запрещается под страхом отлучения от церкви читать эти таксы, хотя они были разработаны «непогрешимыми» папами, помыслами которых руководил сам бог.

Католическая церковь настолько боится разоблачения своей истории в глазах верующих, что она начиная с XIII века запретила им читать Библию. Только священник мог излагать ее верующим и соответствующим образом толковать, не задевая интересов самой церкви. Под влиянием времени папы вынуждены были отменить этот запрет, и в начале XX века католики получили право читать Библию, но только на латинском языке (на других языках католическая церковь ее не издает) и только с грифом «разрешено к изданию Ватиканом». Связано это с тем, что при переводе Библии с древнееврейского языка на латинский были допущены в интересах церкви сознательные искажения текста и сейчас католическая церковь совершенно не заинтересована в том, чтобы в умы верующих закрались сомнения о нечистоплотности католической церкви.

Можно привести ряд других примеров, как

действует церковь, когда ей нужно, чтобы люди забыли о ее прошлом. Как известно, героиня французского народа Жанна Д'Арк была сожжена по приговору католической церкви. Однако в XX веке после первой мировой войны та же церковь причислила ее к лику святых. Другой пример. Всем известно, что жизнь пап была переполнена кровавыми злодеяниями и распутными похождениями. Но как скрыть это от народа? И католическая церковь придумала канонизацию пап, причисление их «к лику святых» для того, чтобы ореолом святости прикрыть позорящие человечество деяния этих «святых» при жизни и таким путем предать забвению то, что невыгодно для церкви.

Стремление Ватикана вычеркнуть имя Иоанна XXIII из истории католической церкви путем присвоения его имени новым папой также является очередной фальсификацией. Не было такого папы, говорит церковь, ну а поскольку она «непогрешима», полагается верить ей, хотя она и явно лжет, потому что до самого последнего времени Иоанн XXIII считался 206-м папой.

Балтазар Косса—Иоанн XXIII—вел бурную жизнь и многое сделал по укреплению позиций церкви. В романе Александра Парадисиса очень ярко показана и эта сторона его деятельности.

Будучи кардиналом, он созвал собор в Пизе (1409), который избрал законного, с точки зрения католической церкви, папу Александра V и оценивался современниками как единственный действительно Вселенский собор из трёх созданных в то время. Собор принял решение о запрещении учения английского богослова Виклифа, книги которого и те, кто смел их распространять, на основании этого решения подверглись сожжению. На этом соборе была сделана попытка облагородить церковь, подать ее историю в более благоприятном свете. Решения этого собора признаются католической церковью до сих пор, несмотря на то, что, как утверждают историки, «душой» и «движущей силой» Этого собора был не кто иной, как игнорируемый сейчас церковью Балтазар Косса.

Балтазар Косса, находясь при папе Александре V в качестве первого кардинала и фактиче-

ского руководителя церкви, добился, чтобы этого папу признали почти все существующие в то время государства Европы. На Констанцском соборе Иоанн XXIII дал согласие передать Яна Гуса следственной комиссии и тем самым определил его дальнейшую судьбу, потому что заключение этой комиссии могло быть только одно—сжечь Яна Гуса как еретика. Иоанн XXIII увеличил сферу применения индульгенций, и его опыт широко использовался его преемниками на папском престоле. Предполагают, что именно он учредил первый банк папства, под проценты ссужавший деньгами всех нуждающихся в них и ставший прототипом существующего ныне ватиканского банка имени «Святого духа».

Вычеркивая из истории папства имена пап, церковь оказывается перед неразрешимой задачей: как быть с историей самой церкви, как жила она в те годы, когда не было пап? Нужно либо оставить в истории «окна», либо растянуть годы понтификата тех пап, которые остались признанными, то есть снова и снова заниматься фальсификацией. Балтазар Косса пять лет был па-

пой. Кого же из пап ватиканские «историки» могут поставить на его место? Папу Григория XII или Бенедикта XIII, которые существовали в одно время с Иоанном XXIII, однако историки единодушно утверждают, что их роль в то время была равна нулю. Они только могли предавать друг друга анафеме, но реальной власти не имели. Признанным всеми государствами Европы был папа Иоанн XXIII. Автор романа справедливо отмечает, что, если католической церкви удастся предать забвению папу Иоанна XXIII, тогда следует предать забвению и многое другое из ее истории. Не известно, как поступит католическая церковь в дальнейшем, но как нельзя выкинуть слова из песни, так нельзя вычеркнуть из прошлого католической церкви истории жизни любого папы, и особенно такой громкой и скандальной, какой была жизнь пирата-папы.

Роман «Жизнь и деятельность Балтазара Коссы» является ярким и обличительным свидетельством против католической церкви. Своим появлением в свет он не только помешал католической церкви скрыть неприглядные факты из ее

прошлого, по и обогатил читателя знанием закулисной деятельности католической церкви средних веков и вооружил его способностью глубже видеть то, что таится за декларациями современных корифеев церкви.

М. Возчиков

Библиография [56]

1. Agrippa v. Nettesheim, *De incertitudine et vanitate omnium scientiarum, et artium*, 1622.
2. Alberghini (Filippo), *B. Cossa*, Bologna, 1825.
3. Almeras (Henri d'), *Un proces d'envoutement au Moyen-Age*, Paris, 1287.
4. Alzog (Johannes Baptist), *Lehrbuch der Universalkirchengeschichte*, Paris, 1881.
5. Ammirato (Scipione), *Istorie Fiorentine*, Firenze, 1848.
6. Aretino (Pietro), *Ragionamenti*, 1532—1534.
7. Aretin (Leonardo), *Rerum suo tempore in Italia gestarum eommentarius ab anno 1378 usque ad annum 1440*, Milano 1731.
8. Artaud, *Italie*, Paris, 1852.
9. Baedeker (Karl), *Italie Septentrionale*, Leipzig, 1913.
10. Baluze, *Vitae Papparum avenionensium*, Paris, 1693.
11. Bandello (Matteo), *Tutte le opere*, Milano, 1934.
12. Baronii, *Annales ecclesiastici a christo nato ad annum 1198*, Lucca e, 1738.
13. Bas (Le), *Allemagne*, Paris, 1838.

14. Belgrano (L. J.), *Delia vita privata dei Genovesi*, Genova, 1875.
15. Bernareggi, *I Papi*, Bergamo, 1940.
16. Bollandus, *Acta sanctorum* (Жизнь католических святых), Antverpiae, 1643.
17. Bonneau (Alcide), *Nouvelles choisies de Masuccio*, Paris, 1890.
18. Borromeo (Carlo), *Costituzioni e Regole del Monastero di San Paolo di Milano*, Milano, 1626.
19. Botta (Carlo), *Histoire des Peuples d'Italia*, vol. 3, Bruxelles, 1825.
20. Bracciolini (Poggio Fiorentino), *Facezie*, Milano (без даты).
21. Burckhardt (Jacob), *The Civilization of the Renaissance in Italy*, London, 1950.
22. Calmet (Augustin), *Histoire ecclesiastique et civile de Lorraine*, vol. 2, Nancy, 1728.
23. Cantu (Cezare), *Storia Universale*, vol. IX—XIII, Torino, 1884.
24. Capponi (Gino), *Storia della Repubblica di Firenze*, 1875.
25. Cazal (Edm.), *L'inquisition en Italie*, Paris, 1924.

26. Challamel, Les Corsaires et la guerre maritime, Paris, 1904.
27. Cheruel (Adolphe), Dictionnaire historique des institutions, moeurs et contumes de la France, p. 1—2, Paris, 1874.
28. Chronique du religieux de Saint Denys, vol. III, Paris, 1841.
29. Clemangi (Nicol.), Liber de corrupto ecclesiae statu, Leyden, 1613.
30. Contreras (Alonso de), Memoires (Confession du Corsaire inconnu). Bulletin de l'Academie de Madride, 1900.
31. Corio (Bernardino), Historia c'i Milano, Milano, 1855—1857.
32. Coryat (Thomas), Crudities Hastily goblet up in five Months Travels, London, 1905.
33. Coxe (Will), History of the House of Austria, 1807; французское издание: Histoire de la maison d'Autriche, I, Paris.
34. Cronica di Bologna, Bologna, 1903.
35. Cypriani (sancti), Opera; Epistola 62 ad Pompon; De habit, virgin., Paris, 1726.
36. Dante (Alighieri), Comedia Divina.

37. Didier (saint), *La vilie et la Republique de Venise*, Den Haag, 1685.
38. Duchesne (Louis), Ed., *Liber Pontificalis*, Paris.
39. Durant (Will), *The Age of Faith*, vol. 27, New York, 1950.
40. Estienne (Henri II), *Apologie pour Herodote*, Geneve, 1556.
41. Fancelli (Em.), *L'Antipapa (Балтазар Косса—Иоанн XXIII)* Firenze, 1934.
42. Flodoardo, *Annales (919—966)*.
43. Forster (K.), *Pologne*, Paris, 1840.
44. Frati (Lodov.), *La vita privata di Bologna nel Medio Evo*, Firenze, 1898.
45. Froissart (Jean), *Chronique de France, d'Angleterre, d'Ecosse et d'Espagne*, Paris, 1892.
46. Gardner (James), *The Faiths in the World*, vol. II, London-Edinburgh.
47. Giannone (P.), *Storia civile del regno di Napoli*, vol. IV, 1723.
48. Gobelinus (Persqna), *Cosmodromii, Aetas*.
49. Gozzadini, Nanne Gozzadini e Baldassare Cossa, *Bologna*, 1880.

50. Gregorovius (Ferdinand), Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, 1859—1872.
51. Hardouin (Jean), Collectio Conciliorum, Paris, 1715.
52. Haymard (Fer.), Histoire des Papes, Paris, 1929.
53. Hefele (Karl Josef v.) Konziliengeschichte nach den Quellen bearbeitet, Freiburg in Brisg.
54. Hodkin (Thomas), Passing of the age of chivalry and the Papal supremacy restored (from Harmsworth «History of the World»), vol. V, London, 1909.
55. Homo (L.), Средневековой Рим, Paris, 1934.
56. Hubac (Pierre), Les Barbaresques, Paris, 1949.
57. Kuhner (Hans), Dictionnaire des papes, de saint Pierre a Jean XXIII, Paris, 1958.
58. Labbe (Philippe), Collection Generale des Saints conciles (Conciliorum collectio), Paris, 1671.
59. Lea (Henri Charles), A History of the Inquisition, 1888.
60. Lenfant (Jacques), Concile de Constance,

Amsterdam, 1714.

61. Lenfant (facques), Histoire du concile de Pise, Amsterdam, 1724.

62. Liutprand (di Cremona), Antapodosis (ove sono narrate le vicende del! Impero e dell' It. dall' 888—950).

63. Liorente (Juan Antonio don), Historia critica de la inquisicion de Espana, Paris, 1815—1817.

64. Mabillon (fean), Vetera analects, Paris, 1675.

65. Maillard (Olivier), Opera (Quadragesimale opus), Paris, 1512.

66. Malet (A), XIV Steele, Paris, 1929.

67. Mansi (Giov. Dom.), Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio, vol. XXIX (до 1509), Venetiis, 1788.

68. Masuccio (Guardato Tom.), Il Novelino (с примечаниями, выводами и примерами), 1476.

69. Miscellanea di Storia Italians, vol. VIII, ser. I.

70. More He (P.), Histoire de la Sorcellerie, Paris, 1946.

71. More 11 i (Giovanni), Ricordi nelle delizie degli eruditi Toscani Roma, 1900.

72. Mourret (Fernand), *Histoire Generale de l'Eglise* (V. La Renaissance et la Reforme). Paris, 1929.

73. Muller (Johann), *Ge^chichter der schweiz. Eidgenossenschaft*, bd. 2, Leinzig, 1786; французское издание: *Histoire de la confederation Suisse*, Paris, 1837. 74. Muratori (Lodovico Antonio), *Rerum Italicorum scriptores*, Milano, 1723—1738,

75. Muratori (Lodovico Antonio), *Antiquitates Italicae mediiaevi*, Milano, 1738—1742.

76. Muratori (Lodovico Antonio), *Annali d'Italia*, Roma, 1744—1749.

77. Nimensis (Theodoric, Dietrich von Niem или Nieheim), *Historia de vita Johannis XXIII*, Frankfurt, 1620 (см. также Meibonii, *Rerum Germanicarum Scriptores*, vol. I).

78. Nimensis (Theodoric, Dietrich von Niem или Nieheim), *De schismate papistico*, Leipzig, 1890.

79. Paschini (Pio), *Roma nel Rinascimento*. Istituto di Studi Romani, Bologna, 1940.

80. Pastor (Ludwig v.), *Storia dei Papi dalla fine del Medio Evo* (итальянский перевод с IV оригинального издания), Roma, 1910.

81. Petrarca (Francesco), Epistolae de rebus familiaribus et variae Firenze, 1859.
82. Petrarca (Francesco), Opera, Basileae, 1581.
83. Pie II (Aeneas Sylvius Piccolomini), Lettres, Lyon, 1505.
84. Pizzichi, Viaggio per l'alta Italia, Firenze, 1820.
85. Polnitz (Charles Louis, baron de), Me'moires, Lyon, 1734.
86. Pontano (Giovanni), La vie de Benois XIII, Paris, 1903.
87. Potter (L. J. A- de), L'histoire du christianisme, Paris, 1836.
88. Raemond (Florimond de), Histoire de l'heresie, Paris, 1610.
89. Raynaldi (Odor), Annales ecclesiastici (после Барония), Luaccae.
90. Renieri (Marcos)1881.
91. Rodocanachi (E.), La femme Italienne, avant, pendant et apres la Renaissance, Paris, 1922.
92. Sacchetti (Franco), Le Nouvelle, Firenze, 1925.
93. Salvatorelli, Storia d'Italia, Torino, 1939.

94. Sansovino (Mat.), Il destino di Gregorio XII, Bari, 1871.
95. Schœffer (M. S. Fr.), Cours d'histoire des états européens, depuis le bouleversement de l'Empire Romain d'Occident jusqu'en 1789, Paris, 1830—1834.
96. Sismondi (J. C. L. Sim. de), Histoire des républiques italiennes du moyen-âge, Paris, 1840.
97. Strano (Titin.), Ginevra Benrivoglio, Milano, 1937.
98. Taxae cancellariae apostolicae et sacrae penitentiariae, Sylvae Ducis, 1706.
99. Touring-Club, «Toscano», Milano, 1934.
100. Treves, Roma, 1912.
101. Trevisani (C), Storia di Roma nel Medio evo, Torino, 1895.
102. Vasari (Giorgio), Vite de' più celebri pittori, scultori e architetti (Vita di Nic. di Pier. Aretino).
103. Vie et Memoires de Scipion de Ricci, eveque de Pistoie, Paris, 1826.
104. Vioreggio (Primo Camillo da), Vita de' Pontefici, Napoli, 1753.
105. William of Malmsbury, Gesta rerum

Anglorum (Acta of the Kings of the English), transl.
«Chronicle», London, 1847.

IJf». Zeller (JulesSylvain), Histoire de Pltalie
depuis l'invasion des barbares jusqu'a nos jours,
Paris, 1853.

PDF Generation

Generated on *1 ноября 2008 г.* by **fb2pdf** version
3.14

<http://www.fb2pdf.com/>